

Федеральная палата адвокатов России
Адвокатская палата г. Москвы
Общество психоаналитической психотерапии
Адвокатская контора «Аснис и партнёры»

София Нагорная, Шамиль Хазиев

ДОЛГ АДВОКАТА И ЭТИКА ПСИХОЛОГА

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации
Адвокатская палата г. Москвы
Общество психоаналитической психотерапии
Адвокатская контора «Аснис и партнёры»

София Нагорная, Шамиль Хазиев

**ДОЛГ АДВОКАТА
И ЭТИКА ПСИХОЛОГА:
ПСИХИЧЕСКАЯ
(ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ) ПЫТКА
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ**

Москва
ЛУМ
2020

УДК 174:347.965
ББК 67.75+87.751.4
Н16

София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России, Ответственный редактор А.С. Ковалец, Вступительное слово академика РАН А.А. Гусейнова, — Москва, ЛУМ, 2020, — 172 с.

ISBN 978-5-906072-33-7

Первая в России междисциплинарная разработка темы запрещённой Конвенцией ООН психической (психологической) пытки, осуществленная психологом С. Нагорной и адвокатом, доктором юридических наук Ш. Хазиевым, при участии таких институтов гражданского общества как Федеральная палата адвокатов РФ, Общество психоаналитической психотерапии, Адвокатская палата г. Москвы, адвокатская контора «Аснис и партнёры». Прилагается переведенный при содействии Адвокатской палаты г. Москвы текст Доклада ООН (2020 г.) о психологических пытках.

Психология – Отраслевая (прикладная) психология – Судебная (юридическая) психология – Психологические проблемы следственной практики и судопроизводства. Государство и право. Юридические науки – Уголовный процесс – Российская Федерация – Дознание – Предварительное следствие – Обвиняемый на предварительном следствии. Государство и право. Юридические науки – Государственное (конституционное) право – Российская Федерация – Правовое положение граждан. Государство и право. Юридические науки – Международное публичное право – Конвенция ООН о запрете пыток – Защита прав человека. Психологическая пытка. Психология допроса.

Sophia Nagornaya, Shamil Khaziev, “Defense Attorney’s Duty and Psychologist’s Ethic: Mental (Psychological) Torture in the Russian Legal System”, edited by Anna Kovalets, Foreword by Abdusalam Guseinov, — Moscow, Loom, 2020, — 172 p.

ISBN 978-5-906072-33-7

The first Russian interdisciplinary research of lawyers and psychologists on the subject of mental (psychological) torture prohibited in UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman, or Degrading Treatment or Punishment (1984) with the participation of the Federal Chamber of Advocates, the Moscow Chamber of Advocates, Law firm “Asnis and Partners” and the Society of Psychoanalytic Psychotherapy. Included Russian translation of UN Report on psychological torture (2020). Torture – Law and legislation – Russia (Federation). Psychological torture. Human rights – Russia (Federation). UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman, or Degrading Treatment or Punishment (1984). Torture (International law). Torture – Law and legislation. Psychological torture. Police questioning – Psychological aspects. Human rights.

На обложке: *Рафаэль Санти. Правосудие. Фреска потолка (фрагмент). 1509-1511. Станца делла Сентьятура, Ватикан.*

УДК 174:347.965
ББК 67.75+87.751.4

ISBN 978-5-906072-33-7

Оформление © ЛУМ/LOOM, 2020

*Посвящается памяти
адвоката
Генриха Семеновича Рубежова (1929–1985)
и судебного психолога
Александра Рувимовича Ратинова (1920–2007)*

Рецензенты

*Председатель Этического комитета Общества
психоаналитической психотерапии (члена Европейской
федерации психоаналитической психотерапии),
доктор медицинских наук
Ольга Николаевна Ершова*

*Экс-судья Европейского суда по правам человека,
доктор юридических наук
Анатолий Иванович Ковлер*

*Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
и Адвокатской палаты г. Москвы, член Совета
по правам человека при Президенте РФ,
кандидат юридических наук
Генри Маркович Резник*

Содержание

Вступительное слово <i>А.А. Гусейнов</i> «Душа умирает раньше тела»	8
Адвокатское предисловие <i>А. Аснис, С. Володина</i> Союз адвокатов и психологов ради России без пыток	15
Психологическое предисловие <i>А. Ковалец</i> На стороне защиты	20
Часть 1. Долг адвоката	41
Часть 2. Этика психолога	89
Послесловие <i>П. Баренбойм</i> Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология	100
Приложение	111

*Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплочных мастеров.
Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычайек –
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.*

Максимилиан Волошин, 1920 год

Самой ужасающей жестокостью является наше безразличие. Сегодня, в День прав человека, мы должны помнить, что человеческое достоинство неприкосновенно и запрещение пыток абсолютно. При этом мы знаем, что пытки, жестокость и унижения все ещё практикуются во всём мире... Как можем мы пировать за столами наших уютных домов, когда наших братьев ломают, коверкают и унижают прямо перед нашими подъездами?

Всеобщая Декларация о правах человека бескомпромиссно провозгласила человечество, основанное на мире, справедливости и человеческом достоинстве. Сегодня, 70 лет спустя, мы не сдержали это обещание и должны как в зеркале увидеть правду, что без изменения нашего отношения и решительных шагов к принятию полной ответственности, оно никогда не сбудется.

Нилс Мелцер
Специальный докладчик ООН
по пыткам (автор доклада ООН 2020
о психологической пытке)

А.А. Гусейнов
Академик РАН,
доктор философских наук

«Душа умирает раньше тела»

Вынесенные в заглавие слова Ф. Ницше предваряли в качестве эпиграфа мое предисловие к книге: П. Баренбойм, С. Караханян, Д. Кравченко. «Психологическая пытка в России и за рубежом». (М.: ЛУМ, 2016). Сейчас один из авторов той книги, выдающийся московский адвокат и правовед-конституционалист Петр Давидович Баренбойм, вновь обратился ко мне с просьбой написать вступительное слово к новой публикации на ту же тему – к совместному труду Софии Нагорной и Шамиля Хазиева «Долг адвоката и этика психолога». Он сопроводил свою просьбу особым условием: воспользоваться теми же словами великого философа, но теперь уже в качестве названия, а не эпиграфа. Видимо, он рассудил, что афоризм Ницше – больше, чем вспомогательное выражение (аналогия, литературный образ, метафора) и заслуживает прямого рассмотрения.

Тогда в моих заметках речь шла о том, что психологические пытки в их соотнесенности с физическими пытками являются особым случаем соотношения души и тела. И интуиция здравого смысла, и философская традиция исходят из того, что эти аспекты человеческого бытия взаимодействуют, влияют друг на друга или, в крайнем случае, мыслятся в качестве изначально параллельных. «Сама жизнь человека, его деятельное существование представляют собой такое единство психологии и физиологии, души и тела, в силу которого в принципе невозможно осуществлять физическое воздействие, чтобы это не было в то же время воздействием психологическим и, наоборот, психологическое воздействие, которое не имело бы физических следствий. Поэтому оказы-

вадается вполне возможным и продуктивным описывать эти два состояния (аспекта) жизнедеятельности человека с помощью одних и тех же понятий блага, здоровья, боли, страданий, мучений, красоты, безобразия, достоинств, недостатков и т.п. В этот ряд вполне может быть вписано и понятие пытки. Пытки могут быть и физическими, и психологическими, они представляют собой лишь два разных способа подавления, принуждения человека, особого рода насилия над ним. Только историческими обстоятельствами объясняется, что о пытках по преимуществу говорится применительно к физическому воздействию: просто это были первые, самые легкие в понимании и результатах и потому наиболее широко применяемые и эффективные формы пыток. По мере же того, как нравы стали более гуманными, отношения более демократичными и общества стали отказываться от живодерства варварских эпох, на первый план стали выходить психологические пытки как более изощренные, скрытые, трудно идентифицируемые, но реализующие, хотя и другим путем, ту же схему дискриминации человеческого достоинства, подчинения одного индивида воле другого, которая лежит в основе физических пыток».¹

Здесь в общеметодологическом смысле сказано самое важное: психологические пытки и физические пытки суть явления одного и того же рода, а именно, разновидности насилия, и представляют собой средства, с помощью которых одна человеческая воля подчиняет себе другую человеческую волю, один человек властвует над другим. Такое понимание укладывается в формулу Ницше, но, пожалуй, не исчерпывает ее и даже не выражает ее специфический аспект. Утверждение, согласно которому душа умирает раньше тела, означает нечто более определенное: душа важнее тела, составляет ее причину, внутренний телос. Вне души не существует живого тела, так как душа и есть то, в силу чего тело является живым, а

¹ Гусейнов А.А. Предисловие к книге: *Баренбойм П., Караханян С., Кравченко Д.* Психологическая пытка в России и за рубежом. М.: ЛУМ, 2016. С. 9–10.

когда речь идет о сознательной жизнедеятельности, она является источником и средоточием всех ее энергий и целей. Если рассматривать действительное соотношение души и тела применительно к пыткам и в контексте идей Ницше, то следовало бы сделать еще, по крайней мере, три уточнения.

- Изощренная и исключительно богатая история физических пыток, разнообразных и целенаправленных издевательств над человеческим телом только ближайшим, непосредственным своим предметом имели тело, а их подлинным стремлением было добраться таким путем до человеческой души, дисциплинировать ее, подчинить воле тех, кто хочет стабилизировать свое господствующее положение, гарантировать свою власть над ней. Когда в прошлом повсеместно и широко практиковалась смертная казнь в квалифицированных формах, при которых преступника не просто лишали жизни, но еще и глумились над мертвым телом, как это было, например, в случае Емельяна Пугачева, которого после того, как лишили головы, четвертовали, голову воткнули на кол, части тела разнести по четырем частям города и положили на колеса, а потом на тех местах сожгли, то это делалось именно для психологического воздействия на подданных, для того, чтобы вселить страх и рабское послушание в их душах.

- Историческими результатами многовековых художеств над человеческим телом явилось то, что откровенное, неограниченное и сплошное физическое насилие варварских эпох было вбито в человеческие души, вписано в их память и привычку, закреплено в автоматизмах наработанных поведенческих схем общественного поведения. И только после этого демонстративные физические пытки были отодвинуты на второй план, а вперед, на первый план выдвинулись непосредственные воздействия на душу, открытые жестокости над телом были заменены более благопристойным психологическим контролем через постоянные угрозы и напоминания о них, люди выучились добровольно подчиняться чужой воле и сами мыслить от имени богов, господ, племени, общества государства и т.д., правоведы, священники и моралисты вполне успешно заменили палачей.

- Психологическое воздействие является не только вторичной (более поздней) и завуалированной, но и более сильной, опасной, изощренной формой господства человека над человеком, а психологическая пытка – более эффективной, долговременной и экономной, чем пытка физическая.

Предлагаемое издание дает богатую пищу отчасти для подтверждения отмеченных моментов, но, в первую очередь, для размышления над ними и их включения в круг вопросов, обсуждаемых в связи с пытками в современных обществах, в частности, в связи с комплексной программой «Россия без пыток». Оно интересно и дельно во всех своих относительно самостоятельных частях. Это относится и к составляющему первый раздел очерку, в котором на основе итогов состоявшегося в 2020 году авторитетного круглого стола дается реальная картина того, как обстоит дело с пытками (и более широко, с незаконным насилием) в правоохранительной практике мира и нашей страны. Основной текст книги удачно обрамляют статьи Анны Ковалец и Петра Баренбойма, первая из которых вводит в понимание роли адвоката как защитника гуманного начала правовой системы, а вторая заключает обоснованием растущей роли психологической подготовки адвоката в контексте неизбежной роботизации его труда. Вполне уместны также приложения: этический кодекс Общества психоаналитической психотерапии и факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 2002 г. Однако с точки зрения выделенных выше аспектов и понимания самой сущности психологической пытки особенно ценна вторая часть работы, названная «Этика психолога (международный опыт)».

Авторы в ней излагают и обобщают опыт легального применения психологических пыток по отношению к заключенным из организаций Аль-Каиды и Талибана, которые содержались в специальной тюрьме на базе Гуантанамо и на которых решением Президента США Буша не распространялись статьи Женевской Конвенции. К этим заключенным применялись специальные «научно» разработанные нанятыми с этой целью

психологами методики, такие как изоляция, контролирование внимания, длительное стояние у стены, насильственный зрительный контакт, оплеухи и подобные унижающие достоинство удары, заточение в тесные помещения (шкафы, чуланы), стресс-позы, лишение сна, симуляция утопления, симуляция захоронения заживо. С. Нагорная и Ш. Хазиев на основе критического анализа этого поучительного (прежде всего, своими отрицательными результатами) опыта приходят к ряду исключительно важных выводов о возможности и пределах применения психологических знаний в правоохранительной практике. Назову некоторые, с моей точки зрения, наиболее примечательные из них.

Основная совершенно верная, хотя ясно и не проговариваемая, методологическая установка авторов состоит в том, что психологическая экспертиза и экспериментирование таят в себе потенциальную опасность перехода в психологическое насилие и поэтому нуждаются в специальных этических ограничениях, блокирующих такую возможность. В этом отношении профессия психолога близка к профессии врача. Она так же должна исходить в качестве своего неперемennого условия из требования: «не навреди». Отсутствие в ней своего аналога клятвы Гиппократата является одной из причин деформаций и злоупотреблений в этой сфере. Ведь не говоря даже о сложных аспектах этической допустимости и научной оправданности участия ученого-психолога в расследовании преступления, совершенно очевидно, что его заключение о состоянии психики индивида должно быть не менее индивидуализированным, чем вмешательство врача в его организм, и так же, как последнее, чревато роковыми ошибками.

Психологическая пытка хуже и опасней, чем пытка физическая, так как она в отличие от последней оказывает не косвенное, а прямое разрушительное воздействие на волю. И, кроме того, ее труднее распознать и относительно нее легче обмануться. Показательно, что те, кто практиковал такие эксперименты, называли их не психологическими пытками, чем они на самом деле являлись, а лицемерно именовали «интенсивными методами допроса».

Психологические пытки являются таким вопиющим и очевидным нарушением прав человека применительно к людям, связанным с преступными деяниями (подозреваемым, осужденным, заключенным), которое выводит этих людей за пределы правового (а тем самым и человеческого, гуманного) поля. Но не только: их следует одновременно рассматривать как один из несомненных и базовых индикаторов нравственного уровня общества и правового характера государства в целом.

В понимании природы наказания очень важно различать два аспекта: его материальное выражение (процедуру, технику, способ, устойчивый порядок) и смысл (цель, ожидание, то, ради чего оно применяется). Эти аспекты Ницше характеризовал также как нечто твердое (жесткое, идущее из древности) и текучее (изменчивое, расплывчатое), подчеркивая одновременно, что первый аспект важнее второго и «одна и та же процедура может использоваться, толковаться, подталкиваться в принципиально различных целях»². Эти аспекты можно обозначить как средства и цели наказания. Они соотносительны, но не в том широко принятом смысле, что каковы цели, таковы и средства, а скорее наоборот: каковы средства, таковы и действительные цели; именно средства выявляют реальность и объективный смысл субъективных целей.

Если говорить о субъективных (прокламируемых, обосновываемых, подразумеваемых, желательных) целях наказания, то следует исходить из той несомненной истины, что общества, как и отдельные индивиды, как правило, выстраивают свою сознательную деятельность по вектору добра.

Это относится и к целям наказания. Если взглянуть на то, как эти цели формулируются в обществе (законодателями, идеологами, учеными, повседневным сознанием), то все они с теми или иными вариациями укладываются в общий вектор стремления к благу – или к благу того, кого наказывают (исправление, воспитание, защита от бессудной мести и т.п.), или к благу и справедливости общества (обезвреживание,

² Ницше Ф. К генеалогии морали // Полное собрание сочинений. Т. 5. Москва: «Культурная революция», 2012. С. 296.

изоляция, устрашение, поддержание порядка, возмещение убытка, возмездие, восстановление договора и т.п.). На уровне субъективных целей, самооправданий и самопрезентаций все стремятся к хорошему, к благу. Однако обществам, как и отдельным индивидам нельзя верить на слово; о них нельзя судить по тому, что они сами о себе думают и говорят. Это относится также к провозглашаемым ими целям наказаний. Показателем того, каковы действительные, а не прокламируемые, цели наказания, насколько они действительно гуманны и в этом смысле выражают сущность права, – показателем этого являются средства, через посредство которых они реализуются. Практика наказаний есть тот наглядный случай, когда истинность целей обнаруживается в средствах и через средства. Авторы сохраняют верность урокам истории и закономерностям психологии, когда они борьбу против пыток во всех их разновидностях рассматривают сквозь призму незыблемости конституционной ценности достоинства личности, видят в ней реальный показатель состояния прав человека в обществе и государственной практике.

АДВОКАТСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Аснис

*Директор адвокатской конторы «Аснис и партнёры»,
доктор юридических наук*

Светлана Володина

*Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ,
Вице-президент Адвокатской палаты Московской области,
Заведующая кафедрой адвокатуры МГЮА
им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук*

Союз адвокатов и психологов ради России без пыток

Данная книга адресована психологам и адвокатам. Интересы этих профессий действительно в очень многом совпадают, поскольку они направлены на помощь людям, особенно в экстремальных в их жизни ситуациях. При этом в монографии сделан упор на противодействие незаконному психологическому воздействию на личность в рамках правовой системы.

Книга посвящена выдающемуся судебному психологу Александру Рувимовичу Ратинову и знаменитому адвокату Генриху Семеновичу Рубежову. Последний по ставшему классическим в истории адвокатуры делу гражданина Камуза, понужденного истязавшими его по указанию следствия в тюремной камере уголовниками и незаконным психологическим давлением самого следователя к самооговору, добился отмены расстрельного приговора и, в итоге, полного оправдания невиновного.

Важность вопроса стала особенно очевидна после принятия в 1984 году Конвенции ООН о запрете пыток. Практически сразу после принятия Конвенции московская адвокатура начала институциональное сотрудничество с «Психологическим журналом» (В.С. Шустиков) и «вневедомственно» с ведущими

судебными психологами (А.Р. Ратиновым, М.М. Коченовым, М.И. Гавриловой из Института при Прокуратуре СССР), работы которых были закрыты для адвокатов труднопреодолимыми тогда грифами «ДСП». Этому сотрудничеству способствовал приход в руководство Московской городской коллегии адвокатов Г.А. Воскресенского и в Институт судебной защиты при Президиуме МГКА П.Д. Баренбойма. Последний вместе с Г.С. Рубежовым инициировал первые совместные с психологами исследования нормативного времени ознакомления с материалами уголовного дела, а также индивидуального времени реакции водителей при ДТП. Материалы, переданные Баренбойму психологами сектора под руководством Ратинова, послужили основой для якобы «ДСП», но уже доступной каждому адвокату публикации МГЮА в 1988 году «Обобщения по применению психологических знаний в адвокатской практике». Такой пример отношения ведомственных психологов правоохранительной сферы к применению психологических знаний для защиты личности сохраняет актуальность и сегодня, когда стали известны анализируемые в данной книге примеры неэтичного поведения американских психологов и их организаций по отношению к психологическим пыткам в Гуантанамо. Важен этот пример советского времени и для ведомственных психологов силовых структур России, которые, мы надеемся, при составлении методик как «расколоть» подследственного, помнят, что при этом ни в коем случае нельзя «раскалывать» личность, ее здоровье и психику и переходить запрещенные границы психологической пытки или «околопытчного», то есть «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращения», которые приводят к самооговору, лжесвидетельству и доказали свою неэффективность на примере того же Гуантанамо.

В последующие три десятилетия адвокатура уделяла внимание вопросам психологической пытки³, причем в последней монографической публикации на эту тему в сотрудни-

³ Как избежать пытки: психология допроса и защита граждан / Авт.-сост. П. Баренбойм. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2004.

честве с написавшим предисловие руководителем Института философии РАН академиком Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым и руководителем кафедры судебной психологии МГУ Александром Шамильевичем Тхостовым, давшим заключение по вопросу применения незаконного психологического воздействия в помещении Следственного Комитета РФ на банкира, члена-корреспондента РАН⁴.

Как институт гражданского общества российская адвокатура неоднократно ставила на международной арене вопрос о несовершенстве определения психологической пытки в Конвенции ООН 1984 года и необходимости дальнейшего его толкования в интересах практического использования адвокатами всех стран. На эту тему были осуществлены несколько публикаций на английском языке, которые стали материалами заседаний Международной ассоциации юристов (International Bar Association) в Москве и Сингапуре в 2007 году⁵, Международного Форума за верховенство права в Вене в 2008 году⁶, Европейской ассоциации адвокатов в Брюгге в 2007 году⁷, где важной составляющей был «Рабочий доклад» (Working White Paper) российских и украинских адвокатов, включавших Г. Резника, А. Глашева, О. Жуковскую, Т. Варфоломееву и других при участии психолога и соавтора этой книги С. Нагорной.

⁴ Психологическая пытка в России и за рубежом. *Петр Баренбойм, Самвел Караханян, Дмитрий Кравченко*; предисл. А.А. Гусейнова; Междисциплинарный центр философии права при Ин-те философии РАН, Междунар. Союз (Содружество) адвокатов, Адвокатская палата г. Москвы. М.: ЛУМ, 2016.

⁵ The Rule of Law and Psychological Torture Moscow Rule of Law Symposium White Paper: The Rule of Law and Psychological Torture: absence of a legal definition, prospects and problem, The World Rule of Law movement and Russian Legal Reform. Moscow: Justitsinform, 2007.

⁶ *Reznick, Genry*. A Concept for the Rule of Law in Russia / The Moscow city chamber of advocates. Moscow: Justitsinform, 2008.

⁷ *E.V. Semeniako; Petr Barenboim*. The Moscow-Bruges concept of a single legal and rule of law space for Europe and Russia. Moscow: Justitsinform, 2007.

Весной 2020 года сошлись несколько событий, имеющих отношение к теме этой книги. В конце февраля в петербургском центре «Стратегия» прошло заседание, на базе которого через месяц была опубликована книга, где обсуждается порядок создания в России основанного на документах ООН «Национального превентивного механизма» по предотвращению пыток⁸, в марте опубликован Доклад о психологических пытках Специального Докладчика ООН, а в Конституцию РФ внесены не без участия адвокатуры⁹ новеллы (статьи 75-1 и 114) об уважении государства к институтам гражданского общества и оказании им содействия в работе.

Конвенция ООН говорит, что «каждое государство-участник обязуется предотвращать на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не подпадают под определение пытки, содержащееся в статье 1 Конвенции, когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». На практике проявились ситуации «молчаливого согласия» судей, когда заведомо ненормальный уровень артериального давления лишает подсудимого возможности в полной мере воспринимать происходящее в судебном заседании. В статье П. Баренбойма и С. Нагорной в «Адвокатской газете» в мае (№ 11) 2020 года о толковании определения пытки в Конвенции был затронут важный вопрос, поднятый ранее в нижегородском судебном процессе членом Совета по правам человека при Президенте РФ, адвокатом Ш. Горгадзе, заявившим, что продолжение судебного разбирательства в условиях заведомого затруднения

⁸ Политика в области предупреждения незаконного насилия: российский и международный опыт. Материалы круглого стола, 25 февраля 2020 года, Санкт-Петербург / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2020.

⁹ *Баренбойм Петр, Мишина Екатерина.* Уроки конституционного кризиса 2020. М.: ЛУМ, 2020. С. 57–59.

восприятия подсудимым событий судебного заседания из-за гипертонического криза следует рассматривать как пытку. Российская теоретическая инициатива использования понятия «неврологическая пытка» в рамках действующих положений Конвенции ООН 1984 года может оказаться важным вкладом даже в мировое движение по предотвращению пыток.

Еще, по нашему мнению, в этих вопросах существует презумпция совершения должностными лицами именно пыток, если для заявления об этом есть подтверждающие доказательства, а уж потом пусть сами должностные лица «оправдываются», что это не пытка, а «всего лишь» жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Поэтому адвокаты, при наличии оснований, могут сразу ставить вопрос именно о пытке.

Символично, что такие институты гражданского общества как Федеральная палата адвокатов, Адвокатская палата г. Москвы и Общество психоаналитической психотерапии объединили в этом издании усилия по укреплению взаимопонимания адвокатов и психологов в вопросах применения психологических знаний.

Хочется также поддержать предложения по включению адвокатуры и общественных организаций психологов в создаваемый в России «Национальный превентивный механизм» предотвращения пыток, а также закрепить пока что добровольные обязательства РФ в этой сфере ратификацией Факультативного Протокола к Конвенции ООН 1984 года против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 57/199 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 2002 года), а также дополнительно к международному Дню солидарности с жертвами пыток 26 июня, ввести национальный российский День борьбы против применения пыток 8 ноября, приуроченный к дате указа Екатерины Великой о запрете пыток, в рамках Программы «Россия без пыток», которую еще предстоит разработать российским институтам гражданского общества.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Анна Ковалец

Президент Общества психоаналитической психотерапии – действительного члена Европейской федерации психоаналитической психотерапии, кандидат философских наук, кандидат филологических наук

На стороне защиты

Думаю, не ошибусь, предположив, что большинство адвокатов на вопрос о пересечениях их деятельности с психологией, прежде всего, указали бы на разного рода комплексные экспертизы, в которых принимают участие психологи. При этом такие нюансы, как отличие функций и задач психологов и психиатров, психологов и психотерапевтов или, например, неврологов и нейропсихологов, или же в чем специфика именно психологической составляющей этих экспертиз – скорее всего, не всегда достаточно ясны. Как и недостаточно прояснена психологическая сторона деятельности самого адвоката. В этой книге вопросы, связанные с пересечениями деятельности людей этих профессий, ставятся с новой остротой, в том числе в контексте понятий «психологическая пытка» и «неврологическая пытка». Это, безусловно, знаменует долгожданный прорыв в юридической мысли, которая постепенно созревает к тому, чтобы понимать под насилием или абюзом не только непосредственное физическое воздействие на индивида, но и воздействие на его психику и, таким образом, признание факта, что психическая боль может быть невыносима и ее причинение и наносимый психике вред должны рассматриваться наряду с физическим ущербом.

Так, в книге вкратце представлены основные, потенциально полезные для каждодневной работы адвоката области

и контексты пересечений его работы с деятельностью психологов, а именно: фиксация фактов намеренного давления на личность с целью ее унижить, подавить или же добиться некоей информации или поведения, что может быть квалифицировано как пытка; эпизоды, когда у подсудимого отмечается подъем давления, уровня сахара в крови, приступ астмы и другие опасные для жизни психосоматические симптомы, вызванные высокой стрессовостью ситуации как таковой, и его психическое состояние не позволяет ему адекватно защищать себя; случаи, когда качественное медицинское и психологическое обследование обнаруживает, что у субъекта имеются, например на картине КТ и МРТ, такие анатомические и функциональные нарушения мозговой деятельности, которые позволяют добиваться смягчения приговора, так как связаны с ограниченным осознанием им своих действий; случаи, в которых фигурируют несовершеннолетние, когда требуется более высокий уровень экспертизы, чем в настоящий момент это часто имеет место на практике, включая пересмотр и расширение психологических методик; наконец, возможность, при которой не связанные клятвой Гиппократова психологи становятся на сторону репрессивных механизмов, вплоть до участия в разработке методов психического воздействия, что, конечно, совершается в нарушение этических правил профессии.

Здесь могут быть уместны некоторые простейшие замечания относительно терминологической путаницы, произошедшей в русском языке со словами «психология» и «психика» и производными от них прилагательными – «психологический» и «психический», соответственно. Начнем с того, что каждый человек обладает психикой и психической жизнью – сложнейшей динамической системой мыслей, образов и аффектов, которые на физиологическом уровне порождаются мозгом. Нарушениями в области анатомии и функциональной деятельности мозга и нервной системы в целом занимаются врачи – психиатры и неврологи, задача которых заключена в диагностике этих анатомических и функциональных нарушений и их лечении медикаментозным путем. При этом все, что относится к сфере психики как продукта деятельности мозга – мышле-

ние, речь, аффекты, чувства – является предметом изучения психологов, если речь идет о норме; и клинических психологов – если речь идет о патологии и патологических состояниях. К патологии и патологическим состояниям относятся как болезни (психические, неврологические, соматические – так как в любой болезни присутствует психическая составляющая и переживание), так и различные особые состояния, в том числе состояния стресса, к которым, несомненно, в полной мере относится всякое судебное преследование и сопряженное с ним давление. В свою очередь, прилагательное «психологический» является производным от слова «психология» и, с лингвистической точки зрения, должно обозначать «относящийся к сфере науки психологии». Однако на практике «психологический» часто употребляют в качестве альтернативы слову «психический». Это связано с дискредитацией слов «психика» и «психический» в русском языке, когда эти слова стали ассоциироваться исключительно с болезненными состояниями («психический» в обыденной речи часто и значит «душевно-больной», по аналогии с выражением «психические болезни»). Таким образом, вместо выражений «психические трудности», «психические проблемы», «психический конфликт» и пр. мы обычно говорим «психологические трудности» и «психологические проблемы», что, в строгом смысле, неправильно, поскольку означает трудности и проблемы психологии как науки. Полагаю, что такая подмена понятий нередко ретуширует подлинный эмоциональный смысл сказанного, поскольку, например, выражение «психологическое страдание» звучит более абстрактно, чем «психическое страдание» и значит, защищает нас от столкновения с потенциально неудобными или труднопереносимыми аспектами реальности, к которым, безусловно, относятся пытки, производимые над психикой и причиняющие ей часто невосполнимый урон.

Отдельного внимания заслуживает использование определений «психический» и/или «психологический» применительно к пыткам. В отечественной юридической психологии способ их дифференциации изложен, в частности, в статье Е.В. Васкэ «Психическое и психологическое воздействие в уго-

ловном процессе – к определению понятий»¹⁰. С опорой на источники, автор предлагает понимать под психическим воздействием «целенаправленные действия воздействующего, осуществляемые в форме психического принуждения отрицательного характера, направленные на достижение поставленной цели, в том числе и путем намеренного причинения вреда, повлекшие за собой изменения в психическом состоянии объекта воздействия. Крайней формой психического воздействия отрицательного характера является психическое насилие, которое, как правило, бывает сопряжено с оказанием и физического насилия... К формам реализации психического воздействия отрицательной направленности следует отнести следующие:

1) «суггестивную интервенцию» – насильственное вторжение в сознание субъекта с целью тотального подавления его воли, вследствие изменения психического состояния (гипноз, осуществляемый не в терапевтических, а в противоправных целях);

2) использование в противоправных целях психотропных препаратов, наркотических и токсических веществ;

3) использование внешних раздражителей, действие которых несет в себе разрушительный характер для психической деятельности человека (использование в противоправных целях ультразвука, яркого света и т.п.);

4) использование вербальных деструктивных средств (угрозы, обмана, шантажа, оскорблений)¹¹.

В свою очередь, «неправомерным психологическим воздействием можно считать целенаправленные действия лица, имеющие целью лишение объекта воздействия свободы выбора в принятии решения и в линии своего поведения, посредством изменения его эмоционального реагирования в ситуации взаимодействия через активное использование деструктивных средств и методов (обмана, шантажа, оскорбле-

¹⁰ Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 1.

¹¹ Там же. С. 28.

ний и угроз)¹². Как мы видим, различие между «психическим» и «психологическим» воздействием в приведенных определениях представляется довольно размытым. Кажется, желая исправить этот эффект, автор прибегает к дополнительным разъяснениям: «В тех случаях, когда использование указанных вербальных средств направлено на изменение не эмоционального, а психического реагирования субъекта, которое может выражаться в возникновении различного рода нарушений сознания, расстройства приспособительных реакций (острая реакция на стресс, депрессивная реакция разной продолжительности и т.п.), вплоть до возникновения реактивных состояний, можно говорить о психическом воздействии... Случаи использования тех же вербальных средств с меньшей степенью интенсивности, носящих более сглаженный, но, тем не менее, психотравмирующий характер, целесообразно отнести к неправомерному психологическому воздействию, т.к. их действие способно изменить эмоциональное реагирование субъекта, которое может выражаться в возникновении различного рода эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.) или состояний (эмоционального психологического стресса, состояния эмоционального напряжения или возбуждения, фрустрации и т.д.)¹³. Во-первых, разделение на «эмоциональное» и «психическое» реагирование, которое использует автор, некорректно само по себе, так как эмоциональное является частью психического. Во-вторых, если даже мы, вслед за автором, под «психическими» реакциями договоримся понимать патологические состояния психики, то грань и момент перехода от негативной «эмоциональной» реакции к патологической «психической» будет неопределим и индивидуален. Автор делает попытку связать этот порог чувствительности личности с преморбидной патологией: «...разовое высказывание угрозы в адрес неустойчивой, тревожно-мнительной или истероидной личности может привести к воз-

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 29.

никновению у нее каких-либо невротических состояний...»¹⁴ На наш взгляд, этот подход, с акцентом на пороге эмоциональной чувствительности обвиняемого, чреват оправданием возможных злоупотреблений со стороны представителей правоохранительной системы, поскольку всегда можно объяснить нанесенный психический урон чрезмерной сензитивностью жертвы. Акцент же должен ставиться на методах и мотивах самого воздействия, которое в любом случае является психическим, так как направлено на психику другого. И если это воздействие имеет своей явной или скрытой целью подавление воли другого, игнорирование независимости и ценности его личности, оно должно квалифицироваться как психическая пытка, которая может нанести непоправимый и далеко не всегда видимый урон личностному благополучию.

На мой взгляд, вопросы о гуманизации российской правоохранительной системы, которые систематически в разных плоскостях и контекстах поднимает Петр Баренбойм, имеют ключевое для деятельности адвоката значение, поскольку касаются глубокого смысла самого понятия защиты. Так ли всегда очевидно, от кого или от чего адвокат защищает своего доверителя? Почему именно эта функция защиты оказывается такой особенной в правовой практике, что тот, кто ее осуществляет, адвокат – это носитель особого статуса, предполагающего достаточную квалификацию и опыт, профессиональный и жизненный? Наконец, нуждается ли сам адвокат в защите, и если да, то от кого или от чего? Возможно, ответы на эти вопросы не так очевидны, как может показаться, и перспектива извне – в данном случае взгляд на психологический смысл деятельности адвоката – может оказаться полезным не только в контексте абстрактно-гуманистической рефлексии, но в том числе и в довольно практическом ключе.

С точки зрения глубинной психологии, структура судебной системы, организованная вокруг двух полюсов – обвинения и защиты, – повторяет внутреннюю структуру психики. Введенное Фрейдом понятие Суперэго подразумевает, что

¹⁴ Там же. С. 29.

правила и запреты, некогда исходившие от наших родителей, со временем консолидируются внутри психики каждого в особую инстанцию (близкую понятию совесть), которая, как и всякий суд, может быть более или менее лояльным или, наоборот, жестоким и непримиримым. У каждого из нас есть свой внутренний преступник, обвинитель и защитник, и в норме консенсуса между ними достаточно для бесперебойной регуляции социального поведения. В здоровом случае мы совершаем наши преступления – воровские, сексуальные или убийственные – в своих желаниях, от чего пугаемся, стыдимся и чувствуем себя виноватыми, при этом все же получаем частичное удовлетворение и разрядку и, опять-таки в здоровом случае, оправдываем себя – в том числе и тем, что в реальности мы способны держать все эти импульсы под надежным контролем. Однако есть категория людей, от которых общество стремится оградить себя высоким барьером – которые совершают в реальности то, что большинство, к счастью, позволяет себе только в фантазиях, сознательных или даже бессознательных. Это и есть преступники – те, кто по тем или иным причинам преступили эту грань между деструктивным порывом и его осуществлением. Причины этого срыва очень важны для понимания личности преступника, а значит и путей его исправления, но на самом деле редко оказываются в поле внимания, за исключением случаев так называемой невменяемости. И тогда эти процессы осуждения и оправдания из внутреннего пространства совести переносятся в совершенно конкретный зал суда.

Рискну предположить, что, по крайней мере, с точки зрения российского гражданина, система правосудия состоит из триады: преследование, обвинение и наказание. Воплощаемая адвокатом функция защиты (как от справедливого, так и от несправедливого преследования, обвинения и наказания) и, тем более, функция исправления остаются далеко в тени. Как если бы мы до сих пор оставались в логике Ветхого завета «око за око», где наказание – это, прежде всего, месть, а не исправление. Между тем, хороший родитель использует инструмент наказания не для мести, а для приведения ребенка

в контакт с реальностью и ее ограничениями – то, что называется в народе «привести в чувство». В то же время, несправедливое обвинение, мысль о нем и тем более о том, что можно стать его жертвой, кажется очень пугающей, а пугающие вещи хочется держать подальше от сознания – попросту не думать о них. Еще меньшее место, как кажется, в российском правосудии, занимает часть, связанная с исправлением. Скорее всего, оно представляется невозможным ни в каком или почти ни в каком случае. Об этом свидетельствует неутешительная статистика рецидивов, которые, в свою очередь, объясняются патологическими изменениями личностей осуждённых, но не системой реализации этого самого исправления. Наше общество склонно стигматизировать личность уже на этапе преследования – то есть идея презумпции невиновности, кажется, нам чужда, что нашло отражение в известной пословице «нет дыма без огня». То есть в большинстве случаев мы заранее на стороне того, кто осуждает, более того, носители функции защиты – адвокаты – нередко отождествляются с тем, кто оправдывает, а значит потворствует. Наказание – это часть воспитания? или же осуществление власти ради власти, ради устранения из общества неугодных и неудобных, с кем не хочется соприкасаться? или перевоспитание? Слово «осуждённые», «судимые» несут клеймо порицания как в конкретном (имеющий судимость ограничен в правах), так и в символическом смысле. По сравнению с ними, мы, все прочие, можем чувствовать себя «чистыми» и бесконечно далекими – из другой галактики. Таким образом, то, о чем говорят правозащитники и адвокаты – неприемлемый уровень насилия, физического и психического, то есть пытки – происходит также в другой галактике, в другом пространстве, то есть на самом деле отрицается. Всякий психолог знает, что отрицаются часто наиболее пугающие аспекты реальности, в данном случае страх оказаться самому объектом преследования. Этот страх выражен в другой русской пословице, которую я приведу в контексте знаменитого чеховского рассказа: «Он не знал за собой никакой вины и мог поручиться, что и в будущем никогда не убьет, не подожжет и не украдет; но разве трудно совер-

шить преступление нечаянно, невольно, и разве не возможна клевета, наконец, судебная ошибка? Ведь недаром же вековой народный опыт учит *от сумы да тюрьмы не зарекаться*» (А.П. Чехов, «Палата № 6»).

Степень нашей толерантности, таким образом, оказывается столь низкой, что пытка становится возможной. В психологическом смысле пыткой может называться всякое преодоление сознательного сопротивления, например сопротивления что-либо говорить. В бытовой речи это представлено в выражении: «я не хочу говорить, а ты из меня клещами вытягиваешь». В слове «пытка» заключено значение: оказание давления или принуждения на грани переносимости. При переходе этой грани в более мягком случае происходит травма, в более тяжелом – наступает смерть, физическая или психическая – безумие. Поскольку эта грань индивидуальна, как и болевой порог (опять-таки, порог как физической, так и психической боли или напряжения), универсальный критерий того, что является пыткой, а что нет, объективно определить довольно трудно. Понятно, что сама судебная система носит характер преследования. Подтвердить низкую стрессоустойчивость обвиняемого можно, например, при помощи психологического экскурса в его прошлое, психотравмирующий опыт, который теперь реактивируется в ситуации судебного преследования. Хороший психолог это сможет показать, но сможет ли адвокат быть убедителен, имеет ли он вообще достаточно пространства и времени, чтобы убеждать судью в подобных нюансах?

И здесь я хотела бы высказать несколько мыслей относительно разных уровней процесса защиты, которые, осознанно или нет, выполняет адвокат.

Итак, человек, оказавшийся один на один с судебно-правоохранительной системой, в положении, близком к положению беспомощного ребенка, часто эмоционально регрессирует к этому состоянию. Он напуган и дезориентирован, вне зависимости от того, виновен он или нет, и от степени вины и тяжести содеянного. И кроме формально-юридической стороны защиты, ему, несомненно, остро требуется другая, невидимая защита и поддержка. Ему нужен проводник, поводырь

– кто-то, кто проведет его по лабиринту, как слепого. Право на заботу и защиту – вероятно, первое и наиболее глубокое право человека. В начале жизни, когда каждый из нас предельно беспомощен и уязвим, это право осуществляет наша мать, без защиты, кормления и успокоения со стороны которой никому не удалось бы выжить. В хорошем суде, как и в хорошей семье, системы обвинения и защиты должны быть в идеале хорошо сбалансированы. Если строгость закона в психологическом смысле скорее соответствует строгости и порядку, исходящим от фигуры отца (недаром в древнем римском частном праве существовал феномен домашнего суда главы семейства – *judicium domesticum*), то функция защиты, вне зависимости от пола адвоката, несомненно материнская, потому что именно мать является тем, кто всегда найдет оправдание своему ребенку. У нас в стране крайне слабо развиты институты судебной психотерапии – немедикаментозной коррекции психических нарушений и трудностей, поэтому функции психотерапевта приходится выполнять адвокату, даже в том случае, когда он об этом не подозревает сознательно, то есть не осмысляет эту часть своей работы. Однако тот факт, что эта работа осуществляется адвокатом неосознанно, не отменяет ее многообразного действия, оказываемого на доверителя, на исход дела, а также на самого адвоката. Рискну предположить, что именно эта часть работы является исключительно важной и часто наиболее истощающей психически. Несмотря на то, что каждый адвокат интуитивно чувствует эту невидимую и неоговоренную в контракте часть производимой им работы, у него, как правило, отсутствуют специальные знания и методы поддержания собственной психологической экологии. В результате возникает риск профессионального выгорания и срывов или, чаще, защитная рационализация производимой работы – когда, интуитивно защищаясь от непереносимой нагрузки страхов и тревог доверителя, адвокат анестезирует себя до состояния бесчувственности и предельно формализуя работу, сводя ее к сухим фактам и статьям закона. Я не думаю, что последняя тактика является эффективной – во-первых, потому что она выхолащивает внутренний мир самого адвоката,

во-вторых, потому что она мешает более рельефному пониманию внутреннего мира и обстоятельств дела клиента, а значит использованию психологических аспектов в процессе самой защиты, снижая таким образом ее пользу.

Несомненно, профессиональная компетентность адвоката, его советы, разъяснения и инструкции чрезвычайно важны, но я думаю, не менее важны другие, невидимые глазу процессы идентификации. Понятие идентификации является одним из ключевых в ходе развития ребенка. Зрелый родитель хорошо знает, какое небольшое значение имеют внешние атрибуты «воспитания» – лекции, нравоучения и разъяснения, что такое «хорошо» и что такое «плохо», в особенности если они идут вразрез с тем, как ведет себя родитель, как он себя чувствует в этом мире и что на самом деле считает для себя хорошим. Идентификация происходит именно с этой, подлинной частью. Родитель, внешне спокойный и «правильный», но внутри тревожный и полный страхов, будет бессознательно транслировать ребенку для усвоения именно эту тревожную часть. Другой пример: абсолютное большинство из нас специально не обучается основам закона и права, тем не менее, в ходе взросления, преимущественно через идентификацию с поведением и установками родителей или лиц, выполняющих функции родителей, невидимым образом формируется (или не формируется) правосознание. Так вот, доверителю очень важно идентифицироваться со способностью адвоката удерживать себя в руках – в максимальном контакте с реальностью. Важно то, что адвокат говорит, важна способность подзащитного понимать его и использовать его слова себе во благо, но вероятно, еще более важна более глубоко лежащая способность подзащитного идентифицироваться со способностью адвоката защищать, в данном случае защищать самого себя. Как часто бывает, что отношения с психоаналитиком становятся для клиента первыми близкими человеческими отношениями в жизни, так, предположу, для подзащитного отношения с адвокатом могут стать первым опытом доверия и заинтересованности и, конечно, опытом защиты его интересов. Вне зависимости от исхода дела и приговора, этот опыт может стать бесценным.

Однако полнота защиты может быть обеспечена глубинным пониманием мотивов, как сознательных, так и бессознательных. В целом, я нахожу, что в деятельности адвоката и психотерапевта, в частности психоаналитика, необычайно много пересечений. Известная комедия «Анализируй это» показывает это достаточно рельефно. Если мы оставим в стороне юмор, то заметим, что психоаналитик выполняет роль внутреннего адвоката, защищая человека от его внутренних преследователей – вины, стыда, обид и отчаяния. Они должны быть свободны от позиции осуждения, придерживаясь заинтересованной нейтральности. Это трудно, и именно это обуславливает «элитарность» этих профессий. Несомненно, если подзащитный чувствует эту свободу от осуждения, он сможет лучше защищать себя сам.

Адвокат выступает от лица той части личности доверителя, которая наиболее «здоровая», то есть хочет выжить, спастись и избежать деструктивных, разрушительных последствий. Длительное тюремное заключение не способствует развитию личности – думаю, вряд ли в нашей стране кто-то будет оспаривать это. Таким образом, задача адвоката – психологически интуитивно присоединиться к этой «живой» части. Даже если личность в целом кажется достаточно разрушенной и поврежденной, как правило эта часть где-то, возможно довольно далеко и изолированно, существует.

Эти внутренние сходства между психоаналитиком и адвокатом подкрепляются внешними: строгим правилом конфиденциальности, этическим кодексом, запрещающим неформальные отношения с клиентом или его использование; асимметрией выбора – психоаналитик, как и адвокат, вступив в отношения с клиентом, не может со своей стороны расторгнуть их. Все это подчеркивает «родительскую» функцию адвоката – хороший родитель не может использовать своего ребенка или отказаться от него, вынужден выдерживать его таким, какой он есть, в надежде, что эта толерантность окажет целительное воздействие. Так адвокат становится психическим контейнером, вместительным для тревог, страхов и надежд доверителя. Доверие он должен оправдать, и это большая на-

грузка, которая вынуждает адвокатов защищаться от нее, в страхе не оправдать столь большие ожидания, и прятаться за свои формальные функции.

Как невозможно излечить того, кто сам не желает вылечиться, так невозможно защитить того, кто сам не хочет защитить себя. Хороший адвокат не должен недооценивать деструктивность подзащитного, направленную отнюдь не только на социальные нормы и связи, но также и на самого себя, на собственную жизнь и благополучие. Здесь необходимо сказать несколько слов о бессознательных импульсах. Открытие Фрейда о вытеснении касалось не только сексуальных желаний, как это принято считать в обыденном сознании – в подсознание могут быть вытеснены любые запретные, неприемлемые для сознания импульсы, в том числе агрессивные, завистливые или ревностные. Защита от самого себя, возможно, наиболее важная, хоть и невидимая форма защиты, осуществляемой адвокатом, повторяю, часто неосознанно. Я думаю, что перевод этой части работы адвоката в осознанный формат мог бы значительно повысить ее эффективность. Действительно ли подзащитный хочет сделать все, чтобы помочь себе, или его поведение напоминает, скорее, «гори оно все синим пламенем», или «умирать так с музыкой», или «семи смертям не бывать, одной не миновать», или интенсивность его вины такова, что требует наказания для успокоения совести? Здесь есть подводные камни, например риск аутодеструктивности и мазохизма, когда подзащитный, чаще неосознанно, начинает совершать заведомо вредные и даже разрушительные для себя вещи.

Другое серьезное ограничение состоит в возможности подзащитного принять помощь. Работа адвоката, несмотря на ее договорной и оплачиваемый характер, тем не менее является помогающей по своей сути. Повторюсь, положение адвоката и подзащитного, так же как врача и пациента, психоаналитика и его клиента, асимметричны, не равны. Адвокат не является подсудимым, он свободен от обвинений, и он – тот, кто оказывает помощь и обладает знаниями. Доверитель зависит от компетентности и энтузиазма адвоката. Все это может иногда порождать у доверителя зависть и злость, особенно

если он чувствителен к положению зависимого и переживает эту зависимость как унижение. Тогда рабочий альянс адвоката и клиента может быть нарушен этой завистью, скрытой конкуренцией и тайным гневом. Такой доверитель вряд ли сможет действительно доверять и будет испытывать трудности, с тем чтобы принимать помощь, кусая руку, протянутую для оказания помощи.

В существующей на настоящей момент пенитенциарной системе понятие психики возникает почти исключительно в контексте психолого-психиатрической экспертизы и проблемы установления вменяемости или невменяемости. Невменяемость сопряжена с диагностированием у лица, совершившего противоправное деяние, одного из психических расстройств из списка, основанного на МКБ-10 – Международной классификации болезней 10 пересмотра ВОЗ ООН. 1 января 2022 года вступит в силу уже принятая МКБ-11, что, вероятно, должно бы повлечь за собой изменения в соответствующем приказе.

Статья 21 УК РФ о невменяемости гласит: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». Используемое здесь понятие «осознание» только на первый взгляд кажется понятным, а на самом деле ставит массу вопросов. Отсутствие осознания не уравнивается и не сводится к снижению интеллекту, наличию бреда или галлюцинаций. Способность понимать смысл и последствия своих действий может быть поверхностной, кажущейся, формальной. Как совершенно справедливо замечает П. Баренбойм в своей статье о «неврологической пытке»¹⁵, человек в момент гипертонического

¹⁵ Баренбойм П. Неврологическая пытка // Адвокатская газета. 2019. № 3.

криза (как и другого соматического или психического криза – например, острого стресса или депрессивного состояния) не обладает полнотой такого осознания. Более того, для такой полноты требуется достаточно хорошее знание себя, в том числе способность к рефлексии о своей внутренней жизни. Поскольку только знание о своем внутреннем мире обеспечивает контроль над ним, что косвенно отражается в статистике, согласно которой среди преступников в среднем значительно больше людей из низших социальных слоев. Человек действует тогда, когда он не мыслит. Если бы ревнивец осознавал степень своей ревности, он бы мог с большим успехом держать ее под контролем и не совершил убийства, если бы коррупционер лучше осознавал свою ненасыщаемость, он мог бы эффективнее опасаться ее разрушительных последствий.

Например, мы имеем дело с рискованным поведением. Осознает ли спортсмен-экстремал реальную угрозу жизни? Нет, в силу инфантильной структуры личности, и тогда опыт научения, контакта с реальностью может исправить ситуацию. В чем, собственно, и должна состоять исправительная функция правосудия. Если ребенок шалит, набивает шишки, этот опыт научения постепенно делает его поступки более зрелыми, взвешенными и регулируемые страхом наказания. Если речь идет о взрослом с инфантильной структурой, ему нужна психотерапия, направленная на созревание структур психики. Есть другой тип спортсмена-экстремала – с чувством вины, часто неосознанным, ищущим выхода в возмездии. Что нередко ведет к самодеструктивному поведению, как правило, также неосознанному. Теперь мы имеем дело с мальчишкой-озорником, который хулиганит, как будто нарываясь на наказание, и получив его, успокаивается. Такому клиенту также нужна психотерапия, направленная на осознание его конфликта, толкающего его к правонарушениям. Конечно, значительное число преступников являются носителями довольно злокачественных расстройств личности, которые часто с трудом поддаются психотерапевтическому воздействию. Так или иначе, для их выявления необходим дифференцированный психологический подход. Преступление – это всегда форма социальной

дезадаптации. Это роднит его с психическим нарушением и фактически делает синонимами. Таким образом, вычленение из МКБ классификатора психических расстройств, коррелирующих с невменяемостью, является достаточно произвольным. На практике психиатры принимают в расчет явные нарушения тестирования реальности, то есть наиболее поверхностный и грубый регистр нарушений. Практикующий психотерапевт-клиницист хорошо знает, что эти нарушения могут быть не явными и не грубыми или вычурными, не носить характер бреда или галлюцинаций, тем не менее оказывать разрушающее воздействие на жизнь человека. Иногда человек как будто способен прогнозировать последствия и исход своих поступков, но на более глубоком уровне не понимает, как устроены причинно-следственные связи реальности. Необходимо расширение границ психиатрической экспертизы, если только мы действительно ставим перед собой задачу не кары, а перевоспитания, то есть психологического изменения человека, так чтобы в будущем он мог находить другие, более адаптивные и конструктивные пути удовлетворения своих потребностей, материальных или опять-таки психических, в том числе связанных с агрессией. Необходимо более активное привлечение психологов-психотерапевтов. На практике психиатры имеют дело с грубой патологией психотического спектра, существенными изменениями личности. В их поле внимания никогда не попадает огромное число людей – носителей диагнозов по МКБ – депрессий, неврозов, всевозможных психопатических расстройств личности. Между тем как эти состояния носят статус заболеваний. При этом адвокаты могут более широко использовать этот ресурс, поскольку заболевание требует лечения и влечет за собой измененные состояния психики.

К сожалению, юридическая и криминальная психология в России, как теоретическая, так и практическая (в том числе методики проведения экспертиз и оценок) мало использует методы глубинного понимания человека, структуры его личности и мотивов, достигнутые, в частности, в рамках психоаналитического направления. Психоанализ до сих пор связывается с фигурой Фрейда, между тем как он, проделав после

смерти своего основателя вековой путь развития, в Европе, США и странах Южной Америки давно интегрировался в системы официального здравоохранения и юриспруденции. Пути психоанализа и юриспруденции с самого начала шли рядом и нередко пересекались. Так, одним из ближайших друзей и учеников Фрейда был Ганс Сакс (1881–1947), австрийский юрист, который в 1919 году решил сменить профессию адвоката на практикующего психоаналитика, после чего сделал блестящую карьеру, преподавал в Берлинском психоаналитическом институте и подготовил целую плеяду учеников. Более 20 лет прошло с тех пор, как М.И. Еникеев, основатель отечественной юридической психологии, писал в своем учебнике: «Огульная критика фрейдизма породила общее негативное отношение к понятию «подсознательное». Современная научная психология уже возвратила «подсознательное» на «свое» место. Однако стереотип «запрещенности подсознательного» пока еще продолжает господствовать в нашем правоведении, которое в исходных позициях базируется только на сознании. Но на базе этой ограниченной концепции нельзя понять смысл и противоправную сущность большинства поведенческих проявлений – ситуационно-импульсивных действий личности. И хотя для обозначения механизма этих действий придуман псевдонаучный суррогат «безмотивные преступления», это не спасает положения – беспричинных явлений не существует. Подсознательные механизмы психической регуляции проявляются во всех установочных действиях, в широчайшей системе поведенческих стереотипов. Чем ниже уровень сознания (а этим и характеризуется большинство преступников), тем выше роль подсознательных механизмов регуляции поведения»¹⁶. Тем не менее, вплоть до сегодняшнего дня достижения психоаналитической мысли, за редким исключением, не используются в контексте пенитенциарной системы в России.

Ведущие специалисты этого профиля, занимающиеся разработкой психологии правонарушений, объединены в

¹⁶ Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: Норма, 2003, с. 49.

Международную ассоциацию судебной психотерапии. Среди областей ее применения – работа непосредственно с осужденными как в пенитенциарных учреждениях, так и в специализированных психиатрических больницах, экспертиза уголовных, административных и семейных дел; обучающие программы, семинары для полицейских, адвокатов, социальных работников и судей, терапевтическая работа с лицами, получившими условное наказание и делинквентными подростками для профилактики дальнейших правонарушений.

Целый ряд исследований, проведенных в США, Европе и Британии, показывают эффективность судебной терапии – снижение частоты рецидивов, частоты и тяжести преступлений, снижение расходов на содержание заключенных за счет сокращения времени содержания под стражей и рецидивов.

Первая в России программа профессиональной переподготовки по судебной психотерапии, созданная вице-президентом Общества психоаналитической психотерапии в партнерстве с Международной ассоциацией судебной психотерапии (IAFP) стартовала весной 2019 года (rafp.org.ru). Она предназначена для психологов, психотерапевтов и психиатров, которые хотели бы работать с лицами, совершившими преступления и пострадавшими от них, а также повысить свою квалификацию в этой сфере. Программа собрала уникальный преподавательский состав – судебных психотерапевтов, психоаналитиков и психиатров из Великобритании и США. Руководителем программы является Эстела Уэллдон – основатель и почетный президент Международной ассоциации судебной психотерапии, почетный член Американской психоаналитической ассоциации; в течение многих лет работала в Портмановской и Тавистокской клиниках с лицами, совершившими тяжкие преступления; создала и вела программу по судебной психотерапии в Великобритании на протяжении нескольких десятилетий. Эта программа включает в себя изучение бессознательных причин преступного поведения и последующее применение этих знаний в психотерапевтической работе с судебными пациентами, как с правонарушителями и пострадавшими от их действий; методов диагностики, позволяющих

оценивать способность судебных пациентов к прохождению психотерапии, а также их опасность; принципов индивидуальной и групповой психотерапии при работе с различными категориями судебных пациентов, пребывающих в разных условиях (тюрьмы, специализированные психиатрические больницы, спецшколы, условно осужденные и т.д.).

Итак, судебная психотерапия – это междисциплинарная наука, находящаяся на стыке психиатрии и психоанализа, которая:

- рассматривает преступление как симптом, а не только как психическую болезнь или моральный дефект;

- не оправдывает преступление, а пытается понять его сознательные и бессознательные причины – в том числе, чтобы показать их суду;

- помогает правонарушителю принять ответственность за свои действия;

- нацелена на предотвращение рецидивов;

- невозможна без командной работы психотерапевтов, психологов, социальных работников, а также сотрудников правоохранительных органов.

Функции судебной психотерапии включают: диагностику с целью определения возможности психотерапевтической работы с преступником; психотерапию и понимание условий жизни преступника; обучение специалистов широкого круга; совместную образовательную деятельность с межведомственными учреждениями; консультирование других смежных учреждений; открытые исследования.

Насколько в пространстве суда есть время и возможность обращения к сведениям о личности преступника или углубления во внутренние мотивы и обстоятельства произошедшего? Может ли эта возможность быть создана харизмой личности адвоката и как научить его этому? Формализованный язык и биологизаторский подход пособий по юридической психологии не содержит такой информации, как правило ограничиваясь описанием того или иного отклонения – агрессивности, сексуальных девиаций, но никак не раскрывая внутренней картины.

Насколько судебные решения и последующие наказания реально способствуют тому, чтобы личность смогла выработать новые, более адаптивные механизмы функционирования? Общественно опасный член общества изолируется от общества, но целый комплекс ограничений вокруг этого никак не способствуют его исправлению и развитию саморегуляции, а только усугубляют травматизацию и психическую патологию, в том или ином виде всегда имеющую место у человека, чья социальная адаптация потерпела такой крах, как заключение под стражей. Я имею в виду такие меры, как запрет свидания с близкими, запрет на звонки, слишком долгое содержание под стражей и многие другие ограничения, которые, как совершенно справедливо замечает Петр Баренбойм, могут быть квалифицированы как пытки. Культуру возмездия необходимо заменить на культуру понимания. Это возможно, только в случае, если общество примет свою часть ответственности за те дефекты социализации личности – а не абстрактного преступника – которые лежат в основе ее противоправных действий.

Право и состояние законодательной и правоохранительной систем, безусловно, отражают психологическое состояние общества. В свою очередь, изменения в сфере права влекут за собой изменения в повседневности – таким образом, это взаимное влияние. Такое явление как пытки, как мне кажется, также относится к этой категории табуированных или отрицаемых явлений. Нам сложно думать об этом как из-за нашего безразличия, так и из-за глубокого страха. Речь идет о злоупотреблении и наслаждении властью в отношении другого, оказавшегося в беспомощном, зависимом и/или неосознанном положении. Приведенному в состояние изможденности, одиночества и безысходности, человеку часто не остается ничего как согласиться на условия шантажа, изменить правде, а часто войти в патологический симбиотический альянс со своим мучителем (как это происходит в случае «стокгольмского синдрома»). Целью пытки является разрушение способности чувствовать себя свободным, отдельным и способности мыслить. В ситуации, когда все привычные опоры – социаль-

ный статус, близкие люди, работа, дом – выбиты из-под ног, адвокат, конечно, остается единственной опорой.

Тем, что в этой книге, в один ряд с физической пыткой, встает пытка психологическая, подчеркивается право личности на неприкосновенность его психики, его внутреннего Я. Это, как мне кажется, необычайно важно.

Поэтому мысль авторов книги о всестороннем альянсе адвокатов и психологов представляется естественной – остается надеяться, что социум созрел для этого альянса. Отчасти функцию психотерапевта прежде выполнял священнослужитель, но с окончанием эры тотальной религиозности человек, оказавшийся под прессом правоохранительной системы, остался без поддержки или же эта поддержка всецело сконцентрирована на одной личности – адвоката. Полагаю, что необходимо ставить задачу по обеспечению правовой возможности для каждого оказавшегося под следствием иметь неограниченный контакт как со своим адвокатом, так и с психологом, в том числе с психотерапевтом. Право на получение психологической помощи должно стать таким же неотъемлемым, как право на получение медицинской помощи, а отказ в ней приравниваться к неоказанию медицинской помощи.

ЧАСТЬ 1. ДОЛГ АДВОКАТА

Поворотный пункт или просто разговор?

В ООН и Европе приняты конвенции и другие международные документы, запрещающие пытки, проходят многочисленные мероприятия по этой теме, существуют постоянные общественные организации, которые занимаются борьбой с пытками, например, Ассоциация по предотвращению пыток (<https://www.apr.ch/en/2019-annual-report>).

Хотя накануне завершения нашей книги представители Европейского Сообщества выразили озабоченность по поводу поправки в Конституцию, где введено положение, что международные документы и решения не применяются, если они противоречат Конституции РФ, мы считаем этот вопрос не относящимся к проблеме запрета пыток. Вряд ли в стране найдется хоть один юрист или политик, который осмелится утверждать, что пытки защищены Основным законом страны. И точно уж такие юристы не найдутся в любом составе Конституционного суда России.

Поэтому, независимо от идущей по вышеуказанному вопросу полемики, можно сказать, что международные документы, ратифицированные или добровольно применяемые РФ в сфере борьбы с пытками, имеют первостепенное, а иногда и преобладающее значение. Пока в российском законодательстве не сформулирована ответственность за пытки и не дано их исчерпывающей характеристики, международные нормы должны особенно глубоко изучаться и применяться как на практике, так и, конечно, в научных исследованиях. Довольно странно выглядят публикации на тему психологического и психического принуждения подследственных без не только анализа, но и упоминания международных норм о пыт-

ках. Общественная деятельность в этой сфере также зачастую не имеет необходимого резонанса в гражданском обществе и проходит почти бесследно.

25 февраля 2020 года известным политологом Александром Сунгуровым и возглавляемым им институтом гражданского общества – центром «Стратегия» проведено в Петербурге важное и, на наш взгляд, удачное мероприятие¹⁷, которое, надеемся, может обозначить поворотный пункт в общественной и профессиональной борьбе с незаконным насилием над личностью в России. При этом насилием не только физическим, о чем там в основном шла речь, но и психическим (психологическим).

Круглый стол центра «Стратегия», с обильного цитирования которого (из-за его возможного большого значения как поворотного пункта истории борьбы с пытками в России) авторы начинают эту книгу, показал также слабости и недостатки чисто политологического подхода к проблеме пыток, если на первый план здесь не выдвигаются вопросы юридической и социальной психологии. Так, важнейший вопрос о создании в стране «Национального превентивного механизма» предотвращения пыток был упрощен предложением соединить такой «механизм» с действующей системой уполномоченных по правам человека, что, по существу, практически будет означать не создание столь необходимого механизма, а чисто формальную «отписку», предназначенную, в первую очередь, для мирового сообщества. Независимость такого механизма от государства является его основной и важнейшей чертой. Здесь, в конечном счете, налицо недопонимание важности конституционно-правового подхода к проблеме, а также к взаимодействию в рамках будущего «механизма» институтов гражданского общества, включая адвокатуру, научные и практические экспертные организации, общественные объедине-

¹⁷ Политика в области предупреждения незаконного насилия: российский и международный опыт. Материалы круглого стола, 25 февраля 2020 года, Санкт-Петербург / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2020.

ния психологов и психотерапевтов. Одна из целей авторов направлена как раз на создание такого взаимодействия.

Необходимо использовать процесс образования «Национального превентивного механизма» для создания системы взаимодействия различных институтов гражданского общества, включая адвокатуру, экспертные научные учреждения и общественные организации, не забывая при этом о важнейшей роли психологии и психологов.

Проблему формирования атмосферы неприемлемости пыток как в обществе в целом, так и в правоохранительной системе одними формальными запретами не решить, поэтому необходимо привлечение психологов. Для решения указанной проблемы чрезвычайно важно сменить именно психологические установки нынешнего поколения правоохранителей. Психологические пытки (как и ничем точно не отделенные от них «другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания») являются наиболее распространенными и, одновременно с этим, наименее «видимыми», а значит и более трудно доказуемыми. Поэтому, наряду с правом и политологией, психология является важным методологическим звеном системы борьбы с пытками. А ведь здесь крайне важна социальная психология, привлечение которой может помочь к изменению сегодняшнего почти всеобщего равнодушия гражданского общества к вопросам психологического давления правоохранителей на граждан.

С сожалением приходится констатировать, что целый ряд правоохранительных методик и практик до сих пор находятся на грани или за гранью незаконного психологического насилия над личностью. Это относится, в частности, и к применению незаконного психологического давления на подозреваемых, обвиняемых и даже свидетелей с участием ведомственных психологов. Практика производства психологических экспертиз видеозаписей допросов и иных следственных действий существенно расширилась за последние 5 лет, в том числе увеличилось количество запросов на проведение данного вида экспертизы, расширился круг решаемых задач. Основными заказчиками судебной психологической

экспертизы видеозаписей допросов и иных следственных действий, по данным проведенного анализа, являются следственные подразделения Следственного комитета России (90%). В настоящее время для противодействия балансирующей на грани законности деятельности следователей, фактически нарушающих права граждан путем проведения нового вида психологических экспертиз достоверности данных показаний, чрезвычайно важно учитывать авторитетную позицию специалистов по судебной психологической и лингвистической экспертизе Минюста РФ, что поможет правильному ориентированию адвоката.

Адвокатское сообщество, выполняя свою конституционную и законодательную обязанность осуществлять функции института гражданского общества, должна активно, наконец, включиться в эту работу. Не только адвокатура как институт, но и каждый адвокат в отдельности. Параллельно возникает важная проблема общей и специальной психологической грамотности адвокатов, поскольку она необходима не только в уголовных, но практически во всех судебных делах. Параллельно необходимо решать и вопросы правовой грамотности психологов, без которой полного взаимодействия не получится. Не прекращая решительной борьбы против физического насилия, важно усилить внимание к вопросам незаконного психологического воздействия на человека.

Поскольку авторы ставят перед собой задачу представить, в том числе, возможный обзор существующих на сегодняшний день идей доступным более широкому кругу читателей, проведем с разрешения организатора краткий экскурс в обсуждение, инициированное центром «Стратегия», и выделим с сокращением некоторые важные моменты в виде кратких, но необходимых цитат.

Чила ван дер Бас, представитель Нидерландов в Европейском комитете по предупреждению пыток – ЕКПП

Я хочу обратиться к словам, наверное, самого известного заключенного нашей эпохи Нельсона Манделы, который действительно очень правдивые слова когда-то произнес:

«По-настоящему понять страну можно, только побывав в одной из ее тюрем» и «Судить о стране надо не по тому, как она обращается с теми, кто принадлежит к высшим кругам, а по тому, как она обращается с теми, кто находится на дне». Правила содержания в тюрьмах недавно были названы правилами Нельсона Манделы...

Мы такое междисциплинарное образование, а в Европейском Суде всё-таки работают юристы. Мы даем в своих отчетах рекомендации, а Европейский Суд выносит решения, обязательные к исполнению, и в 800 решениях Суда по правам человека есть ссылки на отчеты Европейского комитета против пыток (ЕКПП), потому что мы обнаруживаем, выявляем факты, мы выезжаем на место, мы интервьюируем людей, и такая информация используется Европейским Судом при вынесении решений, так что нам очень важно работать в тесной связке... Так что в 2020 году ЕКПП уже провел 645 визитов, из них было опубликовано уже 411 отчетов... Теперь то, что касается полиции, проблемы с полицией. Что, бывает, происходит в полицейских участках – конечно, пытки, ненадлежащее обращение и ситуации, которые могут довести до бесчеловечного обращения, например, материальные условия, в которых содержатся задержанные в полицейских участках, например, пространство, доступ к естественному свету, вентиляция (я буду говорить об отсутствии вентиляции), то есть вот всё, на что мы обращаем внимание, когда мы посещаем отделения полиции. Температура, доступ к местам общего пользования, есть ли какая-то кнопка вызова, на которую они могут нажать, если им нужно пойти в туалет, или им нужна какая-то помощь, чем их кормят, например. И как мы получаем эту информацию. Мы посещаем отделение, мы на него смотрим, делаем такой осмотр, интервьюируем людей, которые находятся в этом участке, то есть задержанных, мы беседуем с полицейскими, сотрудниками, мы смотрим журналы записи, брошюры и так далее. У нас есть полный доступ к документам и компьютерам, и вопросы, которые мы задаем, ответы, которые мы получаем от задержанных, мы должны... то есть мы их предупреждаем об их

правах, но мы спрашиваем, например, «Вам сообщили о ваших правах?», но мы уточняем, например, каким образом человеку об этом сообщили, скажем, «Как Вам сообщили о Вашем задержании?», «Была ли проинформирована Ваша семья?», «Была ли у Вас возможность позвать своего адвоката?», «Могли ли Вы обратиться к врачу?», – такие вопросы мы задаем. Когда мы разговариваем с сотрудниками отделения, мы спрашиваем не только о том, скажем, проинформировали ли задержанного о его правах, но мы расспрашиваем их и о процедуре, о том, как они на практике всё это делают, мы просим их шаг за шагом описать свои действия, таким образом мы подтверждаем собираемую информацию...

Ганс Вольф, представитель Швейцарии в Европейской комиссии по предупреждению пыток

Я являюсь профессором медицины в Швейцарии, занимаюсь этим уже около 30 лет. Последние 12 лет занимаюсь вопросами здоровья заключенных и являюсь членом ЕКПП. Это один из самых важных и интересных опытов в моей жизни: мы проводим мониторинги, имеем доступ ко всем данным, взаимодействуем с НКО, работаем с правительством, проводим встречи с министрами. Мы ведем диалог, чтобы улучшить ситуации прав человека в каждой стране. Важно говорить не только о международных, но и о национальных механизмах предупреждения пыток. Говорить будем о европейской системе и в основном о Европейской конвенции предупреждения пыток. Конечно, существуют декларации, конвенции, хартии, которые контролируются в том числе ЕКПП. Есть также и Европейский Суд, который может изменить рекомендации «мягкого права» ЕКПП в реально действующее право. ...В Женеве, где я работаю, мы всегда спрашиваем человека при поступлении, сталкивался ли он с насилием во время задержания до заключения под стражу со стороны полиции. Женевская полиция имеет плохую репутацию, так как 85% находящихся под стражей отвечают «да, я был жертвой насилия со стороны полиции». Мы заполняем 5–10 отчетов по итогу беседы с поступившими под стражу, а с работниками тюрем мы собираем документы, делаем фото-

графии и отправляем их в вышестоящие инстанции – в полицию, суд, прокурорам и адвокатам. Они играют большую роль в судебном процессе и защите прав человека. Почему врачи являются частью этого профилактического механизма? Работа врача играет большую роль, так как врач может обнаружить факты пыток и бесчеловечного обращения. Просматриваем справки и документы о возможных травмах, было ли сообщено и что-то сделано с этими фактами со стороны властей, говоря о предотвращении. Далеко не все полицейские – плохие люди, так как многое зависит от количества заключённых, недостаточной комплектации полиции и тюремного персонала, а также профессиональных знаний и навыков. Нет ни одной страны с идеальной системой...

Ольга Евгеньевна Ноянова, начальник отдела международных отношений аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, представитель России в ЕКПП (2016–2019)

За время визитов ЕКПП в Российскую Федерацию (29 визитов) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации всегда находил возможность встретиться с делегацией ЕКПП. При этом при подготовке таких встреч используется информация, полученная не только федеральным Уполномоченным, но и его региональными коллегами. Так, во время последнего ad hoc визита в октябре 2019 года на встрече присутствовал уполномоченный по правам человека в Ярославской области. Доклад ЕКПП по итогам этого визита еще не выпущен. Всего опубликовано 4 доклада по итогам посещения ЕКПП Российской Федерации, последний доклад был посвящен соблюдению прав пациентов психоневрологических диспансеров (2018 год). Говоря о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации необходимо отметить, что в 2019 году к нему поступило 38 328 обращений, каждое девятое из них касалось вопросов деятельности уголовно-исполнительной системы. По результатам принятых Уполномоченным мер реагирования совместно с органами прокуратуры, дознания и след-

ствия в 2019 году удалось оказать содействие в восстановлении прав 134 подозреваемых, обвиняемых, осуждённых. При этом в 2019 году поступило 364 жалобы в связи с применением физической силы и специальных средств, в связи с чем задача искоренения жестокого обращения с лицами, содержащимися в СИЗО и исправительных учреждениях, продолжает оставаться актуальной. Европейский Суд по правам человека, рассматривая жалобы в отношении Российской Федерации, неоднократно устанавливал применение к задержанным и заключенным пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, указывал на ненадлежащее расследование правоохранительными органами подобных фактов. (Постановление ЕСПЧ от 7 ноября 2017 г. «Дело «Бамбаев (Bambayev) против Российской Федерации»» (жалоба № 19816/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 2; Постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. «Дело «Александр Андреев (Aleksandr Andreyev) против Российской Федерации»» (жалоба № 2281/06) // Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 3.)

В 2019 году в отношении России ЕСПЧ было вынесено 29 постановлений о нарушении статьи 3 Конвенции «Запрещение пыток» в отношении 39 заявителей. Указанное свидетельствует о необходимости изменения подхода к проведению проверок по каждому факту жестокого обращения с заключенными в сторону их эффективности, повышения требовательности и последовательности в вопросах привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности.

...Всего в 2019 году по требованиям прокуроров, в том числе с учетом обращений Уполномоченного, к дисциплинарной ответственности за жестокое обращение привлечен 471 сотрудник ФСИН. По фактам превышения должностных полномочий возбуждено 64 уголовных дела. Уполномоченный считает необходимым обеспечить соблюдение законности в местах лишения свободы, в том числе путем жесткого отбора и повышения качества подготовки сотрудников ФСИН России. На сегодняшний день прорабатывается запуск нового совместного проекта с Советом Европы о защите уязвимых

категорий лиц в местах принудительного содержания, главным партнером которого будет являться Минюст России с привлечением ФСИН России. 1 февраля 2019 года в структуре Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) создан Научно-образовательный центр по правам человека (НОЦ) для осуществления научно-исследовательской, методической, экспертной, образовательной деятельности в области актуальных проблем юриспруденции в сфере прав и свобод человека, научным руководителем которого является Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. В 2019 году на базе НОЦ проведено 3 обучающих семинара для членов региональных общественных наблюдательных комиссий на тему: «Общественный контроль соблюдения прав человека в местах принудительного содержания» (август, г. Владимир; октябрь, г. Иваново; ноябрь, г. Нижний Новгород). По мнению Уполномоченного, предупреждению случаев жестокого обращения с лицами, содержащимися под стражей, может также способствовать совершенствование законодательства в этой сфере путем закрепления понятия «пытки» в самостоятельной статье УК Российской Федерации и усиления ответственности сотрудников УИС за подобные нарушения. В аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2019 году при секции по вопросам обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и в местах принудительного содержания Экспертного совета создана рабочая группа по разработке проекта федерального закона, направленного на совершенствование законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за применение пыток и жестокого обращения с человеком. На ее заседаниях обсуждаются предложенные экспертами изменения в УК Российской Федерации...

...В соответствии с правилом 9 Регламента Комитета министров Совета Европы о порядке контроля за исполнением постановлений ЕСПЧ и условий мировых соглашений Уполномоченным впервые представлен в Комитет министров Совета Европы комментарий относительно исполнения ре-

шения ЕСПЧ по делу «Свинаренко и Сляднев против России» о запрете «клеток» в помещениях залов судов, в котором Уполномоченный сообщила о мерах, предпринимаемых в России, для исполнения этой гуманной позиции в полном объеме. (Постановление ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. «Дело «Свинаренко и Сляднев (Svinarenko and Slyadnev) против Российской Федерации»» (жалобы № 32541/08, 43441/08) // Прецеденты ЕСПЧ. 2014. № 11.) Данные предложения были восприняты на национальном уровне и в сентябре 2019 года Правительство Российской Федерации поддержало законопроект о запрете «клеток» и «аквариумов» в залах суда.

В рамках подготовки проекта распоряжения Правительства Российской Федерации об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года подготовлены и направлены в Минюст России предложения Уполномоченного, касающиеся дополнения данной Концепции следующими положениями: Целью, основными направлениями и задачами Концепции должны стать: – приведение условий содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых в соответствие с требованиями международных стандартов; – принятие комплекса мер, направленных на недопущение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания...

...В настоящее время проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года проходит согласование в Минюсте России. Учитывая, что существующие механизмы контроля за соблюдением прав человека в учреждениях пенитенциарной системы в настоящее время не в полной мере обеспечивают профилактику пыток и издевательств над подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, особо актуален вопрос о поиске новых форм и методов обеспечения законности в данной сфере. Мировая практика свидетельствует, что одним из эффективных средств противодействия пыткам в пенитенциарных учреждениях является Национальный превентивный механизм предупреждения и выявления фактов пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоин-

ство видов обращения и наказания, предусмотренный Факультативным протоколом к Конвенции ООН против пыток 1984 года, который ратифицирован 89 государствами (но не Российской Федерацией, хотя формально ряд его положений соблюдается). Создание данного института возможно на национальном уровне по модели «Омбудсмен+», предусматривающей закрепление функции такого механизма за Уполномоченным. Внедрение данной модели предполагает, что не только сам Уполномоченный будет задействован в процессе мониторинга соблюдения прав человека в местах несвободы, но и представители гражданского общества, которые, получив от Уполномоченного определенный мандат для осуществления такого мониторинга, смогут посещать тюрьмы, колонии, СИЗО, ИВС и проверять там состояние законности. Данная модель показала свою эффективность в Армении, Дании, Казахстане, Молдове, Словении, Узбекистане и других странах. В настоящее время Уполномоченным подготовлены проекты изменений Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с наделением Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации функциями Национального превентивного механизма».

Андрей Владимирович Бабушкин, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Применение пыток: причины, условия, способы преодоления. Я начну с конкретного примера. Как-то в 2018 году при проверке Т-2 г. Владимира я вошел в камеру и решил проверить, как открываются окна. Окна открывались совершенно нормально. Вот только за окном был установлен глухой стеклянный щит, который полностью препятствовал доступу воздуха сквозь окна. Через несколько минут вся наша одежда была мокрой, а затем мы почувствовали, что нам нечем дышать. Все эти условия были созданы специально, чтобы сло-

мать человека... Что толкает людей, и не просто людей, а облеченных государственной властью должностных лиц, часто людей опытных, умных и действующих, как им кажется, в государственных интересах, на применение пыток в современном цивилизованном мире?

Представляется, что пытки направлены на достижение 4 основных групп целей:

– раскрыть преступление, особенно если оперативные службы и следствие ведут люди низкого профессионального уровня;

– наказать неугодного заключенного, например, жалобщика, дискриминировать человека;

– создать коррупционные поводы, создавая человеку невыносимые условия для того, чтобы заставить его платить; это мы видели на примере Копейска, когда несколько десятков осужденных, находились в чудовищных условиях лишь для того, чтобы другие сотни осужденных, которые имели неплохое финансовое положение, вставали перед выбором: либо платить, либо страдать;

– снять морально-психологическое напряжение у сотрудников, «разрядиться» при помощи насилия.

Отметим, что для российских правоохранительной и тюремной систем практика применения пыток составляет примерно тысячу лет писаной истории, а история борьбы с ними составляет несколько веков. Россия стала третьей страной мира после Пруссии (1754) и Дании (1770), отменившей пытки. Это было сделано секретным, подчеркиваю, секретным указом Екатерины Второй от 08.11.1774. А пионером отмены пыток стал король Пруссии Фридрих Великий. Можно было бы сделать эту дату национальным днем борьбы с пытками. Но это был секретный указ Екатерины. Давайте задумаемся: людей пытали откровенно, на глазах у тысяч стариков и детей, священников и дворян, а отменяют пытки секретным указом! Т.е. Екатерина боялась, что общество не поймет этого, это был тайный указ. И только в 1801 году ее внук император Александр Первый подтверждает действие этого указа. Через 2 года после России, в 1776 году, пытки от-

меняет Австрия, в 1776 году – Франция, 1789 году – Нидерланды. Швейцарский кантон Гларус отменил пытки только в 1851 году. Однако в XX веке история пошла вспять, и Германия, СССР, США, Китай, Великобритания вновь стали применять пытки. Новый виток борьбы с пытками падает на начало 1950-х годов. Так, приказом Л.П. Берии № 0068 от 4.04.53 (через месяц после смерти Сталина) «О запрете применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», в органах внутренних дел были изобличены и запрещены пытки. Однако к 1970-м годам пытки снова поднимают голову в правоохранительных органах СССР. Этот приказ стал важным актом борьбы с пытками. Несмотря на его секретность, следующее поколение оперативников силовых структур выросло на мысли том, что даже ради самого святого – поиска самых страшных врагов, – пытать нельзя. В настоящее время масштабы применения пыток меньше, чем 25 лет назад, но больше, чем на заре работы ОНК в 2008 году. Наверное, не все так плохо. Есть обнадеживающие тенденции. Так, например, в российской тюремной системе в 2018 году смертность снизилась более чем на 10%. Что же нам надо сделать, чтобы сократить практику пыток? Во-первых, законодательно закрепить обязательную практику публикации доклада Европейского комитета против пыток. Во-вторых, просить Верховный Суд РФ провести обобщение судебной практики по делам о применении пыток в отношении подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей или иных лиц, в том числе по ч. 2 ст. 302 УК РФ, по которой в последние годы не было ни одного уголовного дела. В-третьих, внести изменение в УПК РФ, сняв запрет на оглашение информации о применении пыток перед присяжными. Необходимо разрешить оглашать информацию о применении пыток, унижающих человеческое достоинство, перед присяжными. В ином случае они просто не могут оценить характер этой информации, а судьи обычно закрывают на это глаза. В-четвертых, ввести запрет на уголовное, административное, дисциплинарное или гражданское преследование лица, заявившего о применении к нему пыток, если его заявление не

подтвердилось. Мы сталкиваемся с чудовищными примерами. Например, человека насилуют, но проверка проводится с таким рвением и профессионализмом, что в итоге его информация не подтверждается. И после этого сам заявитель-заключенный или бывший заключенный становится обвиняемым, и его самого привлекают к ответственности. Следует понимать, что отказ в возбуждении уголовного дела – не всегда есть опровержение факта совершения преступления, а может быть как проявлением приоритета презумпции невиновности над другими принципами права, так и просто непрофессионализмом со стороны следствия. В-пятых, необходимо повысить независимость и расширить полномочия членов ОНК, включая отмену ограничения полномочий тремя сроками, предоставив право проверки конвойных помещений в судах и спецавтотранспорта для конвоирования, установив иммунитет на привлечение членов ОНК к уголовной ответственности. ОНК не должны утратить свою независимость, а попытки лишить их независимости уже делаются. Буквально сейчас в Госдуму внесены две крайне опасные поправки. Первая – обязательность для кандидатов в члены ОНК высшего образования. В случае принятия нормы сразу сотни людей выбрасываются из системы независимого контроля. Еще одна поправка состоит в том, чтобы ввести посещение мест принудительного содержания только с разрешения начальника ОНК, так как именно ему предоставляется право направлять уведомление о посещении. Сегодняшняя российская реальность такова, что без развития и повышения независимости ОНК мы в деле борьбы с пытками каши не сварим. В-шестых, следует увеличить долю правозащитников в общественных советах при полиции, ввести их в общественные советы при прокуратуре и Следственном комитете, активизировать деятельность последних двух советов, где они фактически впали в летаргический сон. Сейчас удельный вес в общественных советах при органах МВД в лучшем случае 1/10, а при прокуратуре или Следственном комитете правозащитников вообще нет, как и следов деятельности самих советов. В-седьмых, необходимо обеспечить расширение

доступа заключенных к средствам и механизмам связи с родственниками, ОНК, органами прокуратуры и СК, Уполномоченными по правам человека, в том числе через наиболее эффективную в этой части систему «ФСИН – письмо». Этот программный продукт позволяет в течение одного дня написать письмо и получить на него ответ. В-восьмых, следует вернуться к позитивным правовым стандартам советского периода. Например, в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР осужденного запрещалось помещать в ШИЗО более чем на 60 суток в год. Однако при принятии нового Кодекса эта норма была упразднена, и сейчас в камерах ШИЗО можно находиться вплоть до окончания срока. В-девятых, необходимо ввести запрет на то, чтобы расследование уголовного дела и расследование жалоб на применение пыток по данному уголовному делу, вел один и тот же следственный орган. Например, известное дело о членах церкви «Свидетели Иеговы» в Сургуте и дело о применении пыток в отношении членов этой церкви, ведет один и тот же следственный орган. В этом случае возникает опасность двойной лояльности. Мы должны разорвать эту связку, в том числе и на законодательном, и на правоприменительном уровне. В-десятых, следует дать общественную оценку зловещей и бессовестной роли органов прокуратуры во многих регионах в освобождении по болезни: даже тогда, когда суды проявляют человечность и постановляют освободить смертельно больных людей из колонии, как черт из табакерки, возникает прокурор, который требует отменить решение об освобождении. И смертельно больной осужденный умирает, часто – в страшных мучениях. Так, несмотря на год усилий по освобождению по болезни из колонии № 2 г. Тулы Султана Сигаури, и 2 судебных решения об его освобождении, он умер в тюрьме. Предлагаю аппарату УПЧ вместе с прокуратурой составить реестр этих людей, чтобы прокуратура дала обществу объяснения, как и какими государственными интересами людей заставляют умирать в тяжелых условиях, косвенно подвергаясь пыткам. В-одиннадцатых, необходимо принять меры к освобождению инвалидов-колясочников, особенно утративших общественную опасность;

так, более 7 лет в СИЗО и ИК находится инвалид-колясочник 1 группы Саид Джапарович Амиров. В-двенадцатых, изменить порядок направления медицинских документов из травмпунктов при жалобах на применение насилия со стороны сотрудников полиции; в настоящее время эти материалы направляются в полицию, а должны – в Следственный комитет и прокуратуру. Что мы сейчас имеем? Приехал человек, у него спрашивают: откуда у вас синяк? Он в ответ – а это меня полиция избила в момент задержания. Согласно совместному приказу Минздрава и МВД 4/8 документы зачастую направляются в тот же самый отдел, который проводил задержание, применили насилие и причинили травму. Этот порядок надо изменить. Предлагаю предусмотреть, что при наличии оснований полагать, что травма причинена полицией, материалы направляются, как в полицию, так одновременно в органы прокуратуры и Следственного комитета. В-тринадцатых, предлагаю ввести уголовную ответственность за злостное уклонение от возбуждения уголовного дела в связи с применением пыток; это не позволит следователям по 20 раз выносить одни и те же постановления, из раза в раз отменяемые прокуратурой и судом.

Но главное, к сожалению, состоит в том, что пытки по-прежнему не побеждены. Они не искоренены. Они коренятся в законодательстве, и в судебной практике, и в слабости общественного контроля. Но главное в том, что они все еще живут в наших головах. И пока мы не победим их в нашем мышлении, пока в обществе не будет консенсуса о том, что пытки – это то, что разрушает общество и является подножкой для борьбы с преступностью, пытки будут снова и снова вылезать из страшного прошлого в наше настоящее.

Меркачева Ева Михайловна, член Общественной наблюдательной комиссии Москвы, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

ОНК выявляет не только насилие физическое, но и психологическое. Потому что пыткой считают многие осуждён-

ные запрет свидания с близкими, запрет на звонки, слишком долгое содержание под стражей. Поэтому, когда мы мониторим те или иные места принудительного содержания, мы оцениваем и эти показатели. Человек нам говорит, что два года он не мог увидеть ни маму, ни папу, ни дочь, ни жену, и мы считаем, что это тоже насилие. Мы фиксируем такие обращения и справедливо, как нам кажется, полагаем, что это есть психологическое насилие. Да, пусть оно не физическое, но оно психологическое. Также – слишком долгое содержание. Здесь говорилось про то, что по правилам Нельсона Манделлы больше 14 дней нельзя в одиночной камере, но мы находили людей, которые сидели годами в одиночных камерах. Можете представить, что происходило с психикой таких людей, и, конечно, всё это нужно предупреждать, но самое главное, наверное, в принципе, нельзя допускать, чтобы человек содержался под стражей, то есть, до приговора, несколько лет, и мы как раз сейчас разрабатываем концепцию, которая бы смогла ограничить следственные действия и, может быть, был бы четкий установленный предел того, сколько человек может находиться в СИЗО до суда. Может быть, это будет полгода, может быть, еще меньше, но это, конечно же, не годы. Годы! Годы, когда человек еще не виновен, повторюсь, и суд его не признал таковым...

Асбьерн Раклев, старший следователь полиции Осло

От допроса к следственному интервью

Спасибо большое за то, что предоставили мне возможность рассказать вам о концепции интервьюирования в интересах следствия здесь, в прекрасном Петербурге! Как большинство следователей по всему миру, меня всегда учили верить, что, если у меня есть подозреваемый, я обязан заставить его признаться. Тридцать лет научных исследований рассказали нам, что есть более разумный способ раскрытия преступлений, и есть способы получать более точную и достоверную информацию, превратить наши действия из допросов в интервью в интересах следствия для сбора информации. Для того, чтобы это сделать – перейти от одного к другому,

надо думать особым образом. Мы должны учить следователей думать иначе. Мы должны давать им знания и методологию, которая бы стимулировала их к тому, чтобы проверять и выдавать альтернативные гипотезы, а не просто находить информацию, подтверждающую их убеждения. Допрос – это нарушение всех прав человека. Психологическое принуждение и манипуляции, конечно, не так страшны, как пытки, наверное, но это всего лишь другие средства для достижения той же самой цели, заставить подозреваемого признаться. Точно так же думает и полиция. Они ничего не стимулируют. У них такое туннельное зрение, и они применяют пытки. Если мы хотим изменить нашу полицию, наших полицейских, мы должны им предоставить некую альтернативу, другой способ. Альтернативу, которую они смогут применять, которая покажется разумной. Если вам нужен какой-то инструмент, в большинстве стран до сих пор инструмент выбивания признания – это пытки. Если убрать этот инструмент, надо дать другой инструмент, альтернативный инструмент. В моей стране, когда я учился, нас учили психологически манипулировать и принуждать, но мы изменились, и мы нашим следователям даем другой инструмент... Мы знаем, после двадцати лет работы таким образом в Норвегии, что такие интервью гораздо более эффективны. Мы получаем больше информации. Действительно, эти интервью более эффективны, чем обращение к ужасу, к терроризированию обвиняемых. И мы знаем, что в других странах так же. На самом деле, до сих пор существует мнение, что пытка более эффективна, но это не так. В настоящее время в Норвегии существуют программы обучения, и каждый следователь проходит такое обучение в каждом полицейском участке. Это шестнадцать теоретических лекций, которые сочетаются с практикой в видеозалах, где они могут сами участвовать в интервью и получить обратную связь от коллег. Очень важны те ценности, которые лежат в основе методологии. Мы говорим о том, как бы мы хотели, чтобы наших детей интервьюировали, если бы их в чем бы то ни было подозревали, независимо, виноваты они или нет,

потому что на уровне расследования, следствия, все должны иметь возможность быть опрошенными таким образом, чтобы их статус невиновных поддерживался. Всё записывается абсолютно. У нас стоят видеоустройства, которые всё записывают. Мы, конечно, ничего не прячем от публики, мы же служим людям, поэтому всё, что мы делаем, может быть для всех открыто. У нас нет тайных допросных. Если мы ожидаем доверия людей, мы должны показывать им, что мы достойны такого доверия. Безусловно, всё, что мы делаем, все события, всё развитие этой системы, конечно, всё это делается на основе научных исследований, поэтому мы постоянно совершенствуем нашу работу. Вот первая лекция. В первой лекции мы говорим о ценности, говорим о праве, но не так много, потому что на самом деле, полицейские получили такое образование и такое обучение. Мы говорим о некоторых общих вопросах, тем не менее, говорим о правовых стандартах. В 2002 году после всех изменений у нас все вот эти стандарты ЕКПП были введены в работу, буквально через два года, потому что речь идет о предупреждении пыток. На самом деле, если вы знаете детали нашей работы, вы знаете, что даже вот эти формулировки, которые мы ввели, уже значат очень много, потому что очень ясно и четко надо задавать вопросы подозреваемым, потому что цель наша заключается в том, чтобы получить информацию. Первое, что нужно сказать здесь: опрос – это, конечно, совершенно особая задача, и на основе специальной подготовки. Почему это говорится здесь так, потому что во время визитов в Европе было выяснено членами ЕКПП, что у полицейских нет такой специальной подготовки для ведения интервью, хотя интервью являются наиболее важным инструментом в их работе. Почему всё происходит именно так? Мне кажется, потому, что люди считают, что если у вас есть уши, рот, то вы уже можете организовывать интервью. Безусловно так, но если вы хотите вести себя, как профессионал, вам нужно пройти обучение. Затем, они говорят о том, что точное назначение подобного рода интервьюеров совершенно ясно – нужно получить надежную информацию. Да, мы все согласны, но

здесь говорится о большем, на самом деле. Здесь говорится о том, что не является целью. Признание не является целью. Признание вины. Безусловно, очень важной частью обучения является следующее – мы говорим о вынужденных признаниях, говорим о том, какова память человека и так далее, всё это на самом деле знание очень важное для полицейских сотрудников, потому что мы должны полагаться на память людей, мы должны знать, как работает память. Но! Есть еще одна важная часть, это, конечно, техники ведения интервью. Каким же образом вести такое интервью? Мы этому тоже обучаем. Мы интервью делим на несколько этапов. Во-первых, надо поговорить о планировании подготовки к интервью. Затем, момент встречи с подозреваемым, с пострадавшим, со свидетелем. Следующий шаг, это дать возможность человеку, которого вы интервьюируете, рассказать свою историю. Мы слушаем на этом этапе, активно слушаем при этом. Затем наступает момент задать вопросы. Какие вопросы мы задаем, в каком порядке мы задаем эти вопросы, и какие вопросы не следует задавать. Затем мы завершаем интервью, даем информацию и оцениваем результаты. Те из вас, кто знаком с научной литературой по проведению такого интервью, понимают, что, конечно, это является всё как бы результатом исследований, которые проводились в Великобритании, мы просто в таком порядке представляем это в Норвегии. Вот это то, что мы используем с точки зрения методологии.

<...>

Если мы оцениваем все улики и все альтернативные объяснения появления этих улик, то тогда мы можем найти объяснения, которые подкрепляют невиновность этого человека. Вот этому мы и учим наших следователей. Естественно, если мы не находим альтернативного объяснения, то вот тогда мы представляем потенциальные улики, и если подозреваемый виновен, то очень трудно ему или ей придумать какие-то альтернативные объяснения, потому что на самом деле, мы это все уже обсудили. Я думаю, что вы видите, что это стимулирует следователей. Они откры-

то смотрят на ситуацию, они ищут информацию, которая подкрепляет невиновность. Если они не могут найти доказательства невиновности, тогда гипотеза виновности подкрепляется и укрепляется. Признано, что это путь вперед, и Нельсон Мандела говорил о пытках, говорил о том, что происходит. Он обратился к Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке, он послушал, что говорят эксперты в мире и затем он сказал следующее. Он сказал, что ООН следует двигаться вперед и разработать общие универсальные правила для всех следователей во всем мире, должны быть определенные стандарты ООН в этой сфере. В своем письме, направленном к Генеральному Секретарю и Генеральной Ассамблее, он говорит, что должны быть вопросы, которые должны рассмотреть все альтернативные возможности в ходе интервью, и это поможет соблюдению принципа презумпции невиновности и правильного расследования преступления. Конечно, есть много литературы, посвященной подобного рода работе, тридцать лет уже подобного рода техника используется, но у большей части полицейских в мире нет доступа к подобного рода знаниям, к этой литературе, но мы очень надеемся, что если ООН издаст подобные рекомендации по данной теме, то эта информация станет более широкодоступной...

Игорь Александрович Каляпин, председатель Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток», член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Государственные механизмы предупреждения незаконного насилия: проблемы неэффективности

Я, наверное, как и все присутствующие, нахожусь под сильным впечатлением от выступления господина Раклева, и, пользуясь, может быть злоупотребляя, возможностью откомментировать это, ответить, я должен сказать, что в российском профессиональном образовании для полицейских методике, о которых вы говорите, в принципе присутствуют. Я не готов сейчас сравнивать их по качеству, но они есть,

есть дисциплина, которая называется «Тактика допроса», есть очень, на мой взгляд, неплохое преподавание криминалистики, и в принципе, конечно же, в наших профильных вузах полицейских учат, каким образом добыть информацию, каким образом проверять разные версии, каким образом уходить от того, что вы назвали «туннельным видением». Но есть одно большое «но». Я, наверное, просто расскажу одну историю: у меня был друг, который с отличием закончил нашу Высшую школу милиции, сейчас это Полицейская академия называется, причем по элитной специальности «Борьба с организованной преступностью в сфере экономики», попал по распределению в такое суперэлитное полицейское подразделение, которое называлось тогда РУОП и, поскольку мы с ним тесно общались, дружили, он мне сказал, что... Я говорю: «Ты же знаешь, что такое РУОП, да, понятно – это борьба с мафией, но это пытки, это избиения, это очень жесткие операции» (речь о девяностых годах идет). И он мне сказал: «Ну слушай, я тебе точно могу сказать, что я этого никогда делать не буду, потому что мне это не нужно, я получил хорошее образование, я знаю, как раскрывать эти преступления, тем более в сфере экономики, без применения всех вот этих вот зверств». Через какое-то время, попав к нему на службу, я просто услышал, что в соседнем кабинете кого-то пытаются, спросил его потом: «Почему же, ты же мне честное слово давал, что ты этого не будешь делать, потому что тебе это не нужно». Он сказал: «Всё очень просто. Мне это не нужно, я действительно могу раскрыть это преступление, проведя нужные допросы в нужной последовательности, в нужной обстановке, вовремя, собрав документальные доказательства, проведя необходимые экспертизы – я на это потрачу месяц. Мой однокашник, который вместе со мной учился по блату (что у нас называется в России) и поступил по знакомству, и экзамен сдавал по знакомству, не зная, какого цвета учебник, он вот тоже сейчас вместе со мной работает в этом подразделении. И он это преступление раскроет за одну ночь, потому что он просто подозреваемых разведет по разным кабинетам, к одному подключит ток, у другого пальцы в тиски зажмет, третьего про-

сто изобьет, а четвертому пообещает, что у него жену изнасилуют. И они у него все четверо сознаются, ему останется только роли распределить». К сожалению, в России это устроено вот так. Еще до того, как я стал серийным иностранным агентом, когда сотрудников нашей организации еще допускали к чтению лекций, мне доводилось читать лекции в этой самой Высшей школе милиции, как она тогда называлась. Это были лекции как раз по правам человека, мы рассказывали о недопустимости пыток в русле курса по конституционному праву, и я обратил внимание, что в принципе курсанты, которые слушают наши лекции и которые потом подходят задать какие-то вопросы, они достаточно скептически относятся к тому, что мы рассказываем, потому что они понимают, что мы их учим так, как им не придется работать, так как им не пригодится. Вот всё, что им рассказывают преподаватели: про криминалистику, про тактику допросов, про систему доказывания – это долго. А вот дальше они приходят на службу, это тоже достоверная история, мой помощник в свое время, закончив тоже специализированное учебное заведение полицейское, придя на службу, первое, что услышал от своего наставника, полицейского, которого к нему прикрепили, было: «Олег, я тебя научу, но ты главное сразу забудь все те глупости, которым тебя всё это время учили в твоей школе милиции. Чем быстрее ты забудешь, тем проще нам с тобой будет работать». Дело в том, что наша полицейская система, да и вообще правоохранительная система в целом, устроена таким образом, что карьеру там делают, каких-то достижений по службе достигают люди, которые работают по-другому. Они работают быстрее, они работают формально эффективнее, я думаю, что Элла Львовна Панях, наверное, об этом будет как раз говорить, я не буду отнимать чужой хлеб, я сейчас хочу сказать о том, о чем, собственно, и обещал, о том, как меня объявили, о государственных системах предотвращения пыток. Я просто это свое предисловие хочу закончить, резюмировать, тем, что проблема не только в том, чтобы научить, проблема не в том, чтобы дать эффективные методика и эффективную технику, про-

блема в том, чтобы создать стимулы. В российской полиции и вообще правоохранительной системе стимулы отсутствуют. Нет стимулов соблюдать закон, нет стимулов собирать доказательства законным способом, это, на мой взгляд, самая большая беда, которая у нас существует. В принципе систем прекращения пыток, обнаружения пыток, если точнее, у нас много. В каждом ведомстве, сотрудники которого имеют право применять силу (или насилие, как угодно назовите), а следовательно, и допускать нарушения, то есть применять ее незаконно и превышать свои полномочия – то есть это полиция прежде всего, это ФСИН, это Федеральная служба безопасности – есть система ведомственного контроля, достаточно эффективно работающая, те же самые системы видеонаблюдения, различные системы документирования. У нас, между прочим, любой задержанный, я думаю, как и в любой европейской стране, при составлении протокола обязательно дает объяснение по поводу имеющихся у него телесных повреждений, если они есть. У нас обязательно при этом фиксируется оказание ему медицинской помощи, нуждался ли он в ней. У нас обязательно о любой задержании в течение 12 часов сообщается прокурору. То есть документов создается достаточно много, вопрос только в том, что дальше со всем этим происходит. У нас кроме ведомственных систем, которые есть отдельно в полиции, отдельно во ФСИН, отдельно в ФСБ, у нас есть система прокурорского надзора, которая в принципе всё это тоже имеет возможность контролировать и проводить свои проверки, у нас есть система Следственного комитета, это отдельное, сейчас независимое ведомство, которое имеет возможность и обязанность проводить расследование по каждой жалобе на незаконное насилие. И у нас существует общественный контроль, о котором тут немножко говорили, на мой взгляд, у нас с общественным контролем всё плохо, и тенденция, к сожалению, отрицательная, но я сейчас не буду вступать в дискуссию, у меня задача немного другая. Я хочу сказать о другом, наверное, о самой большой проблеме, о том, что общественные контролеры выявили признаки незаконного насилия, или это сделал прокурор, или

это сделал еще кто-то – неважно, в любом случае вопрос встает о том, а что дальше. Вот беда в том, что... Вот мой коллега, господин Бабушкин, он хорошую дал историческую справку о том, сколько раз в России запрещали пытки, и, как вы понимаете, если запрещали несколько раз, видимо, как-то не очень эффективно запрещали. ...Официально пытка в России является преступлением, тяжким преступлением, более того, она относится к преступлениям не только против человека, которого пытали, это преступление против государственной власти, это преступление против порядка управления, это так называемое должностное преступление. Но при этом всегда, я этим занимаюсь 25 лет, я воюю («воюю» – это фигурально, конечно), моими оппонентами являются не полиция и не ФСИН, моими оппонентами являются органы Следственного комитета. Это тот самый орган, единственный, который, получая сообщение о применении пыток, обязан провести расследование и установить, было преступление или нет, и привлечь виновных к ответственности. Что происходит на самом деле: специально сегодня посчитал – 82 уголовных дела нам удалось дотащить до суда, ни одно из этих уголовных дел не возбуждалось Следственным комитетом сразу, самостоятельно, кроме тех случаев, когда жертву убивали. Вот если человека замучили до смерти, вот тогда есть шанс, что Следственный комитет возбудит уголовное дело самостоятельно. Во всех остальных случаях расследование начинается с постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, и, собственно, если у жертвы нет юриста, который ему поможет потом жалобы писать, то шансов добиться справедливости нет никаких. Более того, я вам могу сказать, что очень часто эти незаконные постановления наши органы Следственного комитета выносят по 5, по 10, по 15 раз, то есть следователь, получив жалобу на пытки, никакого расследование не провел, спустя какое-то время он выносит так называемое отказное постановление и пишет: «А ничего не подтвердилось». Потом мы смотрим материалы и видим, что он ничего и не сделал, мы идем на него жаловаться. На него можно пожаловаться прокурору, на него можно пожаловаться в суд.

И что? Его постановление признают незаконным и отменяют. Он говорит: «Ну да, я неправильное постановление вынес», – и через месяц выносит точно такое же. Он даже грамматические ошибки в своем старом постановлении не исправляет, там те же самые запятые пропущены, там тех же самых букв не хватает. И так может повторяться. Две недели назад у нас в Оренбурге было вынесено тридцатое незаконное постановление – это дело продолжается четырнадцатый год. То есть на протяжении тринадцати с лишним лет, почти четырнадцати, следователь следственного органа, Следственного комитета где-то там на уровне района раз за разом пишет незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, то есть в расследовании обоснованной жалобы на пытки, каждый раз это постановление обжалуется прокурору или в суд, каждый раз оно отменяется как незаконное, а следователь спустя какое-то время пишет новое точно такое же. Вот этот пинг-понг продолжается четырнадцатый год. Это не исключение. То есть это дело – рекордсмен по количеству... Всех всё устраивает, обратите внимание, никто следователя не меняет, он за это время был дважды повышен в звании, он из старшего лейтенанта в майора превратился, у него должность, зарплата, и это всё продолжается. У нас нет формального основания выйти на какой-то федеральный уровень, уйти с уровня субъекта. Постановления отменяются незаконные – отменяются родным местным районным судом. Имеет право он снова это рассмотреть – имеет, имеет право прийти опять к такому же – формально да. Везде всё всех устраивает. Я утверждаю, что до тех пор, пока вот эта система, вот это самое слабое, самое ржавое звено, не будет изменена, мы ничего, к сожалению, с пытками в России не поменяем...

Элла Львовна Панеях, к.соц.н., доцент НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Бюрократическая подотчетность в правоохранительных органах. Что делает незаконное насилие эффективным

Я буду говорить исключительно о процессе расследования и суде. Я довольно мало знаю о том, что происходит

в местах заключения. Почему пытки и другие незаконные методы воздействия на подсудимых оказываются настолько системными? Когда читаешь сообщения о пытках глазом социолога, первое, что бросается в глаза, – практически полное отсутствие региональной вариации. В разных регионах в разной степени эта зараза распространена, но делают сотрудники полиции, Следственного комитета и ФСБ везде практически одно и то же. Если появляется какой-то новый метод, он тут же распространяется. Это наводит на мысль, что мы имеем дело не с какой-то коррупцией, не с каким-то методом психологической разрядки, или, например, личным садизмом. Там нет никакой выдумки, это устоявшаяся рутина, практика. Нет, это не традиция, как здесь говорили раньше, это просто рабочая рутина, которая занимает свое место в устоявшихся процессах правоприменения, расследования дела. Исходя из этого, давайте посмотрим, как управляются те организации, которые принимают участие в расследовании. Они все – огромные федеральные вертикали, они все замыкаются на своих федеральных министрах, которые подчиняются только президенту. У них нет других точек взаимодействия ни между собой, ни с гражданскими властями, и почти нет с обществом. Есть ОНК, конечно, но мы знаем, что их недостаточно, и что их захватывают постепенно бывшие сотрудники тех же органов, которые они призваны контролировать, или другие ангажированные люди. Это очень иерархичные, очень бюрократизированные организации с большим количеством иерархических уровней и очень слабой обратной связью. У них обратной связи нет не только от общества, у них ни от кого нет обратной связи, в первую очередь от местных властей и от гражданской составляющей вертикали власти. Суды они подмяли. Они замкнуты разве что друг на друга. Соответственно, что делает бюрократия, замкнутая на себе и свободная от внешнего контроля? Она вырабатывает практики регулирования самой себя все более и более формализованные, связанные на показателях, и на отсутствии внешних эксцессов. Главное – чтобы никто и никогда не оказался неправ, не

допустил ошибки, или, по крайней мере, чтобы формально не была зафиксирована никогда ничья ошибка внутри иерархии, чтобы ничего не вышло наружу. Рядовой следователь, рядовой оперативный сотрудник обложен чудовищным количеством показателей, которые он должен исполнять. И исполняя их, в постоянной перегрузке и цейтноте, он бывает наказан за каждый раз, когда выясняется, что он допустил ошибку. И, кроме того, вся эта система страшно боится быть уличенной в преследовании невиновных. Я думаю, что это еще советское наследие, наследие того погрома, который испытали силовые структуры Советского Союза в период оттепели, когда их уличили в незаконных репрессиях. И с тех пор существует этот страх признаться, что мы кого-то расследовали, а потом выяснили, что он невиновен, и отпустили. Естественно, поскольку внутри такой замкнутой системы нарушение сидит на нарушении, нарушением погоняет, жизнь рядового сотрудника состоит из нарушений всего: инструкций, законов, а то и уголовных законов. В каждом деле, если смотреть на реальную практику, а не на то, что остается в документации, их очень много. Соответственно, как только ты признаёшься, что мы открыли уголовное дело, нашли фигуранта, арестовали его, допросили, может быть задержали на несколько дней, потом поняли, что он невиновен и отпустили, продолжаем дело и ищем реального виновника, выясняется, что вы этого невиновного человека если не побили, то запугивали. Если не подделали подпись, то у вас понятые были какие-то неправильные, из ваших личных знакомых, агентов участкового и т.д. И, соответственно, очень страшно сказать, что мы (органы) разобрались и отпустили: у человека сразу возникнет возможность предъявить вам кучу претензий, а начальство съест вас за то, что вынесен сор из избы. Вот эта ситуация оказывается самой страшной и неудобной. Поэтому, если человека начали разрабатывать, если формально открыто уголовное дело, то все участвующие сотрудники заинтересованы в том, чтобы в результате он был признан виновным в суде, так или иначе...

Вышеприведенные диалоги могут быть очередным суждением, каких немало проходит каждый год без практических последствий, но мы предлагаем сделать их вехой, рубежом, с которого должна начаться решительная борьба институтов гражданского общества против незаконного не только физического, но и психологического насилия над личностью. Программа «Россия без пыток» для многих прозвучит утопично, но она должна быть объявлена, и долг адвокатуры принять в ней активное участие. Нужно стремиться к великому, чтобы получилось просто большое.

Тем более, что так называемый «Национальный превентивный механизм» предотвращения пыток пока, кажется, просто хотят слить с уже действующими общественными организациями, не привлекая более широкий круг институтов гражданского общества, включая адвокатуру. А ведь между государственной карательной машиной и гражданином стоит только адвокат и адвокатура. Всё остальное пока в России еще факультатив, не особенно влияющий на происходящее.

Адвокатура не участвует в распределении западных и других грантов и, на первый взгляд, не обязательно должна вписываться в какие-то довольно абстрактные пока программы типа указанного «механизма». Но ее обязанности как института гражданского общества, который еще и должен создавать или распространять среди адвокатов передовые идеи, пригодные для защиты граждан, в настоящее время диктуют необходимость активной вовлеченности в борьбу против пыток и использования «Национального превентивного механизма» для реально эффективной, а не формально-отчетной борьбы с многовековой российской пыточной традицией. И наиболее сложной является борьба с «невидимым врагом» – психологической пыткой.

Авторы книги предлагают начать разработку мероприятий по включению адвокатуры и общественных организаций психологов в создаваемый в России «Национальный превентивный механизм» предотвращения пыток, закрепить пока что добровольные обязательства РФ в этой сфере ратификацией Факультативного протокола к Конвенции ООН 1984 года про-

тив пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Принята резолюцией 57/199 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 2002 года), а также дополнительно к международному Дню солидарности с жертвами пыток 26 июня, ввести национальный российский День борьбы против применения пыток 8 ноября, приуроченный дате указа Екатерины Великой о запрете пыток, в рамках Программы «Россия без пыток», которую еще предстоит разработать российским институтам гражданского общества.

Противодействие попыткам следственных органов использовать психологов для судебно-экспертного установления достоверности / недостоверности показаний допрашиваемых

Адвокатура является главным двигателем прогресса правовой системы. Адвокаты по конкретным делам ищут новые нестандартные пути решения правовых вопросов, а органы адвокатского сообщества должны обобщать и пропагандировать достижения адвокатской практики, по возможности, и среди научного сообщества, поощряя последнее к поиску теоретических оснований насущных практических вопросов правоприменения. При этом важно быть всегда в курсе официальных подходов и ставить вопросы перед специалистами и судом с их учетом. Важно также уметь оперативно противодействовать обвинительным направлениям в экспертизе, если они исходят от ведомственных экспертов правоохранительных органов, которые далеко не всегда имеют достаточное научное обоснование и должный уровень достоверности. Наличие значительного числа психологов является очевидным, хотя и не особенно афишируемым явлением в научных и практических структурах силовиков.

Нужно отметить, что следователи опережают адвокатов в использовании психологических знаний, что приводит порой к созданию некоей видимости наукообразности для нарушения закона на предварительном следствии. Поэтому адвокатам нужно внимательно следить за официальными и общими публикациями, в которых рекомендуется проведение каких-

либо новых видов судебных психологических экспертиз или новых методик такой экспертизы.

В качестве примера можно привести ситуацию с проведением судебно-психологических экспертиз с целью установления достоверности / недостоверности показаний по видеозаписям допросов.

Такие экспертизы стали востребованными после появления ряда публикаций психологов, предлагавших с помощью психологических специальных знаний анализировать внешние признаки поведения допрашиваемых по видеозаписям допросов. Основой для популяризации такой методики послужили многочисленные зарубежные публикации, в которых описывались признаки мимики, особенности жестикюляции, свидетельствующие о ложности произносимых утверждений (сведений).

Практика проведения таких экспертиз и использования их результатов активно обсуждалась в среде судебных экспертов-психологов. В результате обобщения этой практики и научного анализа основ предлагаемой методики было принято решение о признании недопустимым ее применения в практике уголовного судопроизводства. Это решение было реализовано путем подготовки и издания соответствующего информационного письма, опубликованного в официальном издании министерства юстиции Российской Федерации – журнале «Теория и практика судебной экспертизы»¹⁸. Письмо было подготовлено под руководством директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации С.А. Смирновой и заместителя генерального директора по научной работе ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России доктора медицинских наук, профессора Е.В. Макушкина. В его подготовке участвовали доктор юридических наук А.Я. Аснис, доктор

¹⁸ Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 64–73.

психологических наук Е.В. Васькэ, доктор психологических наук профессор Е.Г. Дозорцева, доктор психологических наук профессор Ф.С. Сафуанов, кандидат юридических наук доцент С.Н. Шишков, кандидат психологических наук доцент С.С. Шипшин, кандидат психологических наук доцент Д.С. Ошевский, кандидат медицинских наук Д.В. Бердников, кандидат юридических наук доцент Т.Н. Секераж, кандидат юридических наук А.Н. Калинина. Письмо было утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Протокол № 6 от 15 июня 2016 года) и Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (Протокол № 7 от 20 июня 2016 года).

В информационном письме подчеркивалось, что научная дискуссия о надежности свидетельских показаний и о возможности их использования в судебной практике была начата еще в начале XX века на этапе зарождения юридической психологии. Эта тема, как чрезвычайно важная для принятия правильных судебных решений, продолжала пользоваться вниманием ученых и практиков. Исследования, выполненные зарубежными учеными на эмпирическом материале, привели к созданию методического подхода к оценке достоверности (правдоподобности) показаний детей. В дальнейшем область применения этого метода была расширена на показания свидетелей и потерпевших любого возраста. К настоящему периоду в отечественной экспертной практике традиционной и обязательной является судебно-психологическая либо комплексная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевшего или свидетеля, «когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания» (ст. 196 УПК РФ). Разработка методологии судебной психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) способности подэкспертного давать показания в российской судебной психологии (Коченов М.М., 1977; Морозова М.В., 1995, 2009, 2016; Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф., 2012) позволила сформулировать несколько базовых положений, лежащих в настоящее время в

основе экспертной практики. К ним, в частности, относится выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля и др.) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также установление влияющих на эти феномены факторов.

Так, потенциальная способность определяется нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов, и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях. На актуальную возможность влияют фактор возраста и соответствующего психического развития (если подэкспертным является ребенок), индивидуально-психологические (личностные) особенности, а также специфика ситуации. Данные факторы имеют динамический характер, а ситуация рассматривается как развивающаяся от криминального эпизода до времени дачи показаний. В результате комплексного исследования потенциальной способности и актуальной возможности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, с учетом выделенных факторов, делаются экспертные выводы о наличии указанных способности и возможности в их ограничении либо нарушении. При этом сами показания специальному анализу для установления их правдоподобности не подвергаются. Вместе с тем, практическая потребность в подобном анализе существует как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе.

Поэтому проблема экспертной оценки способности давать показания в рамках уголовного дела, а также возможность оценивать в этом контексте сами показания, подчеркивается в Информационном письме, требуют всестороннего и самого пристального анализа. Как известно, определение

достоверности показаний относится к компетенции суда. Ряд российских специалистов в области юридической психологии высказываются в пользу проведения соответствующих психологических исследований, в том числе экспертных, для информирования сотрудников органов предварительного следствия и судей о том, содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности» (Ситковская О.Д., 2001, 2007). В последнее время в российской экспертной практике начинают появляться и сами судебные экспертизы свидетельских показаний, нацеленные на выявление «признаков психологической достоверности». Так, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова и Е.Н. Холопова (2016) в своей книге «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» делают попытку методологически обосновать методику анализа достоверности свидетельских показаний по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, предлагая использовать анализ содержательных особенностей показаний, поведения и эмоциональных проявлений подэкспертного, его индивидуально-психологических особенностей, «ведущей мотивации и системы мотивов при даче показаний по делу» (с. 86). Однако признать эту попытку, как указано в Информационном письме, успешной нельзя.

Психические (психологические, неврологические, невро-психологические) пытки

Приведем ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: «Для целей настоящей Конвенции определение “пытка” означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине,

основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

Следует обратить внимание на словосочетание «причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное». Здесь английское слово «mental» переведено как «нравственный». Это размывает понимание значения термина «пытка» и делает его слишком неопределенным для четкого правоприменения.. Есть в тексте перевода Конвенции и иные неточности, которые находятся за пределами задач настоящей публикации. Другой предлагаемый перевод слова «mental» – «душевный», хотя и соответствовал бы бытовому употреблению «душевнобольной», т.е. человек с больной психикой, находится еще дальше от научно-практического понимания содержания пытки такого рода. Эта ошибка допущена русскими переводчиками ООН еще в 1948 году во Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), а Конвенцию 1984 года о запрете пыток как и в большинство других документов ООН попала уже по бюрократической инерции. На наш взгляд, необходимо эту инерцию сейчас и срочно остановить. В Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 года слово mental переведено как «умственный», что конечно значительно ближе, но всё равно не вполне адекватно. («Умственная пытка?»). И это ещё более запутывает ситуацию, так как один и тот же термин mental переведен в двух разных значениях «нравственный» и «умственный». Еще более осложняет ситуацию тот факт, что русский язык является официальным языком ООН, а значит, инерционная ошибка русских переводчиков в 1984 г., когда Конвенция о запрете пыток принималась, как бы «затвердевает в правовом бетоне» и нелегко поддается толко-

ваниям и применению, что прямо ведёт к нарушению прав человека в странах, использующих русский официальный текст ООН. Все бывшие республики СССР переводили свои тексты Конвенции о запрете пыток ООН 1984 года не с английского, а с русского языка – официального языка ООН и, например, в украинском варианте перевода термин звучит как «моральный», то есть получается «моральная пытка», похожая на общепринятый термин «моральный вред», но не имеющий прямого отношения к признакам незаконного психологического давления должностными лицами (или по их поручению) на человека. В России нет собственного законодательства против пыток и поэтому значение терминов обязательной для применения на территории Российской Федерации Конвенции ООН имеет большое практическое значение. Как это ни парадоксально, но возможно пока адвокатам нужно руководствоваться при определении нефизической пытки значением официального английского текста Конвенции, так как на русский она переведена в этом месте неправильно. Здесь может помочь для толкования Конвенции текст Доклада ООН 2020 о психологической пытке, находящийся в приложении к нашей книге.

Наиболее точный перевод «психический» будет адекватным, охватывающим как и английский термин «mental», так и неврологическое (невро-психологическое) значение явлений, возникающих при такого рода воздействиях на головной мозг и нервную систему человека. В названии книги мы применили термин «психическая (психологическая)», что соответствует толкованию, данному в Докладе ООН о психологической пытке, помещенном в приложении к книге.

Отметим, что обратный перевод официального теперь термина «нравственный» на английский означает «моральный» и еще более запутывает ситуацию, так как не соответствует смыслу английского слова «mental», не является его синонимом. Термин «нравственный» мог бы быть кое-как, с натяжкой соотнесен со словосочетанием «бесчеловечные, унижающие достоинство» действия, употребляемым в ст. 16 Конвенции, но оно и юридически, и лингвистически отделено от понятия «пытка», поскольку эта статья просто-напросто

отсылает к другой статье Конвенции: «Каждое Государство-участник обязуется предотвращать на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, *которые не поддаются под определение пытки, содержащееся в статье 1* (выделено нами), когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». Под такое «молчаливое» согласие может попасть и деятельность судьи, который продолжает судебное заседание в ситуации очевидного по показателям артериального давления гипертонического кризиса. Еще раз обращаем внимание на формулу ст. 1 Конвенции, согласно которой в определение пытки «не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

Особо здесь нужно выделить слова «неотделимы» и «случайно». Конечно, пребывание под стражей само по себе несет страдание, в этом, нужно прямо сказать, отчасти и заключается применение данной меры пресечения, нередко не вызванной необходимостью именно по делам предпринимателей и должностных лиц. Во многих случаях это связано со стремлением следствия сломить волю обвиняемого и всегда иметь его «под рукой», поддерживаемое судом, который также может последним руководствоваться при слушании уголовного дела. Но нахождение гипертоника, например, в пластиковой душевой «клетке» во время артериального кризиса, игнорируемого судом, «случайным» уже не назовешь, поэтому даже если суд не имеет намерения создать пыточную ситуацию, он фактически ее создаёт, и можно говорить о вышеупомянутом «молчаливом согласии»

Большинство комментариев, толкований и разъяснений смысла Конвенции даны в основном на английском. В них, как и в докладе Специального Докладчика ООН по вопросам пыток за март 2020 года, значение «mental» уравнивается с «psychological» («психологический»), в то время как

слово «mental» в английском языке подразумевает более широкий спектр воздействия на мозг и на всю нервную систему как физическую субстанцию. Таким образом, воздействие на неврологию человека в этом ооновском понимании равнозначно психологическому воздействию. Можно сказать – в содержании слова «mental» психология и неврология частично совпадают, что надо бы отчетливо уяснить. (Например, довольно популярная пытка электромагнитным излучением через стены на спящего человека и лишает его полноценного сна, и постепенно нарушает нормальное функционирование головного мозга)¹⁹.

По нашему мнению, следует установить, что такой род пытки может включать чисто психологическую пытку, психологическую пытку с определенным неврологическим компонентом и явление, которое можно назвать неврологической пыткой. Это же относится к жестоким, бесчеловечным действиям, фигурирующим в названии и в статье 16 Конвенции ООН 1984 года.

Юристы привыкли оперировать понятиями вменяемости, невменяемости, дееспособности, в том числе временной невменяемости и недееспособности. Но действительность намного сложнее, если подойти к ней с точки зрения психологии и неврологии. Психологическое давление на следствии и отчасти в суде должно встречать отпор со стороны адвокатов, поскольку нередко оно подходит к грани законного поведения должностного лица: следователя, прокурора и даже... судьи, или переходит ее.

Человек может говорить одно, а иметь в виду другое

Американский философ права Джозеф Вайнинг специально как отдельную правовую проблему выделял тот факт, что человек может говорить одно, а иметь в виду нечто другое²⁰.

¹⁹ Почечуева О. Электромагнитные излучения, намеренно направленные на вас. М.: «ЛУМ», 2015.

²⁰ Vining J. From Newton's Sleep. Princeton University Press, Princeton, 1996. P. 57–58.

Для ее понимания юристам нужно знать хотя бы основы неврологии, связанные с артериальным давлением. Нужно учитывать, что лица с артериальным давлением, отклоняющимся от нормы, могут на какое-то время не вполне адекватно воспринимать происходящее и дать неправильный ответ либо высказать суждение, не соответствующее тому, которое на самом деле имелось в виду.

Право любого вменяемого подсудимого на защиту основывается на возможности в течение всего времени судебного процесса правильно воспринимать происходящее. У людей же с проблемами артериального давления такая способность ослабляется или почти полностью утрачивается.

Если негативное воздействие на головной мозг носит временный, даже кратковременный характер, то, не успевая привести к патологическим изменениям, оно может в течение этого промежутка времени влиять на состояние человека, например, на его способность восприятия событий и возможность на них адекватно реагировать. Это особенно неблагоприятно для него, когда он находится на допросе у следователя или на скамье подсудимых.

Возьмем самую наглядную неврологическую ситуацию, связанную с отклонениями давления от нормы. Попробуем привести элементарные, но, видимо, не слишком известные адвокатам данные о влиянии давления на состояние человека.

О чем должны знать адвокаты?

Типичное значение артериального кровяного давления здорового человека (систолическое/диастолическое) – 120 и 80 мм рт. ст.

Верхнее число – систолическое артериальное давление – показывает давление в артериях в момент, когда сердце сжимается и выталкивает кровь в артерии, оно зависит от силы сокращения сердца, сопротивления, которое оказывают стенки кровеносных сосудов, и числа сокращений в единицу времени.

Нижнее число – диастолическое артериальное давление – показывает давление в артериях в момент расслабления

сердечной мышцы. Это минимальное давление в артериях, оно отражает сопротивление периферических сосудов.

Стойкое повышение артериального давления выше 140/90 мм рт. ст. (артериальная гипертензия) или стойкое понижение артериального давления ниже 90/60 (артериальная гипотензия) могут быть симптомами различных заболеваний.

Гипертонический криз является результатом резкого нарушения механизмов регуляции артериального давления, что, в свою очередь, приводит к сильному повышению артериального давления, и расстройством циркуляции крови во внутренних органах. Во время гипертонического криза наблюдаются симптомы нарушения кровоснабжения головного мозга и сердца, потеря работоспособности, утомляемость, головные боли, особенно в затылочной части, оглушенность, головокружение, помрачение сознания.

По российской статистике только чуть более трети больных мужчин знали о наличии у них заболевания и только 20% знающих о нарушении своего давления больных получали медикаментозное лечение. В связи с этим закономерно повышается абсолютное количество гипертонических кризов.

Кроме того, значительную роль в увеличении частоты их появления имеет отсутствие должной преемственности лечения между скорой медицинской помощью, терапевтическим стационаром и поликлиникой. В России единой общепринятой классификации гипертонических кризов в настоящее время не существует.

Допрос как ситуация, связанная с повышенным психоэмоциональным напряжением, безусловно, может быть провоцирующим фактором возникновения гипертонических церебральных кризов, иначе говоря, способен вызвать обострение артериальной гипертензии. В результате может кратковременно утратиться способность ориентироваться в окружающей обстановке, нарушиться память.

**Нарушение права человека
понимать происходящее как психическая
(неврологическая, невро-психологическая) пытка**

Когда человека с аномальным артериальным давлением обязывают участвовать в судебном заседании, он не в состоянии осуществлять свое право на понимание происходящего, что является основой права на защиту, поскольку уровень артериального давления и работа головного мозга, обеспечивающая адекватное восприятие окружающей действительности, связаны напрямую. Кроме того, длительное ненормальное состояние кровяного давления может напрямую привести к инсульту или инфаркту. Получается, что здесь у адвоката двойная забота: и осуществить право на защиту, и даже защитить здоровье своего доверителя.

Приведем цитату из онлайн-репортажа о судебном заседании по делу бывшего главы Нижнего Новгорода и других. После того, как к одному из подсудимых в зал судебного заседания была вызвана неотложная медицинская помощь, судья возобновила судебное заседание, указав:

«Судья сообщает, что М. осмотрел врач скорой помощи, зачитывает заключение врача: жалобы на головную боль, давление 160 на 100. Патологических состояний не выявлено. У М. инсулинзависимый диабет, повышенный уровень сахара в крови, он должен соблюдать режим питания и принимать лекарства. По заключению врача, он может принимать участие в заседании дальше».

Получается, что выбивающееся из нормы давление не считали препятствием для продолжения судебного заседания ни врач, ни, понятно, на основе его мнения, судья. Как стало известно из последующих публикаций в интернете, тюремные врачи госпитализировали подсудимого, и только после этого его адвокаты активизировались и стали поднимать вопросы, связанные с обоснованностью предыдущего решения о возможности участия в судебном заседании. Стали произноситься фразы о «психологической пытке». Позднее по тому же делу защита реагировала более своевременно, когда суд продолжил процесс при давлении 180 на 110: сразу же после отказа

в ходатайстве об отложении слушания заявила судье отвод с употреблением понятия «пытка»²¹.

Возникает вопрос: насколько к такой ситуации подготовлены адвокаты и вообще юристы? Какие знания неврологии у них имеются для того, чтобы правильно и, главное, оперативно реагировать?

По нашему мнению, дополнительно к понятиям физической пытки и психологической пытки должно быть введено понятие неврологической пытки, поскольку неврология является отдельной отраслью медицины, не совпадающей ни с судебной психиатрией, ни с судебной психологией. «Неврология потенциально является мостом, который соединит разделенные правом и правовой культурой понятия физических и психологических негативных воздействий»²².

Попробуем привести конкретные примеры, показывающие взаимосвязь психологической пытки с возникновением неврологической ситуации, также имеющей характер пыточного воздействия на человека. В литературе уже приводился пример психологической пытки, которой подвергли по делу об экономическом преступлении бизнесмена, члена-корреспондента РАН. Ему надели две пары наручников и предложили осуществлять свои права по ст. 217 УПК РФ, т.е. «без ограничения» знакомиться с сотнями томов уголовного дела, делать выписки и т.д. Характерно, что из пяти (!) присутствующих адвокатов никто о ситуации психологической пытки не заявил, и этот вопрос был поднят только при вступлении в дело нового адвоката. Впоследствии дело было возвращено из суда прокурору и «заглохло» при исследовании.

И еще пример с бывшим главой Нижнего Новгорода, когда он был вынужден знакомиться с сотней томов уголовного дела, сидя в клетке на деревянной скамье, где не было стола, а кругом валялся строительный мусор. Его адвокат своевременен-

²¹ Баренбойм П. Неврологическая пытка // АГ. 2019. № 3 (284).

²² См.: Lobel J. and Akil H. Law and Neuroscience: The Case of Solitary Confinement // *Daedalus, Journal of the American Academy of Arts&Science*, Fall, 2018. P. 6.

но сделал заявление о применении психологической пытки, и условия ознакомления были изменены. Похоже, в СК есть практика стараться помешать внимательному ознакомлению обвиняемого с материалами проведенного расследования, а заодно надавить на него и унижить. Иными словами, в момент, когда обвиняемый хотел увидеть, какие доказательства собраны против него, его ставили в унижительное положение заведомой физической невозможности осуществить свои права, чем, разумеется, погружали в глубокую стрессовую ситуацию.

Нейронауки и уголовное правосудие

В последнее десятилетие многие аспекты уголовного правосудия нашли свое отражение в нейронауках. Этими вопросами активно занимаются как за рубежом, так и в России. В наиболее сконцентрированном и доступном для понимания специалистов в области права виде достижения нейронаук, относящиеся к уголовному правосудию, представлены в аналитическом обзоре ведущего научного сотрудника Института государства и права РАН Полубинской С.В. «Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике»²³.

Ниже мы изложим некоторые моменты исследования С.В. Полубинской, но рекомендуем ознакомиться с полным текстом этой статьи и в дальнейшем следить за новыми публикациями этого автора и других авторов, поскольку применение этих знаний в работе западных адвокатов дает, например, до 30% удовлетворения апелляционных жалоб.

Как справедливо указывает автор статьи, современные нейронауки давно вышли за рамки традиционных биологических и медицинских наук, объектом изучения которых выступала центральная нервная система и головной мозг человека. Сегодня исследователи ставят своей задачей выявление связей между биологическими процессами, происходящими

²³ Полубинская С.В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 5. С. 9–37.

в мозге, и поведением человека. Растет число научных работ по социальной нейронауке, нацеленной на определение нейронных основ социального поведения. Прогрессу таких исследований способствует применение при их проведении неинвазивных технологий нейровизуализации (магнитно-резонансной томографии, функциональной магнитно-резонансной томографии, позитронно-эмиссионной томографии и др.), позволяющих получить и представить данные о структуре и активности мозга в виде наглядных изображений. Перед уголовным правом стоит задача теоретического осмысления результатов исследований головного мозга, используемых в качестве доказательств в уголовных судах ряда стран и одновременно способствовавших возобновлению дискуссий о свободе воли и основаниях уголовной ответственности²⁴.

С.В. Полубинская указывает, что, по данным зарубежных авторов, нейробиологические доказательства, в том числе результаты визуализации мозга, встречаются в судах на разных стадиях процесса, в частности, при определении способности лица предстать перед судом и в защите со ссылкой на неменяемость. Однако чаще они представляются в уголовных делах о тяжких насильственных и сексуальных преступлениях, чтобы подтвердить диагноз психического или неврологического расстройства и (или) повреждения мозга подсудимого и тем самым обосновать смягчение ему наказания. Нередко такие доказательства сочетаются с результатами других экспертных обследований и являются частью более широкой картины, описывающей подсудимого. Зарубежные исследования также показывают, что суды проявляют осторожность в решении вопроса о допустимости нейровизуализационных доказательств из-за сомнений в их научной надежности, достоверности и относимости к делу. При этом сама практика присутствия в судах подобных доказательств оценивается весьма неоднозначно. Ее критики ссылаются на недостаточную обоснованность и надежность таких доказательств и субъективность экспертов в интерпретации

²⁴ Там же. С. 9.

результатов сканирования мозга. Отмечаются и проблемы надежности экспертных выводов, если при их формулировании данные, полученные в результате изучения группы испытуемых, были распространены на индивидуальный случай, рассматриваемый в суде. Оппоненты данной практики указывают на сложность и взаимосвязанность человеческого мозга, невозможность локализовать сложное поведение человека в определенной области мозга и, тем более, установить причинную связь между конкретной областью мозга и поведением. Прогресс нейронаук способствовал также новой волне дискуссий по ключевым вопросам философии права и уголовно-правовой доктрины. Результаты некоторых исследований интерпретируются как доказательства отсутствия добровольности в действиях человека и иллюзорности свободы воли, поскольку мозг дает сигнал действовать еще до того, как человек это осознает. В сочетании с обнаружением связей определенных структур головного мозга с агрессивностью, импульсивностью и способностью контролировать свое поведение эти данные используются как основания для необходимости пересмотра традиционных доктринальных представлений о вине и уголовной ответственности. Однако большинство специалистов, анализирующих возможности использования результатов нейробиологических исследований уголовно-правовой доктриной и практикой, с этим не согласны. Они признают, что такие исследования могут обеспечить лучшее понимание механизмов человеческого поведения и повлиять на доктринальное осмысление правовых категорий, таких как, например, вина и невменяемость, но возражают против отождествления психики с мозгом. Понятия свободы воли и ответственности являются социальными конструктами, и нейронауки пока не способны убедить общество от них отказаться²⁵.

В то же время представляется неконструктивным игнорирование последних достижений нейронаук со стороны ученых и практиков, заинтересованных в современном науч-

²⁵ Там же. С. 9–10.

ном обеспечении деятельности адвокатов, осуществляющих защиту граждан по уголовным делам.

С каждым годом в мире увеличивается число случаев, когда адвокаты-защитники представляют в суд нейробиологические доказательства. С каждым годом эти нейробиологические доказательства становятся всё точнее. Директор Центра нейробиологии и права (США) профессор Дебора Денно приводит мнение некоторых специалистов о том, что в течение 10 лет уровень достоверности таких доказательств может достигнуть уровня достоверности анализа ДНК²⁶.

В марте 2018 года в США комитет, сформированный в рамках Национальной академии наук, инженерии и медицины, провел в Вашингтоне заседание, на котором обсуждался вопрос о допустимости в суде нейробиологических доказательств. Комитет рассмотрел также практику использования результатов ЭЭГ и функциональной магнитно-резонансной томографии для реконструкции увиденного с помощью компьютерных алгоритмов. Это заседание может иметь далеко идущие последствия для установления стандартов, согласно которым нейробиология в будущем сможет использоваться в зале суда для целей справедливого судебного разбирательства²⁷.

Глубокая и информативная статья Полубинской является приятным исключением, так как в юридической печати практически отсутствуют упоминания о каких-либо научных разработках, направленных на использование данных нейронаук, а также специальных знаний неврологов, нейробиологов или нейропсихологов при установлении факта применения пыток к задержанным, арестованным или осужденным путем проведения соответствующей судебной экспертизы. По-прежнему главными вопросами, которые подвергаются активному исследованию представителями нейронаук, являются вопросы

²⁶ *Denno D.W.* Neuroscience and the Personalization of Criminal Law // *University of Chicago Law Review*. 2019. Vol. 86: Iss. 2, p. 359–401.

²⁷ *The Growing Link between Neuroscience & Criminal Defence* // www.baezlawfirm.com/the-growing-link-between-neuroscience-criminal-defense/.

заболеваний мозга, влияющие на определение виновности или степени вины, а также возможности установления лжи с помощью методов нейровизуализации. При этом данные нейровизуализации обсуждаются в суде лишь при наличии признания или доказанности вины в совершении преступления и исключительно в целях смягчения наказания.

Специфика экономических и должностных дел

Долг адвоката требует понимания возможностей своего клиента в плане адекватного восприятия судебного процесса, особенно, когда ему нужно реагировать на вопросы, ответы на которые тут же фиксируются в следственном протоколе или протоколе судебного заседания и могут иметь порой ключевое значение для принятия решения и вынесения приговора. Особенно это важно при рассмотрении экономических дел, обычно имеющих длительный характер и связанных с большим числом бухгалтерских и иных документов, порой занимающих многие тома. Отсюда и специфика этих дел, которая вытекает из монотонности и большей продолжительности процесса по сравнению с процессом рассмотрения других уголовных дел, и быстрее формирует «размытость» восприятия, приводящую при определенных неврологических ситуациях к ошибкам или неточностям в ответах подзащитного, порой неожиданным даже для его адвоката, предварительно подробно обсудившего с ним позицию по делу.

Обвиняемые и подсудимые по экономическим делам по возрасту и образу жизни часто состоят в группе риска болезней артериального давления. Данная проблема должна быть известна как адвокатским палатам, так и предпринимательским общественным бизнес-организациям, которые совместно в качестве институтов гражданского общества должны уделить ей должное внимание²⁸.

²⁸ См.: Баренбойм П., Нагорная С. Артериальное давление и право на защиту. Психологические и неврологические пытки: предприниматели и должностные лица на следствии и в суде // Адвокатская газета. 2020. № 11 (316); Баренбойм П. Неврологическая пытка // Адвокатская газета. 2019. № 3 (284).

Отсутствие интереса к современным достижениям нейронаук, которые можно было бы эффективно использовать в борьбе с пытками, обусловлено, на наш взгляд, пассивностью адвокатского сообщества, не способного, да и не пытающегося преодолеть безразличие государства к этому вопросу.

По нашему мнению, целесообразно в рамках адвокатских объединений и предпринимательских ассоциаций создать рабочую группу из неврологов, нейропсихологов, психологов, адвокатов и представителей бизнес-ассоциаций, которая представила бы свои предложения, например, об обязательной проверке по ходатайству защиты и подсудимых уровня артериального давления в ходе судебного заседания и о разработке медиками методологии действий скорой помощи при вызове в суды в случае, например, медикаментозного резкого снижения или повышения давления, если это может быть связано с риском для здоровья. В ходе своей деятельности эта рабочая группа могла бы привлекать психологов из различных научных структур для проведения исследований, результаты которых наглядно показали бы важность проблемы обеспечения реальной возможности полноценного участия подозреваемых и обвиняемых при проведении следственных действий и в процессе судебного разбирательства.

ЧАСТЬ 2. ЭТИКА ПСИХОЛОГА

(международный опыт)

Вопросы статуса институтов гражданского общества не разработаны в России ни юридической, ни политологической наукой, хотя они являются ключевыми для вопросов применения конституционных и международных норм о правах личности.

Необходимо использовать процесс образования «Национального превентивного механизма» для создания системы взаимодействия различных институтов гражданского общества, включая адвокатуру, экспертные научные учреждения и организации, не забывая при этом о важнейшей роли психологии и психологов.

Во-первых, проблему формирования атмосферы неприемлемости пыток как в обществе в целом, так и в правоохранительной системе одними формальными запретами не решить, поэтому необходимо привлечение психологов. Для решения указанной проблемы чрезвычайно важно сменить именно психологические установки нынешнего поколения правоохранителей. Во-вторых, психологические пытки являются наиболее распространенными и, одновременно с этим, наименее «видимыми», а значит и более трудно доказуемыми. Поэтому, наряду с правом и политологией, психология является важным методологическим звеном системы борьбы с пытками.

Следует отметить также, что вопросам психологической пытки не нашлось необходимого места в работе круглого стола, состоявшегося в центре «Стратегия». С сожалением приходится констатировать, что целый ряд правоохранительных методик и практик до сих пор находятся на грани или за гранью незаконного психологического насилия над личностью.

Это относится, в частности, и к применению незаконного психологического давления на подозреваемых, обвиняемых и даже свидетелей с участием ведомственных психологов. Практика производства психологических экспертиз видеозаписей допросов и иных следственных действий существенно расширилась за последние 5 лет, в том числе увеличилось количество запросов на проведение данного вида экспертизы, расширился круг решаемых задач. Основными заказчиками судебной психологической экспертизы видеозаписей допросов и иных следственных действий, по данным проведенного анализа, являются следственные подразделения Следственного комитета России (90%). В настоящее время для противодействия балансирующей на грани законности деятельности следователей, фактически нарушающих права граждан путем проведения нового вида психологических экспертиз достоверности данных показаний, чрезвычайно важно ориентироваться на авторитетную позицию психологов Минюста РФ, выраженную в Информационном письме²⁹, согласно которой такие экспертизы не имеют четкого научного обоснования.

В любом случае, особенно если адвокат по сути своей позиции противостоит выводам проведенной психологической экспертизы или вопросу о ее назначении, в поле зрения защиты должен возникать вопрос о профессионализме (а значит и профессиональной этике) эксперта, проводившего экспертизу или принимающего на себя ответственность за ее проведение. Поскольку у нас немного материалов по России, мы используем международный опыт, который может быть полезным для понимания и анализа проблемы; многие ситуации могут оказаться похожими, особенно в части обоснования применения психологических пыток целями борьбы с терроризмом.

В отличие от других врачебных профессий, психологи не обязаны приносить клятву «не навреди». Поэтому участие Американской Ассоциации Психологов (ААП) и лицензированных психологов в допросах и пытках заключенных после

²⁹ Методики, методические рекомендации, информационные письма. Теория и практика судебной экспертизы. № 4 (40). 2015.

террористических атак 11 сентября 2001 года до сих пор вызывает серьезные вопросы в отношении этических обязательств и ответственности психологов.

В феврале 2002 года президент США Джордж Буш издал приказ о том, что статьи Женевской Конвенции неприменимы к заключенным, состоящим в организациях Аль-Каиды и Талибана.

Особое внимание, во избежание повторения подобного в России, нужно уделить участию американских психологов в так называемых «интенсивных методах допроса» (Enhanced Interrogation Techniques, EITS). В 2006 году Пентагон объявил, что для консультирования при допросах они будут использовать именно психологов, но не психиатров или любых других врачей. Данная политика была ответом на объявление Американской Ассоциации Психиатров (ААПС), что лицензированные психиатры не должны консультировать власти насчет отдельных техник допроса.

База Гуантанамо использовалась как лаборатория, где так называемым «консультирующим командам по поведенческим наукам» было дано разрешение на практически неограниченное использование новых методик, включающих в себя изоляцию, устрашение, воздействия через окружающую среду (пытка жарой, холодом, и т.д.), и насильственное удержание в определенной позе.

В отличие от ЦРУ, Федеральное Бюро Расследований США использует технику «построения контакта» (rapport building) как наиболее действенный способ установления взаимопонимания, доверия и общности для эффективных допросов. Важно заметить, что исследования, проведенные ЦРУ в 1978 году, показали, что использование пыток к правдивым показаниям не приводит. После событий 11 сентября 2001 года ЦРУ провело дополнительное внутреннее исследование, по результатам которого примененные методы допроса были также признаны неэффективными; однако результаты этого исследования так и не были официально опубликованы.

Несомненно то, что использование интенсивных методов допроса, как и использование психологической пытки почти

наверняка приводит к долгосрочному вреду человеческому здоровью, включая непоправимые изменения личности и острое посттравматическое расстройство (ПТСР). Среди людей, переживших психологическую пытку, уровни симптоматики примерно такие же, как среди тех, кто пережил пытку физическую. Жертвы пытки не единственные, кто страдают от последствий процесса; серьезные психологические последствия случаются также и среди тех, кто пытку применяет³⁰.

Заявление было аргументировано президентом ААПС Шарфштайном следующим образом: допросы, в которых участвуют психиатры, являются принудительными, в них отсутствует процедура информированного добровольного согласия, они включают в себя давление на подсудимых, психологические манипуляции и стресс, а также нередко вводят допрашиваемого в заблуждение³¹.

Данная позиция ААПС основана на врачебном принципе, известном как «делай благо»³².

Американская Ассоциация Медиков (ААМ) в 2006 году также заявила о новой политике, согласно которой медицинские работники должны были отказываться от участия в на-

³⁰ *Nathanson, V.* (2003). Why we need a new Hippocratic Oath. *Medical Education*, 37(12), 1123-1124. <https://doi-org.pgii.nlm.nih.gov/10.1111/j.1365-2923.2003.01720.x>

Pope, K.S. (2011). Are the American Psychological Association's detainee interrogation policies ethical and effective? Key claims, documents, and results. *Zeitschrift für Psychologie / Journal of Psychology*, 219, 150-158. <https://doi:10.1027/2151-2604/a000062>.

Sales, P.P. (2016). *Psychological torture: Definition, evaluation and measurement*. Abingdon, United Kingdom: Routledge.

³¹ *Lott, B.* (2007). APA and the participation of psychologists in situations in which human rights are violated: Comment on "Psychologists and the Use of Torture in Interrogations." *Analyses of Social Issues & Public Policy*, 7(1), 35-43. <https://doi-org.pgii.nlm.nih.gov/10.1111/j.1530-2415.2007.00124.x>.

³² *Kalbeitzner, R.* (2009). Psychologists and interrogations: Ethical dilemmas in times of war. *Ethics & Behavior*, 19(2), p. 158. <https://doi-org.pgii.nlm.nih.gov/10.1080/10508420902772793>.

сильственных допросах. Как было выяснено ЦРУ, интенсивные методы допроса действительно оказались в целом неэффективны для получения новой или более точной информации.

Несмотря на то, что ААПС и ААМ отказались от участия в «интенсивных» допросах, президент Американской Ассоциации Психологов Кушер выступил в защиту психологов, имевших отношение к проведению допросов³³. Он заявил о необходимости баланса между этическими принципами и социальной ответственностью, и, согласно его словам, в данном случае цель оправдывает средства. Когда ААП в 2005 году занялась созданием Целевой Группы по Психологической Этике для того, чтобы выяснить, является ли существующий кодекс этики достаточно эффективным для профессионального этического ориентирования практикующих психологов, были сделаны выводы, что психологи, консультировавшие военные допросы, не нарушали этических обязанностей, так как они балансировали свою профессиональную и социальную ответственность согласно первым двум принципам кодекса этики 2002 года: «делай благо и не навреди» (принцип А) и «добросовестность и ответственность» (принцип Б)³⁴.

Это расхождение между психологами, психиатрами и общими медиками, отмеченное через 5 лет после начала применения пыток в Гуантанамо, показало серьезность проблемы. Стало ясно, что, в отличие от психологов, работники медицины связаны старинной клятвой Гиппократата, которая не является пустой формальностью и в целом гарантирует четкое следование правилам, принципам и ценностям врачебной профессии. Отсутствие похожей клятвы среди психологов дало им возможность весьма свободно истолковывать существующие этические стандарты как в работе с пациентами, так и в защите человеческого достоинства.

Доктора приносят клятву Гиппократата; другие представители медицинских профессий, такие как техники скорой медицинской помощи, физиотерапевты, а в США даже ветеринары,

³³ *Lott, B.* p. 39.

³⁴ *Kalbeitzer, R.* p. 169.

дают клятву не причинять пациенту вреда и не способствовать несправедливости. Так как же стало возможным то, что психологи, те, кто имеет доступ к самым потаенным и ранимым уголкам человеческого сознания, исторически не имеют официальной обязанности не причинять пациентам вреда? Нехватка общих этических рекомендаций и профессиональной ответственности привела к участию многих психологов в различных формах нарушений закона, включая психологические пытки. Особенно ярким примером является участие американских психологов в допросах заключенных непосредственно после террористических атак 11 сентября 2001 года. ЦРУ воспользовались услугами психолога, который предложил ЦРУ применить двенадцать экспериментальных методов допроса, включавших контролирование внимания (*attention gras*), длительное стояние у стены (*walling*), насильственный зрительный контакт, оплеухи и подобные унижающие достоинство удары, содержание в тесных помещениях (шкафы, чуланы), насильственное удержание в стресс-позе (*stress positions*), лишение сна, симуляция утопления (*waterboarding*), использование насекомых, симуляция захоронения заживо. Целью данных техник является создание «ощущения бессилия, зависимости, ужаса».

ЦРУ решило применить такие тактики допроса при работе с заключенными, подозреваемыми в связи с событиями 11 сентября 2001 года, утверждая, что Аль-Каида специально обучала своих участников сопротивляться традиционным методам допроса. Слово «пытка» было заменено понятием «интенсивных методов допроса»; также утверждалось, что эффективность новых методов подтверждена научно, и что цель в данном случае оправдывает средства. Следует заметить, что с начала использования новых методов их эффективность ни разу не была подтверждена независимыми исследованиями. Тем, кому случалось наблюдать использование этих методов допроса, не разрешалось подавать письменные жалобы на происходящее; таким образом, авторам методики удалось избежать практически любой ответственности. Обращение с заключенными базировалось на презумпции виновности с мо-

мента ареста. В любых правах, предусмотренных Женевской Конвенцией и другими соглашениями в отношении пыток и содержания военнопленных, им было отказано.

Несмотря на то, что пытки как явление были определены и запрещены несколькими национальными и международными соглашениями, нарушения данных запретов случаются до сих пор: в особенности в делах, включающих в себя допросы заключенных, где использование пыток оправдывается как наиболее действенный способ получить информацию, необходимую для общественного блага и безопасности.

Несмотря на то, что события 11 сентября 2001 года поистине трагичны и навсегда изменили мир, в котором мы живем, они не оправдывают всех действий, вызванных паникой после террористических атак.

Когда информация об обращении с заключенными была случайно обнародована и привлекла значительное общественное внимание, постоянный специальный комитет сената США по разведке занялся созданием общей сводки по пыткам, используемым ЦРУ в целях допроса, и принципам, на которых эти «техники допроса» были основаны. Сенатор Диана Файнштейн из Калифорнии возглавила расследование, а Даниэль Джонс провел научную работу, итогом которых стал заверченный в 2014 году отчет объемом почти в 7000 страниц. Результаты расследования показали, что после событий 11 сентября 2001 года интенсивным методам допроса были подвергнуты 119 заключенных. По крайней мере, четверть из них была задержана в отсутствие надлежащих оснований. Разумеется, в их случае программа расширенных методов допроса не привела к получению никакой уникальной информации. В сводку включено несколько примеров использования экстремальной пытки, не приведшего к ожидаемым результатам; к примеру, заключенный, подозреваемый в связи с Халидом Шейхом Мохаммедом, был 183 раза подвергнут симуляции утопления, но никакой уникальной информации так и не выдал. Другим примером является случай с заключенным Гулем Рахманом, погибшим в результате использования расширенных методов допроса, в то время как производивший допрос

сотрудник был премирован и повышен в должности. В результате стало понятно, что программа расширенных методов допроса не только нарушает законы США и права человека, но и является при этом неэффективной. Психологи, ответственные за создание программы, не смогли представить ни опыт, ни научно-обоснованные знания, которые могли бы подтвердить действенность их методик; тем не менее, в результате они получили гонорар в размере 80 миллионов долларов.

Результатом пыток в Гуантанамо стали выводы о том, что интенсивные методы допроса эффективны только для подавления заключенных, создания у них состояний стресса и зависимости; однако к получению какой-либо полезной для военных информации эти пытки в целом не привели. Многие жертвы интенсивных методов допроса были задержаны незаконно, не имели отношения к террористической активности и, следовательно, не могли представить никакой важной информации властям.

Хотя на сегодняшний день Американская Ассоциация Психологов четко выразила мнение, что участие психологов в допросах по делам национальной безопасности недопустимо, это не означает прекращения дальнейшего изучения этических обязательств психологов. Если профессиональные медицинские работники, например врачи и психиатры, обязаны приносить клятву не вредить пациентам и не допускать несправедливости, то и психологи должны соответствовать такому же, если не еще более высокому, стандарту. Важно также соблюдать и прямо, и по аналогии Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Приняты резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1982 года).

Адвокатам и психологам нужно знать, что на сессии ООН в 2014 году был распространён документ о важности психологических доказательств и психологической экспертизы признаков пытки. (United Nations A/69/387 General Assembly Distr.: General 23 September 2014 Original: English 14-61535 (E) 091014

1461535 Sixty-ninth session Agenda item 68 (a) Promotion and protection of human rights: implementation of human rights instruments).

К сожалению, МИД РФ не выполняет своих конституционных обязанностей по отношению к гражданскому обществу, на что справедливо обратили внимание в своей статье в «Адвокатской газете» Светлана Володина и Дмитрий Кравченко:

И здесь возникает вопрос о роли МИДа России в нормотворческом процессе ООН. Формально за работу своих русскоязычных переводчиков отвечает сама Организация Объединенных Наций, но почему равнодушно смотрят на этот смысловой разноречивой многочисленная российская миссия при ООН и, наконец, сам МИД? Мало того, что официальный русский играет второстепенную роль при переводе с английского, так еще при участии в разработке и обсуждении проектов документов российские представители высокого уровня не придают этому значения, перекладывая всю ответственность на рядовых переводчиков, не до конца выполняя свои государственные обязанности. Но МИД имеет конституционные обязанности и перед гражданским обществом страны, заинтересованным в надлежащей борьбе против нефизических пыток. А для этого первостепенным является правильное применение и толкование ооновских документов о правах человека. Особенно в этом заинтересована адвокатура, на плечи которой возложена конституционная обязанность защиты граждан.

Мы свою часть пути прошли, идентифицировав проблему в нескольких публикациях, осуществив по инициативе Федеральной палаты адвокатов РФ и Адвокатской палаты г. Москвы при поддержке адвокатской конторы «Аснис и партнеры» правильный выверенный перевод проекта упомянутого Доклада ООН о психологических пытках... Осознавая свой долг института гражданского общества, мы отправим свои разработки и правильный перевод проекта Доклада ООН о психологических пытках как в эту организацию, так и в другие международные общественные организации юристов и правозащитников. Отправим и в МИД в надежде, что его огромное красивое здание используется не только для видеосъемок

*сверху автоаварий на Смоленском бульваре (как аварии артиста Ефремова) и других радиолокационных нужд, но и по своему прямому назначению*³⁵.

В России планируется создание в соответствии с международными стандартами «Национального превентивного механизма» против пыток³⁶. Адвокатуре и психологическому сообществу следует принять в его формировании активное участие. Следует продумать и объявить уже в текущем году совместно с другими институтами гражданского общества программу «Россия без пыток», которая потребует в том числе постановки и решения поднятых вопросов этики психологов. В заключение хотелось бы подчеркнуть важность представленной выше формулы конституционализма для профессиональных медицинских работников и, в первую очередь, психологов, которые должны быть задействованы в функционировании «Национального превентивного механизма». Конституционная норма, установившая, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, должна восприниматься не как декларация, а как общеобязательное руководство к действию. В первую очередь, это относится к людям, от деятельности, навыков и экспертного мнения которых зависят благополучие, здоровье, а зачастую и жизнь других людей. Приоритет прав и свобод человека неотделим от уважения и соблюдения человеческого достоинства. Строгое следование положениям ст. 21 Конституции России, осознание абсолютности запрета умаления достоинства личности должны стать одной из важнейших составляющих этики психологов. Кроме того, нужно решительно начать правоприме-

³⁵ Светлана Володина, Дмитрий Кравченко, Исправить ошибку переводчиков. О неправильно переведенном термине и роли МИДа России в нормотворческом процессе ООН, Адвокатская газета, № 17, 2020 (эл. выпуск).

³⁶ Политика в области предупреждения незаконного насилия: российский и международный опыт. Материалы круглого стола, 25 февраля 2020 года, Санкт-Петербург / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2020.

нение нового положения Основного Закона, где в статье 114 прямо указано на обязанность государства содействовать деятельности институтов гражданского общества, в том числе, конечно, и адвокатуры и общественным организациям психологов в их борьбе против пыток.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Петр Баренбойм

Первый вице-президент Международного
Союза (Содружества) адвокатов,
кандидат юридических наук

Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология

Для взаимопроникновения политологии, психологии и права необходимы, в первую очередь, общий язык и общее определенное пространство. Таким общим пространством является конституционализм – понятие, недостаточно развитое в сегодняшней России, что ярко и недвусмысленно показал процесс внесения, обсуждения и принятия поправок 2020 к Конституции.

Кратко понятие «конституционализм» можно сформулировать следующим образом: жизнь в Конституции, Конституция в жизни, жизнь с Конституцией. Конституция, равно как и конституционализм, существуют для всех, и здесь юристы равны со всеми остальными. Тот, кто понимает и даже применяет вышеуказанную формулу конституционализма, тот конституционалистом и является. Напрасно считают себя конституционалистами люди, преподающие конституционное право либо пишущие на конституционно-правовые темы, если они не понимают вышеуказанную формулу конституционализма. И, наоборот, те, кто ее понимают и применяют, являются конституционалистами и без высшего юридического образования. Политическая наука совместно с социальной и юридической психологией в сфере конституционализма могли бы стать посредниками между конституционным правом и эко-

номикой, социологией, здравоохранением, экологией, образованием и т.д., то есть играть практически ключевую роль в вопросах применения Конституции в сфере обеспечения прав граждан.

Вопросы теоретического и практического статуса институтов гражданского общества не разработаны в России, хотя они являются ключевыми для вопросов применения конституционных и международных норм о правах личности. Нам кажется, что уверенно можно говорить о двойном статусе таких государственных учреждений как СМИ, библиотеки, НИИ, особенно РАН, университеты, их отдельные факультеты и кафедры, даже школы, где принятый 22 июля 2020 года Госдумой Закон о воспитании предусматривает участие советов обучающихся и советов родителей наряду с педсоветами в обсуждении вопросов, какие идеалы и традиции должны быть составляющими воспитательного процесса. (Хорошо бы включить в эти идеалы отвращение к любым формам пыток, завещанное еще Екатериной Великой.)

Перечисленные госучреждения и их структурные подразделения состоят из отдельных граждан, у которых предполагается общественная активность, и это не отделено стенами зданий учреждений от остальной жизни. Гражданственность – круглосуточное понятие и нечто большее, чем хобби для свободного времени, она постоянна и может сопутствовать выполнению государственных обязанностей в госучреждении.

Выдающийся российский адвокат и мой друг Генри Резник как всегда эффектно выступил на последнем заседании Совета по правам человека при президенте РФ по вопросу о необходимости приобщения полученных адвокатами заключений специалистов к материалам следственных и судебных дел, что означает обязательность их рассмотрения при вынесении решений как по уголовным, так и другим категориям дел. Оно оказалось ещё и эффективным, поскольку тут же на заседании было авторитетно поддержано самим президентом. Поэтому можно ожидать в ближайшее уже время увеличение числа обращений адвокатов с запросами на получение заключений и письменных консультаций к специалистам-психологам.

С советских времен привычно использовать в юридической науке слова «машина» и «механизм». Применительно к нашей теме это подчеркнуто буквально переведенным словом «механизм» в новом понятии «Национальный превентивный механизм» против пыток. О технологиях же все говорят непрерывно по любому поводу.

Год 2020-й стал из-за вируса временем массового перехода на дистанционную работу. Хотя прошло всего несколько месяцев, можно утверждать, что старое время офисных встреч никогда полностью не восстановится и дистанционное деловое электронное общение будет увеличиваться, независимо от вирусов и карантин. Оно экономит время и офисные расходы, удобно для многих сотрудников и руководителей, снижает нагрузку на транспортные издержки, более четко и проверяемо фиксирует сказанное, проще говоря, из отдаленного будущего решительно шагнуло в реальное настоящее. Не все заметили, что электронное общение также резко приближает время массовой замены в некоторых сферах людей на умных роботов.

В России с ее всё более очевидной технологической отсталостью (только 25% школ и школьников обеспечены реально работающим интернетом, не лучше ситуация в вузах, и непонятно, как вообще учились с марта по июнь 2020) все процессы, связанные с новыми технологиями, идут и будут в ближайшее время идти с некоторым отставанием, особенно за пределами больших городов, но процесс всё равно запущен. О нем еще немного можно подумать, оставляя газете «Коммерсант» с увлечением обсуждать с представителями бизнеса построение фундамента цифровой экономики на базе «цифровых песочниц» (конференция «Станут ли «цифровые песочницы» фундаментом для цифровой трансформации России?» 11 августа 2020 г.), что само по себе уже звучит оптимистично, означая, что, как говорили в КВН, старшее поколение уже насыпало и молодым есть где и с чем играть. Главное навсегда ментально не остаться на уровне «песочницы».

Знаменитый научный футуролог профессор Фукуяма, захвативший осенью 2017 года в Россию, предсказал в интервью

газете «РБК» в ближайшие десятилетия ликвидацию 50% всех профессий, а юристов назвал (при бойком переводе с английского) «первыми на вылет». Поэтому нужно спокойно и уже даже не заранее посмотреть, какие виды работы юристов могут быть роботизированы прямо сейчас, какие последствия этого процесса очевидны, а также, что становится важнейшей и срочной задачей для адвокатов в данных условиях.

Возможно, большинство моих коллег адвокатов только снисходительно улыбнутся в ответ на прогноз футуролога. Ну как же можно заменить магию, почти мистику адвокатской работы, основанной на опыте, психологии, интуиции, знании, создании и предвидении нестандартных ситуаций, в сфере уголовной защиты особенно. Почти согласен, но все же предлагаю обсудить внимательно и серьезно. Тем более что как раз психологии в адвокатской работе явно не хватает, чему собственно и посвящена эта небольшая и очень своевременная книжка.

То есть следует подчеркнуть, что долг адвоката, долг адвокатуры существует не только перед клиентами, но и перед самими собой, и здесь затрагиваются базовые интересы профессии, по крайней мере на текущее и следующее поколение. Затрагивает это интересы и судебных психологов, которых следует расширительно воспринимать как всех психологов, которые хотя бы раз соприкасаются с участием в деятельности правовой системы, а также ученых, продвигающих вперед позиции и подходы психологической науки в соответствии с движением и запросами времени. А психология по своей гуманистической сути и целям своего развития совпадает с интересами человека и адвоката, который этого человека представляет и защищает³⁷.

Само время в 2020 году четко обозначило, что оно направлено в будущее и поэтому на глазах у нынешнего поколения стремительно превращает многие устоявшиеся истины в ностальгические воспоминания. В этой книжке много

³⁷ Анна Ковалец, Психология на стороне защиты, Адвокатская газета, № 15. 2020/

цитат, что объясняется ее спецификой как, может быть, по-настоящему первой совместной работы адвокатов и психологов, предназначенной, в первую очередь, для адвокатского и психологического сообщества. Она может стать началом выхода адвокатов за пределы «бытовой психологии», о которой упоминает С.В. Полубинская, и вступления психологов в запутанные дебри современного права, где совместно нужно прорубить широкие дороги для лучшей видимости и движения в уже совсем близкое будущее. Прочитую и я из статьи одного из растущих лидеров современной адвокатуры Дмитрия Кравченко в № 14 (2020 г.) «Адвокатской газеты»:

Начавшаяся в XX веке эпоха деления на «физиков» и «лириков», в том числе в политике и правотворчестве, завершилась избранием непрофессионального политика, бизнесмена-технократа Трампа президентом США. Этот зарубежный «тренд» будет распространяться по всему миру и когда-нибудь превратится в российскую «тенденцию», несмотря на современный высокий уровень профессиональных политиков в исполнительной власти и представительство выдающихся спортсменов, олимпийскими успехами которых мы гордимся, во власти законодательной. В США, может быть, относительно скоро к президентской позиции продвинется символ современного делового технократизма Илон Маск, а у нас в политике появятся больше тех, кто, как и он, считают, что юристы вообще не ясно что и особенно как делают, и, возможно, их стоит заменить умными машинами. В одном из недавних интервью Маск отметил, что сегодня слишком уж много талантливых людей идет в сферы финансов и юриспруденции. По его мнению, обществу нужно меньше людей, которые занимаются финансами и законами, и больше людей, которые создают что-то конкретное.

Для повышения качества адвокатской деятельности нам следовало бы всерьез подумать, как «пропитать» нашу деятельность научной обоснованностью и добавить к гуманитарно-правовой составляющей технические знания и современные технологии. В частности, мало используются на практике многочисленные разработки в области психо-

логии и неврологии, экономики, математики и др. А главное – надо понять, как правильно сочетать гуманитарно-правовое и технико-научное в правоприменении, и какая роль должна остаться за людьми, а какая может быть передана искусственному интеллекту. ...В этой конструкции есть два ключевых слабых места, которые нужно иметь в виду. Первое – это фальсификация научной методологии. В современном мире теорий очень легко согласиться на сомнительные с точки зрения научной доказанности версии и методы. И в области права их много – от использования результатов исследования на полиграфе как доказательства до разработок творческих психологов, предлагающих оценивать «правдивость» показаний по видеозаписи допроса на основании того, сколько раз допрашиваемый почесал за ухом. Ответ на этот вызов, наверное, более или менее очевиден – мы должны пользоваться для законодательного процесса только теми научными методами, которые признаны большинством представителей отраслевой науки. А также устанавливать общественный контроль. И до законодателя в обязательном порядке должна доводиться информация о вероятности и точности метода.

В традиционно «юридической» стране мира США с ее почти полумиллионом адвокатов и бесчисленным количеством юристов за последние три года подача заявлений в юридические вузы снизилась на 40%. Почти наполовину! Правда, после этого стабилизировалась, но неизвестно, как надолго и как это повлияло на качество абитуриентов. Процессы роботизации адвокатских фирм уже начались, постепенно вытесняя помощников и младших адвокатов, занятых подбором законодательства и прецедентов для текущего судебного дела или корпоративного проекта.

Новые компьютерные технологии уже привели к сокращению рабочих часов (которыми в Америке оценивается оплата адвоката) на 13%, а ближайшее внедрение уже почти разработанных программ приведет к сокращению затрат рабочего времени, по разным оценкам, от 20 до 60%. Корпоративные клиенты предпочитают сами использовать подобные

программы, чтобы при обращении за адвокатским советом получить только квалифицированную консультацию без оплаты всегда высокочасовых часов поиска необходимого нормативного материала в адвокатских фирмах.

Для тех наших адвокатов, которые без всякого «американского счета» на часы сидят в юридических консультациях (само название скоро может исчезнуть), чтобы не спеша разъяснить, как развестись при согласии, отсутствии совместных детей и споров об имуществе, сообщая, что их работа может быть роботизирована уже сейчас. Так же как и подготовка стандартных типовых документов. Также может быть, и скоро будет, роботизирована работа тех, кому задан вопрос о применении разных норм из разных отраслей российского, а если надо, и зарубежного законодательства. И ответ будет получен в считанные секунды, а не дни и недели, которые занимает сейчас у адвоката ответ на сложные нормативные вопросы.

Стефан Цвейг как-то назвал адвоката «опасным тигром в джунглях бумажных параграфов». Неясность терминологии, противоречия и пробелы законодательства, делающие адвокатов «опасными тиграми», а бумажные параграфы – «джунглями», уйдут в небытие достаточно быстро. Роботизация работы юристов-консультантов и консультационных адвокатов приведет к неизбежной систематизации терминов и понятий дремучего леса российского законодательства (их джунгли тут отдыхают), прорубит дорожки, поставит скамейки и превратит в благоустроенный парк. Исчезнут те 8–10 синонимов, которые в разных действующих сейчас российских нормативных актах обозначают одно и то же правовое понятие. Не то чтобы роботы заменили законодателей (хотя...), но они с беспощадной методичностью и объективностью выявят все лингвистические и смысловые несуразности законов и нормативных актов, что неизбежно приведет к их соответствующему уточнению. Не скроем, что значительную часть работы самых квалифицированных адвокатов занимает сейчас именно «привязка» своей правовой позиции к использованию лингвистических и смысловых неясностей законов и судебных решений.

Роботы-юристы уже существуют, совершенствуются, становятся более и более дешевыми. Три года назад президент Сбербанка Герман Греф заявил о готовящейся замене роботами 3000 юрисконсультов банка. Так что, коллеги, скоро вопрос пойдет о выживании членов адвокатской корпорации, которые и сейчас жалуются на нехватку работы.

Каковы для нас непосредственные последствия начавшегося общемирового тренда? Надеюсь, в данном случае никого из нас не огорчает наше некоторое отставание, например, от США, которые мы с советских времен стараемся во всем догонять и перегонять. Но и задержка длительной не будет. Посмотрите, как быстро распространились интернет, смартфоны и компьютерные технологии. На недавней конференции французских адвокатов в Марселе наши коллеги видели успешную демонстрацию робота-адвоката, а все выступавшие технологические эксперты предрекали скорый конец адвокатской профессии.

Мы должны быть готовы к тому, что общество и власти охотно поддержат роботизацию юридической деятельности в расчете на удешевление и ускорение получения юридической консультационной помощи. Конечно, речь идет для России о каких-то будущих (хоть и не отдаленных) временах, но снижение престижа нашей профессии быстро отзовется оттоком наиболее способной и продвинутой молодежи, снижением интереса правительства и общества.

Попробуем на конкретном примере, гипотетически сравнить робота и человека по своевременности определения точного воздействия на подзащитного. Авторы этой книги уже привели пример психологической пытки, которой подвергли по делу об экономическом преступлении проведенного в Лефортово 18 месяцев бизнесмена, члена-корреспондента РАН. Ему надели две пары наручников и предложили осуществлять свои права по ст. 217 УПК РФ, т.е. «без ограничения» знакомиться с сотнями томов уголовного дела, делать выписки и т.д. Характерно, что из пяти (!) присутствующих адвокатов никто о ситуации психологической пытки не заявил, и этот вопрос

был поднят только при вступлении в дело нового адвоката. Впоследствии дело было возвращено из суда Генпрокурору РФ и «заглохло» при доследовании. Остановимся на этой ситуации подробнее. Почему опытные адвокаты пропустили эту «пыточную ситуацию»? Дело в том, что правила конвоирования не зависят от следователя, а определяются правилами сопровождения задержанных, действовавшими в то время. Формально, Конвенция ООН 1984 года не считает пыткой или унижающим достоинство те неудобства и страдания, которые связаны с условиями нахождения человека в тюремной изоляции. Но с нормальными цивилизованными условиями! В России, как неоднократно отмечалось на национальном и международном уровне, такие условия далеки от нормального уровня. Этим можно объяснить, что адвокаты, отлично понимая униженное положение своего подзащитного, ничего по делу в тот момент не заявили. Хотя, несмотря на длительность такого обжалования, обращение по судебным инстанциям с жалобами на негуманность и неконституционность действовавших тогда правил конвоирования на уровне Конституционного суда РФ или ЕСПЧ вполне могло бы достичь своей цели и пусть несколько отдалённо могло иметь и практическое значение для защиты. Наши коллеги пропустили это как и момент начала психологической пытки со стороны следователя, который предложил человеку со «связанными» руками осуществлять свои права по ознакомлению с материалами стотомного экономического дела, то есть читать, перечитывать, делать записи и т.д. Давший по этой ситуации заключение специалиста профессор Московского университета А.Ш. Тхостов осторожно установил признаки попытки психологической пытки и точно состоявшееся бесчеловечное, жестокое и унижающее обвиняемого поведение следователя. С текстом этого заключения можно ознакомиться в приложении уже цитировавшейся книги «Психологическая пытка в России и за рубежом». Скажем прямо, что ни один робот не пропустил бы такую ситуацию, за 10 секунд проанализировав правила конвоирования, законы, Конвенцию ООН и опубликованные прецеденты нарушений, связанных с подобной ситуацией и тут же из себя самого распечатав заявление

о нарушениях следователя, жалобу руководству Следственного Комитета и жалобу в суд. Другое дело, что эти прецеденты должны поначалу создаваться человеком и заводиться в программы робота. Пока он не станет самопрограммированным. Коллеги, есть о чём задуматься!

Нам может казаться очевидным, что интеллектуальное таинство, особое знание, основанное на человеческом факторе анализа и представления доказательств, взвешивания на весах правосудия нюансов, оттенков, эмоциональные факторы, психология – все, чем пропитана и пронизана истинно адвокатская деятельность, не могут быть роботизированы. Но это уже нужно доказывать всем за пределами нашей профессии. (В конце концов, машина отлично заменила и превзошла людей в самой интеллектуальной человеческой игре – шахматах, что недавно казалось невозможным.) И это направление уже сейчас должно стать стратегическим для адвокатуры.

Шапкозакидательством здесь не обойтись, тем более что кризис может подступить в разгаре лета, когда шапок и не будет под рукой. Здесь психология является основой различия адвоката и любого умного робота. Только психология стоит между адвокатом и роботом, и доказывать это нужно уже сейчас, пропитывая адвокатскую деятельность знанием и применением достижений современной психологической науки и практики.

Пока описываемое «светлое» будущее не наступило, обратим ещё раз внимание на своевременность сегодняшней постановки авторами книги вопроса, что неправильный официальный русский текст Конвенции ООН 1984 года по сути препятствует должной правовой оценке фактов совершения психических пыток в России и других пост-советских государствах. Это видно и из свежего сообщения МАЙЛ.РУ от 8 сентября 2020: «Ранее Белоруссию покинули соперница Александра Лукашенко на президентских выборах Светлана Тихановская и ее соратница Ольга Ковалькова. Ковалькова, в частности, рассказывала когда она отбывала административный арест в СИЗО, что к ней приехали «представители власти». Они сказали, что если Ковалькова не уедет, то «не выйдет очень долго».

«Они приехали в изолятор, посадили в свою машину, надели капюшон, дали маску, положили на заднее сиденье и вывезли. Я не знала, куда мы едем», — рассказала Ковалькова». Самое время поддержать предложение авторов этой книги, и Александра Асниса и Светланы Володиной о необходимости начала программы «Россия без пыток». Завершить её придётся не скоро, но только идущий может осилить дорогу. В путь, дорогие адвокаты и психологи! Потому что психические пытки унижают не только их жертв, но и каждого из нас.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ ООН A/HRC/43/49

Доклад ООН о психологической пытке

Предварительная версия для печати

Original: English

*Перевод Адвокатской
палаты г. Москвы*

Совет по правам человека ООН

Сорок третья сессия

24 февраля - 20 марта 2020 года

Пункт 3 повестки дня

**Поддержка и защита всех прав человека –
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных, включая право
на развитие**

ПЫТКИ И ДРУГИЕ ЖЕСТОКИЕ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ ИЛИ УНИЖАЮЩИЕ ДОСТОИНСТВО ВИДЫ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Доклад Специального докладчика

Резюме

В настоящем Докладе Специальный докладчик о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания рассматривает концептуальные вопросы дефиниций и толкований, возникающие в связи с концепцией «психологической пытки» в международных нормах о правах человека.

Содержание

- I. Введение
- II. Деятельность по реализации полномочий
- III. Психологическая пытка
 - A. История вопроса
 - B. Концепция психологической пытки
 - C. Определение составляющих элементов
 - D. Основные методы психологической пытки
 - E. Киберпытка
- IV. Выводы и рекомендации

I. Введение

1. Настоящий доклад подготовлен в соответствии с резолюцией 34/19 Совета по правам человека.

II. Деятельность по реализации полномочий

2. В 2019 году, Специальный докладчик передал 114 сообщений, совместно с другими уполномоченными лицами или в индивидуальном порядке, от имени лиц, подвергшихся пыткам и другим видам жестокого обращения.

3. Со времени представления своего предыдущего доклада Совету по правам человека в марте 2019 года, Специальный докладчик участвовал в различных консультациях, рабочих совещаниях и мероприятиях по вопросам, относящимся к его мандату, наиболее значительные из которых перечислены ниже.

4. 6, 9 и 10 мая 2019 года, Специальный докладчик и его медицинская группа провели встречу с Джулианом Ассанжем, содержащимся под стражей в лондонской тюрьме Белмарш, а также с полномочными британскими властями, с тем чтобы произвести оценку нынешнего состояния здоровья г-на Джулиана Ассанжа и условий его содержания под стражей, а также предполагаемый

риск быть подвергнутым пыткам или жестокому обращению в связи с его возможной экстрадицией в Соединенные Штаты Америки.

5. 5 июня, Специальный докладчик принял участие в конференции на тему «Эффективность многостороннего подхода в борьбе против пыток: текущие тенденции в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и перспективы на будущее», организованной в Вене Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека.

6. В период с 12 по 15 июня, Специальный докладчик совершил поездку на Коморские Острова (A/HRC/43/49/Add.1).

7. 26 июня, в рамках Международного дня в поддержку жертв пыток, Специальный докладчик выступил одним из организаторов параллельного мероприятия, в ходе 41-ой сессии Совета по правам человека, по теме «Линии разграничения между допросом без давления (non-coercive) и психологической пыткой».

8. 15 октября, Специальный докладчик представил Генеральной Ассамблее свой тематический доклад (A/74/148) о важности запрещения пыток и жестокого обращения в контексте насилия в семье.

9. 18 октября, Специальный докладчик принял участие в конференции высокого уровня по борьбе с жестоким обращением со стороны полиции, которая состоялась в Бечичи, Черногория и была организована Советом Европы.

10. В период с 17 по 24 ноября, Специальный докладчик посетил Мальдивские Острова. После визита, Специальный докладчик представил обширные предварительные заметки по итогам визита, чтобы затем представить свой отчет Совету по правам человека в марте 2021 года.

III. Психологическая пытка

A. История вопроса

11. Всеобщее запрещение пыток признано абсолютным, не допускающим отступлений и императивным, подтверждено во многих международных документах по правам человека, гуманитарному и уголовному праву. С момента первого провозглашения этого запрета в статье 5 *Всеобщей декларации прав человека*, международное сообщество создало впечатляющую

нормативную и институциональную систему для его применения (A/73/207, пп. 5–18). Тем не менее, в то же время многими государствами выделены значительные ресурсы на разработку методов пыток, которые могут преследовать цели принуждения, запугивания, наказания, унижения или дискриминации, без причинения сразу определяемого физического вреда или иных следов воздействия (A/73/207, пп. 45).¹

12. В продолжение экспериментов, которые проводились нацистским режимом на заключенных концлагерей во время Второй мировой войны,² в эпоху холодной войны начали проводиться засекреченные крупномасштабные и долгосрочные проекты, предусматривающие систематические эксперименты по «контролю над разумом» с участием тысяч заключенных, пациентов психиатрических лечебниц, а также добровольцев, которые ничего не знали ни об истинном характере и цели этих испытаний, ни о создаваемых ими серьезных рисках для здоровья их участников.³ Эти эксперименты привели к принятию и распространению на международном уровне методологий ведения допроса, которые – несмотря на такие эвфемистические описания допроса как «расширенный», «глубокий», «нестандартный» или «специальный», а также использование таких терминов, как «умеренное физическое давление», «методы регулирования», «эксплуатация людских ресурсов», и даже «чистые» или «белые» пытки – были явно несовместимы ни с медицинской этикой, ни с запрещением пыток и иных жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.⁴

¹ *Linda Piwowarczyk, Alejandro Moreno и Michael Grodin, "Health care of torture survivors", Journal of the American Medical Association (JAMA), vol. 284, No. 5 (2 August 2000).*

² *Jonathan D. Moreno, "Acid brothers: Henry Beecher, Timothy Leary, and the psychedelic of the century", Perspectives in Biology и Medicine, vol. 59, No. 1 (Winter 2016), pp. 108–109.*

³ *Особенно, "Project MKUltra, the CIA's Programme of Research in Behavioural Modification" (1953–1973).*

⁴ *United States of America, Central Intelligence Agency, KUBARK Counterintelligence Interrogation (1963), sect. IX; United States, Central Intelligence Agency; Human Resource Exploitation Training Manual (1983); United Kingdom of Great Britain и Northern Ireland, "Deep interrogation (five techniques)", litigated at the European Court of Human Rights, Ireland v. the United Kingdom, Application*

В то время, как некоторые из этих методов предусматривали значительное физическое насилие, другие носили специфически психологический характер. В недавнем прошлом некоторые из этих подходов вновь стали занимать более заметное место в связи с пытками в ходе допросов в условиях борьбы с терроризмом,⁵ задержания «незаконных мигрантов» на основе принципа «сдерживания» (см. A/HRC/37/50), предполагаемого массового интернирования с целью политического «перевоспитания»,⁶ и жестокого обращения с отдельными узниками совести.⁷ Новые и новейшие технологии также приводят к использованию беспрецедентных средств и условий не-физического воздействия, которые должны надлежащим образом учитываться в современном толковании запрещения пыток.

13. Уполномоченные лица давно признали «психологическую» или «психическую» (mental) пытку как аналитическую концепцию, отличную от физической пытки (см. E/CN.4/1986/15), рассмотрев конкретные методы или контексты психологической пытки⁸ и указав на конкретные проблемы, возникающие в связи с расследованием и возмещением ущерба, причиненного в ре-

No. 5310/71, Judgment, 18 January 1978; President of France, Emmanuel Macron, statement on the death of Maurice Audin, 13 September 2018, recognizing that successive French Governments had operated a system of political torture and disappearances in Algeria; *Lawrence E. Hinkle, Jr. u Harold G. Wolff*, "Communist interrogation and indoctrination of 'enemies of the state': analysis of methods used by the communist state police – a special report", American Medical Association Archives of Neurology и Psychiatry, vol. 76, No. 2 (August 1956); и *Scott Shane*, "U.S. interrogators were taught Chinese coercion techniques", New York Times, 2 July 2008.

⁵ United States, Senate Select Committee on Intelligence, Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention и Interrogation Program (2014).

⁶ CAT/C/CHN/CO/5, п. 42; as well as two communications co-signed by the Special Rapporteur, communications Nos. OL/CHN18/2019, 1 November 2019, и OL/CHN15/2018, 24 August 2018. См. также "China cables", available at www.icij.org/investigations/china-cables/read-the-china-cables-documents/.

⁷ См., в первую очередь, the communications sent by the Special Rapporteur and his predecessor in the cases of Bradley/Chelsea Manning, communications Nos. UA G/SO 214 (53-24) USA 8/2011, 15 June 2011; и No. AL USA 22/2019, 1 November 2019; и Julian Assange, communications No. UA/GBR/3/2019, 27 May 2019; и No. UA GBR 6/2019, 29 October 2019).

⁸ См., например, A/74/148, пп. 32–34; A/59/324, п. 17; и E/CN.4/2006/120, п. 52.

зультате такого рода злоупотреблений (A/HRC/13/39/Add.5, п. 55), а также указав на неразрывную связь между психологическими пытками и допросом с применением давления (A/71/298, пп. 37–45). Они также посвятили целый тематический доклад практике одиночного заключения (A/66/268), выступили за разработку руководящих принципов проведения допроса без давления (см. A/71/298), поддержали недавнее обновление *Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания* (Стамбульский протокол) и повысили осведомленность о проблемах, связанных с психологическими пытками, в многочисленных индивидуальных сообщениях. 26 июня 2019 года по случаю Международного дня в поддержку жертв пыток Специальный докладчик начал проведение тематических консультаций по этой теме на параллельном мероприятии в рамках сорок первой сессии Совета по правам человека, включая дискуссионный форум экспертов по теме «Линии разграничения между допросом без давления и психологической пыткой» и показ документального фильма «Знаменитые чудовища», посвященного истокам и разрушительным последствиям современных психологических пыток.⁹

14. Хотя эти инициативы в целом были положительно восприняты государствами, национальная практика по-прежнему имеет тенденцию отрицать, игнорировать, неправильно истолковывать психологическую пытку или преуменьшать её значение, рассматривая эвфемистически как «лёгкую пытку», в то время как «реальная пытка» все еще понимается большей частью, как требующая причинения физической боли или страданий (так называемый «уклон в сторону материализма»).¹⁰ Некоторые государства даже приняли национальные определения пыток, исключаящие психическую боль или страдания, или их толкования, в пользу определений, что пытки, как и психическая (mental) боль или страдания должны быть вызваны либо угрозой причинения либо реальным причинением физической боли или стра-

⁹ См. www.hopscotchfilms.co.uk/news/2019/7/26/eminant-monsters-to-be-screened-at-a-united-nations-side-event.

¹⁰ *David Luban u Henry Shue*, "Mental torture: a critique of erasures in U.S. law", *Georgetown Law Journal*, vol. 100, No. 3 (March 2012).

даний, угрозами неминуемой смерти или глубоким повреждением психики. Как Комитет против пыток, так и уполномоченные лица отвергли такие подходы, как противоречащие Конвенции против пыток.¹¹ Однако, помимо этого, использование термина «психологическая пытка» в юриспруденции и правозащитной деятельности по-прежнему носит фрагментарный характер, и как юристы, так и медицинские эксперты давно призывают к его разъяснению.¹²

15. В свете этих соображений, в настоящем докладе Специальный докладчик:

(а) рассматривает наиболее часто встречающиеся концептуальные расхождения, возникающие в связи с понятием «психологическая пытка»;

(b) Предлагает рабочие определения «психологической» и «физической» пытки с точки зрения международного права в области прав человека;

(c) Предлагает рекомендации толкования составных элементов пытки в контексте психологической пытки;

(d) Предлагает неисчерпывающую, основанную на имеющихся потребностях аналитическую основу, способствующую выявлению конкретных методов, приемов или обстоятельств, составляющих или способствующих психологической пытке;

(e) Иллюстрирует, как различные сочетания методов, приемов и обстоятельств, каждое из которых в отдельности могут быть не равносильны пыткам, если их рассматривать изолированно и вне контекста, могут образовывать «пыточную ситуацию», нарушающую запрет на применение пытки;

¹¹ A/HRC/13/39/Add.5, п. 74; CAT/C/USA/CO/3-5, п. 9; CAT/C/GAB/CO/1, п. 7; CAT/C/RWA/CO/1, п. 7; CAT/C/CHN/CO/4, п. 33; и CAT/C/CHN/CO/5, п. 7.

¹² См., например, *Pau Pérez-Sales*, *Psychological Torture: Definition, Evaluation and Measurement* (London, Routledge, 2017); *Hernán Reyes*, "The worst scars are in the mind: psychological torture", *International Review of the Red Cross*, vol. 89, No. 867 (September 2007); *Ergun Cakal*, "Debility, dependency and dread: on the conceptual and evidentiary dimensions of psychological torture", *Torture*, vol. 28, No. 2 (2018); *Almerindo E. Ojeda*, ed., *The Trauma of Psychological Torture* (West Port, Connecticut, Praeger Publishers, 2008); *Nora Sveaass*, "Destroying minds: psychological pain and the crime of torture", *City University of New York Law Review*, vol. 11, No. 2 (Summer 2008), p. 303; и *Metin Başoğlu*, ed., *Torture and its Definition in International Law: An Interdisciplinary Approach* (New York, Oxford University Press, 2017), pp. 397 и 492.

(f) Призывает толковать запрещение пыток в соответствии с современными возможностями и проблемами, возникающими в связи с появлением новых технологий, и изучает, в предварительном порядке, понимание и основные характеристики того, что может быть охарактеризовано как «киберпытка».

16. Специальный докладчик провел широкие исследования и консультации, в том числе путем открытого призыва к представлению материалов на основе вопросника.¹³ В настоящем докладе отражены вытекающие из этого выводы и рекомендации Специального докладчика. Учитывая предметный охват и сложность темы, а также применимые ограничения по времени и количеству слов, он рассматривает только понятие психологической «пытки». Поскольку на практике «пытка» и «другие жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство виды обращения и наказания» зачастую оказываются тесно взаимосвязанными, необходимо провести дополнительные исследования для более широкого прояснения темы психологического жестокого обращения.

V. Концепция психологической пытки

1. Рабочее определение

17. Психологическая пытка не является техническим термином в международном праве, но используется в различных дисциплинах, включая правовую, медицинскую, психологическую, этическую, философскую, историческую и социологическую науки, для различных целей и в различной интерпретации. Специальный Докладчик признаёт, что все эти подходы имеют собственную обоснованность, жизнеспособность и целесообразность в этих уважаемых сферах знания. В соответствии со своими полномочиями он исследует концепцию «психологической пытки» с точки зрения международных норм о правах человека.

18. В соответствии со статьей 1 *Конвенции против пыток*, понятие «пытка» по существу включает в себя, прежде всего, преднамеренное и целенаправленное причинение сильной боли или страданий «как физических, так и психических» (mental). Именно

¹³ См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Torture/Call/QuestionnairePsychologicalTorture.docx.

эта явная параллельность «психической»(mental) и «физической» боли или страдания обычно считают правовой основой понятия психологической пытки. Соответственно, в законодательстве в области прав человека «психологическая» пытка чаще всего понимается как причинение «психической» (mental) боли или страданий, в то время как «физическая» пытка обычно ассоциируется с причинением «физической» боли или страданий.¹⁴

19. В соответствии с этой позицией, разделяемой предыдущими уполномоченными лицами (E / CN.4 / 1986/15, п. 118), Специальный докладчик считает, что в соответствии с нормами в области прав человека «психологическая пытка» включает все методы, техники и условия, которые предназначены или разработаны для преднамеренного причинения сильной психической (mental) боли или страдания без причинения или создания эффекта сильной физической боли или страдания. Специальный докладчик также считает, что «физическую пытку» следует толковать как включающую в себя все методы, техники и условия, предназначенные или разработанные для целенаправленного причинения сильной физической боли или страданий, независимо от параллельного причинения психической (mental) боли или страданий.

2. Отличие «методов» от «воздействия» и «обоснований»

20. Хотя предлагаемое различие между «физическими» и «психологическими» методами пыток представляется довольно простым и вытекает непосредственно из текста Конвенции, его последовательное и согласованное применение является предметом нескольких по возможности точных толкований (caveats), что связано с тем, что более широкое обсуждение психологической составляющей пытки можно разделить по меньшей мере на три параллельных и в равной степени важных направления, которые касаются психологических методов (т.е. техник), психологического воздействия (т.е. последствий) и психологического обоснования (т.е. цели) пытки.

21. Во-первых, различие между психологическими и физическими методами пыток не должно затушевывать тот факт, что с точки зрения права «пытка» является единым понятием.

¹⁴ *Luban u Shue, "Mental torture"*.

Все методы пыток подпадают под один и тот же запрет и порождают одни и те же юридические обязательства, независимо от того, носят ли причиняемая боль или страдания «физический» или «психический» (mental) характер, или же их сочетание. Таким образом, цель различия между «психологическими» и «физическими» методами пыток заключается не в том, чтобы предложить какое-либо различие с точки зрения правовых последствий или противоправности, а в том, чтобы уточнить, в какой степени общее запрещение пыток распространяется на методы, не причиняющие непосредственно сильной физической боли или страданий.

22. Во-вторых, обсуждение психологических методов (т.е. техник) пыток не должно сочетаться с обсуждением психологического воздействия (т.е. последствий) пыток. В действительности, как физические, так и психологические методы пыток оказывают как физическое, так и психологическое воздействие (E/CN.4/1996/15, п. 118). Таким образом, причинение физической боли или страданий почти всегда также приводит к психическим (mental) страданиям, включая тяжелую травму, беспокойство, депрессию и другие формы психического (mental) и эмоционального ущерба. Аналогичным образом, причинение психической (mental) боли или страданий также влияет на функции организма и, в зависимости от интенсивности и продолжительности, может привести к непоправимому физическому ущербу или даже смерти, в том числе в результате нервного срыва или сердечно-сосудистой недостаточности. С точки зрения тяжести, психологические и физические стрессовые факторы, как было показано, причиняют ничуть не менее сильные страдания (A/HRC/13/39, п. 46).¹⁵ Поэтому с психофизиологической точки зрения различие между «физической» и «психологической» пытками обладает преимущественно концептуальным, аналитическим и педагогическим значением и не предполагает параллельного существования на практике двух отдельных и взаимоисключающих видов пытки или какой-либо иерархии тяжести пытки между «физической» и «психологической» пытками.

23. Третьим отдельным аспектом психологической составляющей пытки является ее сугубо психологическое обоснование (т.е. цель). С функциональной точки зрения, любая форма пытки

¹⁵ *Başoğlu*, "Torture and its definition in international law", p. 37.

намеренно создает сильную боль и страдания как средство достижения конкретной цели (A/72/178, п. 31). Методологически эти цели могут быть достигнуты путем причинения «физической» или «психической» (mental) боли или страданий, или их сочетания, и в каждом случае они будут вызывать различные комбинации физических и психологических последствий. Однако с функциональной точки зрения, пытки никогда не носят исключительно физического характера, а всегда направлены на то, чтобы воздействовать на разум и эмоции жертв или связанных с ними третьих лиц¹⁶. Многие методы физической пытки преднамеренно создают и используют изнуряющие внутренние конфликты, например, заставляя пленников оставаться в физически болезненных стрессовых позах под угрозой изнасилования в случае неповиновения. Аналогичный внутренний конфликт может быть спровоцирован без физической боли, например, путем указания задержанному мастурбировать перед охранниками и заключенными, опять же под угрозой изнасилования в случае неповиновения. Таким образом, различие между «физической» и «психологической» пытками не подразумевает какой-либо разницы в функциональном обосновании, а скорее относится к методологическому подходу, с помощью которого лицо, применяющее пытку, реализует это обоснование.

3. Отличие психологической пытки от «не оставляющей следов» и «бесконтактной» физической пытки

24. Хотя методы пыток, влекущие за собой видимые телесные повреждения, обычно не называют «психологической пыткой», этот термин иногда смешивают с пыткой «без следов», цель которой заключается в том, чтобы избежать видимых следов на теле жертвы, и пыткой «без прикосновения», цель которой заключается в том, чтобы не причинять боль или страдания путём прямого физического воздействия. Однако в действительности, как первая, так и вторая могут также носить физический характер и в этом случае отличаются от собственно психологической пытки.

25. Если говорить более конкретно, то, несмотря на то, что цель физической «бесследной» пытки заключается в том, чтобы не оставлять видимых следов на теле жертвы, ее цель по-

¹⁶ Sveaass, "Destroying minds", pp. 313–314.

прежнему достигается путем преднамеренного причинения сильной физической боли или страданий. Некоторые методы физической «бесследности» позволяют сразу же и непосредственно ощутить предполагаемую физическую боль или страдания, например, нанесение ударов амортизированными предметами по отдельным частям тела, методами, имитирующее утопление («waterboarding» или «затопленная подлодка») или удушение путем надевания на голову полиэтиленового пакета («сухая подлодка»). Другие методы физической «бесследности» включают в себя длительное и/или кумулятивное причинение изначально «слабой» физической боли или страданий, рассчитанное на постепенное доведение до невыносимого уровня тяжести, например, вынужденное стояние или приседание, или заковывание в наручники в стрессовых позах. Хотя все эти методы рассчитаны таким образом, чтобы избежать физических следов, видимых невооруженным глазом и неэкспертным наблюдателем, многие из них приводят к физическим последствиям, таким как отеки, ссадины, ушибы и раздражения, – которые опытные судебно-медицинские эксперты способны надежно определить и задокументировать в период от нескольких дней до нескольких недель. Однако на практике, обструкционизм и задержки, а также отсутствие опыта, возможностей и желания со стороны следственных органов приводят к тому, что подавляющее большинство жалоб на «бесследные» пытки либо не расследуются вовсе, либо легко отклоняются за якобы отсутствием доказательств.

26. Аналогичным образом, физическая «бесконтактная» пытка позволяет избежать прямого физического взаимодействия, но при этом намеренно пользуется или манипулирует физиологическими потребностями, функциями и реакциями для причинения физической боли или страданий. Обычно это включает в себя боль, причиняемую через навязываемые путем угроз стрессовые позы, или сильное сенсорное или физиологическое раздражение, вызванное экстремальными температурами, громким шумом, ярким светом или дурными запахами, лишением сна, пищи или питья, предотвращением или провоцированием мочеиспускания, дефекаций или рвоты, или воздействием фармацевтических веществ или симптомов «синдрома отмены» (т.н. ломки). Несмотря на то, что все эти методы преднамеренно используют физические пути воздействия на тело жертвы, для причинения боли и страданий,

их иногда рассматривают и как психологическую пытку, главным образом, в силу их психологического обоснования и предполагаемого дестабилизирующего воздействия на человеческий разум и эмоции, а также ограниченность физического контакта между мучителем и жертвой. Однако, если техники «бесконтактности» причиняют сильную физическую боль или страдания любого рода, эти методы следует рассматривать как физическую пытку.

С. Применение составляющих элементов

27. Понятие психологической пытки в том виде, в каком оно определено выше, вызывает ряд вопросов, касающихся толкования определяющих элементов, составляющих пытки, помимо того, что говорилось в предыдущих докладах (A/72/178, п. 31; A/73/207, пп. 6–7; и E/CN.4/2006/6, пп. 38–41). Все эти вопросы касаются «существенных» компонентов определения, которые определяют поведение, равнозначное пытке, в то время как «атрибутивный» компонент, который определяет степень участия государственного агента, необходимую для того, чтобы пытка привела к ответственности государства, уже подробно обсуждался в предыдущих докладах и не нуждается в повторном рассмотрении в данном случае (A/74/148, п. 5).

1. Сильная боль или страдания

28. Международные механизмы против пыток не оставили никаких сомнений в том, что определение пытки не обязательно требует наличия в нем причинения физической боли или страданий, но может также включать причинение психической (mental) боли или страданий.¹⁷ Вместе с тем следует подчеркнуть, что разрушительные последствия психологической пытки зачастую недооцениваются.

29. Более противоречивой, чем эта базовая дихотомия между физическим и психическим (mental), является интерпретация требуемого уровня «тяжести» причиняемой боли. Хотя объективное измерение физической боли или страданий вызывает

¹⁷ Human Rights Committee, general comment No. 20 (1992) on the prohibition of torture, or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, п. 5; См. также Committee against Torture, case law, cited in footnote 11 above.

непреодолимые трудности и влечет за собой многочисленные неудовлетворительные попытки авторитетно классифицировать методы пыток на основе полученных физических травм и необратимых нарушений, эти проблемы еще более усугубляются при попытке объективно оценить психическую (mental) или эмоциональную боль или страдание.¹⁸ Ранее уже подчеркивалось, что термин «тяжелый» не требует наличия боли или страданий, сопоставимых с болью, сопровождающей серьезные телесные повреждения, такие как отказ органов или нарушение функций тела или даже смерть (E/CN.4/2006/6; и A/HRC/13/39, п. 54). Однако термин «пытка» не должен также использоваться для обозначения обычных неудобств или дискомфорта, явно способных достичь целей, перечисленных в определении.

30. Достижение требуемого порога тяжести в конкретном случае может зависеть от широкого круга факторов, которые являются эндогенными и экзогенными для человека, – таких как возраст, пол, здоровье и уязвимость, а также длительность воздействия и накопления в сочетании с другими физическими или психическими (mental) стрессовыми факторами и условиями, личной мотивацией, стрессоустойчивостью и прочими содержательными обстоятельствами.¹⁹ Все эти элементы должны подвергаться целостной оценке в каждом конкретном случае и в свете конкретной цели, преследуемой соответствующим обращением или наказанием. Например, угроза содержания под стражей в течение ночи в сочетании со словесными оскорблениями может быть достаточно серьезной, чтобы принудить или запугать ребенка, в то время как это же действие может иметь мало или никаких последствий для взрослого человека, и еще в меньшей степени для закоренелых правонарушителей. Тяжесть боли или страданий в результате конкретного вида жестокого обращения не обязательно постоянна, но имеет тенденцию увеличиваться или изменяться с продолжительностью воздействия и умножением стрессовых факторов. Кроме того, хотя пытки представляют собой «отягчающую» форму жестокого, бесчеловечного или уни-

¹⁸ *Pérez-Sales, Psychological Torture*, p. 284.

¹⁹ *Inter-American Court of Human Rights, Lysias Fleury и др. v. Haiti, Judgment*, 23 November 2011, п. 73.

жающего достоинство обращения и наказания,²⁰ «обострение» не обязательно означает обострение боли и страданий, но может означать и более тяжелый вред с точки зрения преднамеренного и целенаправленного причинения боли и страданий в скрытых целях. Таким образом, фактором различия между пытками и другими формами жестокого обращения является не столько интенсивность причиненных страданий, сколько манеры поведения и намерения мучителя, а также степень беспомощности жертвы (A/72/178, п. 30; и A/HRC/13/39, п. 60).²¹

31. Положения ряда договоров даже предполагают, что понятие пытки включает в себя поведение, которое, по крайней мере, потенциально не связано с какими-либо субъективно испытываемыми болью или страданиями вообще. Так, статья 7 *Международного пакта о гражданских и политических правах* прямо запрещает «проведение медицинских или научных экспериментов без свободного согласия всех в них участвующих». Хотя в этом положении не уточняется, будет ли такое поведение равносильно «пытке» или другому «жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению», его прямое упоминание позволяет предположить, что оно было расценено как особо серьезное нарушение данного запрета. Еще более четко в этом отношении, но только с точки зрения региональной применимости, сформулирована статья 2 *Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них*, в которой «пытки» прямо определяются как включающие «методы, направленные на уничтожение личности жертвы или на снижение ее физических или психических (mental) способностей, даже если они не причиняют физической боли или психических (mental) страданий». В связи с этим после ратификации Конвенции против пыток Соединенные Штаты выразили свое понимание того, что «психическая (mental) боль или страдания» означает «продолжительный психический (mental) вред», причиняемый, в частности, угрозой

²⁰ Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, art. 1.

²¹ *Gerrit Zach*, "Definition of torture", in *Manfred Nowak, Moritz Birk u Giuliana Monina*, eds., *The United Nations Convention against Torture and its Optional Protocols: A Commentary*, 2nd ed. (Oxford, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Oxford University Press, 2019), p. 47.

или фактическим «введением или применением веществ, изменяющих сознание, или других процедур, рассчитанных на глубокое расстройство чувств или личности», причем эта формулировка призвана запретить некоторые методы допроса, разработанные Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки (ЦРУ) во время «холодной войны», а также намеренно сузить определение, содержащееся в Конвенции.²² Хотя Комитет отверг это толкование как слишком узкое и заявил, что психологические пытки не могут ограничиваться «продолжительным психическим (mental) вредом» (CAT/C/USA/CO/2, п. 13; и CAT/C/USA/CO/3-5, п. 9), он не уточнил, может ли «использование «процедур, рассчитанных на глубокое разрушение чувств или личности», быть приравнено к пыткам даже при отсутствии субъективно ощущаемой боли или страдания. Хотя этот вопрос уже был актуальным для составителей различных договорных текстов в эпоху «холодной войны», его практическая значимость в настоящее время возрастает в геометрической прогрессии.

32. Учитывая быстрый прогресс в медицинской, фармацевтической и нейротехнологической науке, а также в кибернетике, робототехнике и искусственном интеллекте, трудно предсказать, в какой степени будущие методы и среды пыток, а также «человеческое совершенствование» потенциальных жертв и нарушителей с точки зрения их умственной и эмоциональной стрессоустойчивости могут позволить обойти субъективные переживания боли и страданий, подавить их или иным образом манипулировать ими, продолжая при этом достигать целей и глубоко дегуманизирующих, изнуряющих и выводящих из строя последствий пыток.²³ С учетом того, что государства должны добросовестно толковать и выполнять свои международные обя-

²² *David Luban and Katherine S. Newell, "Personality disruption as mental torture: the CIA, interrogational abuse, and the U.S. Torture Act", Georgetown Law Journal, vol. 108, No. 2 (January 2020), pp. 335–336 and 373–374, referring to Title 18 of the United States Code, sect. 2340(2)(B), 2012.*

²³ *A/HRC/23/47, п. 54; Adam Henschke, "Super soldiers': ethical concerns in human enhancement technologies", Humanitarian Law and Policy blog, 3 July 2017; и Nayef Al-Rodhan, "Inevitable transhumanism? How emerging strategic technologies will affect the future of humanity", Center for Security Studies blog, 29 October 2013.*

зательства в отношении запрещения пыток (Венская конвенция о праве международных договоров, ст. 26 и 31) и в свете развивающихся ценностей демократических обществ (A/HRC/22/53, п. 14),²⁴ будет представляться несовместимым с объектом и целью всеобщего, абсолютного и не допускающего отступлений запрета пыток, например, исключение из определения пытки глубокого нарушения психической (mental) идентичности, способности или автономности человека только потому, что субъективный опыт или воспоминания жертвы о «психических (mental) страданиях» подвергались каким-либо фармацевтическим, гипнотическим или иным манипуляциям или методам подавления.

33. Предыдущие Специальные докладчики заявляли, что «оценка уровня страданий или боли, относительного по своему характеру, требует рассмотрения обстоятельств дела, включая ... приобретение или ухудшение состояния здоровья в результате лечения или условий содержания жертвы под стражей», и что «медицинское лечение интрузивного и необратимого характера», когда оно не преследует терапевтической цели и применяется без свободного и осознанного согласия, может представлять собой пытку или случай жестокого обращения (A/63/175, пп. 40 и 47; и A/HRC/22/53, п. 32). Опираясь на это наследие, Специальный докладчик считает, что порог серьезных «психических (mental) страданий» может быть достигнут не только за счет субъективного переживания страданий, но и в отсутствие субъективного переживания страданий, а также за счет объективного причинения одного лишь психического (mental) вреда. В любом случае, даже при нахождении ниже порога пыток, умышленное и целенаправленное причинение психического (mental) вреда почти всегда будет равнозначно «другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания».

2. Умысел

34. Психологическая пытка требует преднамеренного причинения психической (mental) боли или страданий и поэтому не включает в себя чисто небрежное поведение. Наличие умысла не

²⁴ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), "Interpretation of torture in light of the practice and jurisprudence of international bodies", 2011, p. 8.

требует, чтобы причинение сильной психической (mental) боли или страданий было субъективно желательным для виновного в нарушении, а только чтобы оно было разумно предсказуемым как результат, в ходе обычных событий, умышленного поведения, предпринятого нарушителем (A/HRC/40/59, п. 41; и A/HRC/37/50, п. 60). Кроме того, преднамеренность (умысел) не требует совершения активных действий, но может также включать в себя и преднамеренное несовершение оных, таких как экспонирование задержанных лиц, страдающих наркотической зависимостью, тяжелым симптомам синдрома отмены с установлением прямой зависимости между выдачей наркозамещающего препарата или иной терапии и подписанием признания, дачей желаемых показаний или согласием на иное сотрудничество со следствием (A/73/207, п. 7). В тех случаях, когда причинение сильной психической (mental) боли или страданий может быть результатом совокупного воздействия множественных обстоятельств, действий или бездействия нескольких участников, например в случае массовых беспорядков, преследований и других форм согласованных или коллективных злоупотреблений, требуемая преднамеренность должна рассматриваться как присутствующая для каждого государства или отдельного лица, сознательно и целенаправленно способствующая запрещенному исходу, будь то в результате совершения, покушения, соучастия или участия (Конвенция, ст. 4 (1)).

3. Целенаправленность

35. Чтобы приравниваться к психологической пытке, сильная психическая (mental) боль или страдания должны причиняться не только умышленно, но и «в таких целях, как получение от жертвы или третьего лица информации или признания, наказание за деяние, которое оно или третье лицо совершили или в совершении которого оно подозревается, или запугивание или принуждение его или третьего лица», или «по любой причине, основанной на дискриминации любого рода» (Конвенция, ст. 1). Хотя перечисленные цели носят лишь ориентировочный характер и не являются исчерпывающими, соответствующие цели должны иметь «нечто общее с целями, конкретно перечисленными» (A/HRC/13/39/Прил. 5, п. 35). В то же время перечисленные цели сформулированы настолько широко, что трудно предста-

вить себе реалистичный сценарий целенаправленного причинения сильной психической (mental) боли или страданий бессильному человеку, который ускользнул бы от определения пытки (A/72/178, п. 31).

36. Хотя толкование таких целей, как «допрос», «наказание», «запугивание» и «принуждение», является довольно простым, то, как трактуется в Конвенции «дискриминация», требует уточнения, поскольку это единственное определение, не составленное с точки зрения преднамеренной «цели». Для того чтобы дискриминационные меры были равносильны пыткам, достаточно, чтобы они умышленно причиняли сильную боль или страдания «по причинам, связанным с дискриминацией любого рода». Поэтому требуется, чтобы соответствующее поведение имело не дискриминационную «цель», а лишь дискриминационную «взаимосвязь». В договорах это включает любое различие, исключение или ограничение по причине дискриминации любого рода, целью или результатом которой является умаление или отрицание признания, использования или осуществления наравне с другими любого права человека или основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области (A/63/175, п. 48).²⁵

37. Следует подчеркнуть, что якобы добрые цели сами по себе не могут служить оправданием принудительных или дискриминационных мер. Например, такие практики, как принудительный аборт, стерилизация или психиатрическое вмешательство по причине «медицинской необходимости» или «в интересах пациента» (A/HRC/22/53, пп. 20 и 32–35; и A/63/175, п. 49), или насильственное интернирование с целью «перевоспитания» политических или религиозных диссидентов,²⁶ «духовное исцеление» психических заболеваний (A/HRC/25/60/Прил.1, пп. 72–77), или

²⁵ Convention on the Rights of Persons with Disabilities, art. 2; Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, art. 1; International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, art. 1; Universal Declaration of Human Rights, art. 7; и International Covenant on Civil and Political Rights, art. 26.

²⁶ CAT/C/CHN/CO/5, п. 42; as well as two communications co-signed by the Special Rapporteur, communications Nos. OL/CHN18/2019, 1 November 2019, и OL/CHN15/2018, 24 August 2018. См. также “China cables”, available at www.icij.org/investigations/china-cables/read-the-china-cables-documents/.

для т.н. «переходной терапии», связанной с гендерной идентичностью или сексуальной ориентацией (A/74/148, пп. 48–50), как правило, включают в себя весьма дискриминационные и насильственные попытки контролировать или «исправлять» характер личности, поведения или предпочтений жертвы и почти всегда причиняют ей сильную боль или страдания. Поэтому, по мнению Специального докладчика, если присутствуют все прочие определяющие элементы, такие практики вполне могут быть приравнены к пытке.

38. И последнее, но не менее важное: учитывая, что сбор информации является неотъемлемой частью законных процессов расследования и установления фактов, необходимо прояснить «линии разграничения» (*fault lines*) между допустимыми методами расследования без давления и допросом с незаконным давлением. Хотя это конкретное различие имеет большое практическое значение, оно не будет обсуждаться в настоящем докладе, поскольку ранее уже было подробно рассмотрено в полном тематическом докладе, представленном предыдущим Специальным докладчиком (A/71/298), запустившем важный и продолжающийся процесс разработки международных руководящих принципов проведения допросов в ходе расследований и связанных с ними гарантий.²⁷

4. Бессилие

39. Уполномоченные лица неизменно считали, что, хотя в тексте договора это прямо не упоминается, «бессилие» жертвы является определяющим условием для классификации чего-либо как пытки (A/63/175, п. 50; A/73/207, п. 7; A/HRC/13/39, para. 60; и A/HRC/22/53, п. 31). Как было показано, «все цели, перечисленные в статье 1 Конвенции против пыток, а также материалы подготовительной работы (*travaux préparatoires*) по Декларации и Конвенции относятся к ситуации, когда жертвой пытки является задержанный или лицо, «по крайней мере, находящееся фактически во власти или под контролем лица, причиняющего боль или страдания», и когда лицо, совершающее пытку, использует эту ситуацию неравноправия и силового принуждения для до-

²⁷ См. www.apt.ch/en/universal-protocol-on-non-coercive-interviews/.

стижения определенного эффекта, например, для получения информации, запугивания или наказания».²⁸

40. На практике «бессилие» возникает всякий раз, когда кто-то попадает под непосредственный физический или эквивалентный контроль нарушителя и фактически утрачивает способность сопротивляться или спастись от причинения боли или страданий (A/72/178, п. 31). Как правило, это имеет место в ситуациях физического содержания под стражей, таких как арест и содержание под стражей, тюремное заключение, помещение в специальные учреждения, принудительная госпитализация или интернирование или любая другая форма лишения свободы. Отсутствие физического заключения, бессилие может также возникнуть в результате использования надетых на тело устройств, способных производить удары электрическим током через пульт дистанционного управления, поскольку они вызывают «полное порабощение жертвы независимо от физического расстояния» (A/72/178, п. 51). Ситуация фактического бессилия может быть еще более усугублена «лишением правоспособности, когда у лица отнимают возможность принимать решения и передают ее другим лицам» (A/63/175, п. 50; и A/HRC/22/53, п. 31) посредством серьезных и непосредственных угроз или посредством принудительного контроля в таких контекстах, как насилие в семье (A/74/148, пп. 32-34), путем использования ограничивающих способности лекарств и, в зависимости от обстоятельств, в коллективном социальном контексте моббинга (травли), киберзапугивания и спонсируемого государством преследования, лишая жертв любой возможности эффективно сопротивляться или избежать такого воздействия.

5. Исключение для «законных санкций»

41. Определение пытки в Конвенции прямо исключает «боль или страдания, возникающие только в результате законных санкций, либо присущие законным санкциям или связанные с ними» (статья 1 (1)). В то же время уточняющая оговорка в статье 1 (2) Конвенции четко указывает, что это исключение не может толковаться в ущерб другим международным доку-

²⁸ *Zach*, "Definition of torture", pp. 56–59. См. также, Rome Statute of the International Criminal Court, art. 7 (2) (e).

ментам или национальному законодательству, в которых пытка имеет или может иметь более широкое определение. Здесь продемонстрировано, что термин «международный документ» охватывает как имеющие обязательную силу международные договоры, так и не имеющие обязательной силы декларации, принципы и другие документы «мягкого права».²⁹ В частности, положение о «законных санкциях» может быть точно понято только в сочетании с *Декларацией 1975 года о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания*, из которой оно непосредственно вытекает и которая исключает из определения пыток только те законные санкции, которые «соответствуют Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными» (ст. 1). Например, даже если это разрешено внутренним законодательством, ни один из следующих методов причинения психической (mental) боли или страданий не может рассматриваться в качестве «законных санкций»: длительное или бессрочное одиночное заключение; размещение в постоянно темной или постоянно освещенной камере; коллективное наказание; и запрет на контакты с семьёй.³⁰

42. Важно отметить, что для того, чтобы быть «законными», санкции не могут быть бессрочными, неопределенными или явно чрезмерными по отношению к их цели, а должны быть четко определены, ограничены и соразмерны. Например, хотя может быть законным наказание свидетеля за отказ от дачи показаний в суде в виде фиксированного денежного штрафа или даже тюремного заключения на заранее установленный срок, использование бессрочного содержания под стражей и накопление денежных штрафов в качестве все более сурового средства принуждения непокорного свидетеля к даче показаний нанесло бы ущерб самому предмету и цели Конвенции и, следовательно, было бы равносильно психологической пытке, независимо от ее «законности» в соответствии с внутренним законодательством.³¹

²⁹ Zach, "Definition of torture", pp. 56–59.

³⁰ United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules), rule 43.

³¹ См., особенно, the individual communication sent by the Special Rapporteur in the case of Chelsea Manning, communication No. AL USA 22/2019, 1 November 2019.

В более общем плане, Специальный докладчик согласен с пониманием того, что слово «законный» относится как к внутреннему, так и к международному праву.³²

D. Преобладающие методы психологической пытки

43. В настоящем разделе Специальный докладчик стремится дать общий обзор характеристик, обоснования и последствий некоторых из наиболее распространенных методов психологической пытки. В отличие от физической пытки, при которой тело и его физиологические потребности используются в качестве проводника для воздействия на разум и эмоции жертвы, психологическая пытка делает это, непосредственно затрагивая основные психологические потребности, такие как безопасность, самоопределение, достоинство и идентичность, внутрисредовая ориентация, эмоциональный контакт и коллективное доверие.

44. Цель нижеследующего отдельного обсуждения конкретных методов, а также их категоризации на основе общих психологических потребностей, вовсе не заключается в том, чтобы явиться авторитетными, всеобъемлющими или свободными от дублирования, или чтобы исчерпывающим образом использовать способы, с помощью которых методы психологической пытки могут или должны быть описаны или классифицированы для целого ряда различных целей.³³ Скорее, речь идет о создании легкодоступной базовой аналитической структуры, облегчающей выявление отдельных методов, приемов или обстоятельств, которые, не используя телесное воздействие для причинения сильной физической боли или страданий, могут быть равносильными пыткам, запрещенным международным законодательством в области прав человека, или способствовать их применению, как самостоятельно, так и в сочетании с другими психологическими или физическими методами, приемами и обстоятельствами.

³² *Zach*, "Definition of torture", note 147.

³³ For other categorizations См., например, *Almerindo E. Ojeda*, "What Is psychological torture?", in Ojeda, ed., *The Trauma of Psychological Torture*, pp.1–2; и *Pérez-Sales*, *Psychological Torture*, pp. 257–258.

45. Учитывая практически неограниченное число форм, которые могут принимать пытки, избранные примеры приводятся только в иллюстративных целях. Различные методы пыток могут оказывать схожее или взаимонакладывающееся воздействие или усиливать друг друга различными другими способами. На практике конкретные методы пыток редко имеют изолированный характер, но почти всегда применяются в сочетании с другими методами, приемами и обстоятельствами, образуя то, что было метко охарактеризовано как «пыточная среда».³⁴ Поэтому нижеследующее раздельное обсуждение конкретных методов имеет прежде всего дидактические и аналитические цели и не должно восприниматься как свидетельство того, что любая такая жесткая классификация аккуратно определяет различные практические проявления пыток.

1. Безопасность (формирование чувства страха, фобии и тревоги)

46. Возможно, самым примитивным методом психологической пытки является преднамеренное и целенаправленное формирование чувства страха. Тот факт, что это само по себе может быть приравнено к пытке, широко признается не только уполномоченными лицами³⁵ но также и Комитетом против пыток,³⁶ Европейским судом по правам человека,³⁷ Комитетом по правам человека,³⁸ Межамериканским судом³⁹ и другими органами.

47. На практике, страх может быть вызван практически безграничным разнообразием приемов; к числу наиболее распространенных относятся следующие:

(а) Прямые или косвенные угрозы применения, повторения или эскалации актов пыток, увечий, сексуального насилия или

³⁴ *Pérez-Sales*, *Psychological Torture*, p. 284.

³⁵ A/56/156, пп. 3 и 7–8; E/CN.4/1986/15, п. 119; и E/CN.4/1998/38, п. 208.

³⁶ CAT/C/KAZ/CO/2, п. 7; и CAT/C/USA/CO/2, п. 24.

³⁷ European Court of Human Rights, Grand Chamber, *Gäfgen v. Germany*, Application No. 22978/05, Judgment, 1 June 2010, п. 108.

³⁸ Human Rights Committee, communication No. 74/1980, views of the Committee in the case of *Miguel Angel Estrella v. Uruguay*, п. 8.3.

³⁹ Inter-American Court of Human Rights, *Baldeón-García v. Perú*, Judgment, 6 April 2006, п. 119; и Inter-American Court of Human Rights, *Tibi v. Ecuador*, Judgment, 7 September 2004, пп. 147–149).

других злоупотреблений, в том числе в отношении родственников, друзей или других заключенных;

(b) Соккрытие или искажение информации о судьбе жертв или их близких, имитация казни, принуждение к наблюдению за реальным или мнимым убийством или мучением других лиц;

(c) Провоцирование личной или культурной фобии путем угрозы или фактического экспонирования жертвы воздействию насекомых, змей, собак, крыс, инфекционных заболеваний и т.д.;

(d) Индуцирование клаустрофобии через имитацию заочернения жертвы или ее содержание в ящиках, гробах, мешках и других тесных объемах (в зависимости от обстоятельств, с течением времени эти методы также способны причинять сильную физическую боль или страдания).

48. Часто недооцениваются крайние психологические переживания и огромные внутренние конфликты, вызываемые чувством страха. На практике, длительное переживание чувства страха, в частности, может быть более изнурительным и мучительным, чем фактическая материализация этого страха, и даже переживание физических пыток может быть менее травмирующим, чем бесконечные психологические муки из-за постоянного страха и тревоги. В частности, их достоверные и непосредственные угрозы связаны с тяжелыми психическими (mental) страданиями, посттравматическим стрессовым расстройством, а также хронической болью и другими соматическими (т.е. телесными) симптомами.

2. Самоопределение (доминирование и подчинение)

49. Психологический метод, применяемый практически во всех ситуациях пыток, заключается в том, чтобы умышленно лишить жертв контроля над как можно большим количеством аспектов их жизни, продемонстрировать свое полное господство над ними и привить им глубокое чувство беспомощности, безнадежности и полной зависимости от лица, использующего пытки. На практике это достигается с помощью широкого круга методов, включая, в частности:

(a) Произвольное предоставление, удержание или отзыв доступа к информации, материалам для чтения, личным вещам, одежде, постельным принадлежностям, свежему воздуху, свету, еде, воде, отоплению или вентиляции;

(b) Создание и поддержание непредсказуемой среды с постоянно меняющимся и хаотически нарушаемым, продленным или отсроченным графиком приема пищи, сна, гигиены, мочеиспускания и дефекации, а также допросов;

(c) Навязывание абсурдных, нелогичных или противоречивых правил поведения, санкций и поощрений;

(d) Навязывание невозможного выбора, вынуждающее жертв участвовать в своих собственных пытках.

50. Все эти методы объединяет то, что они нарушают чувство самоконтроля, самостоятельности и самоопределения жертвы и со временем закрепляют в ней чувство полного отчаяния и полной физической, психической и эмоциональной зависимости от мучителя (т.н. «приученная беспомощность»).

3. Достоинство и личность (унижение, нарушение неприкосновенности частной жизни и сексуальной неприкосновенности)

51. Тесно связанная с подавлением личного контроля, автономии и самоопределения, но еще более трансгрессивная форма – это активное поражающее воздействие на чувство собственного достоинства и идентичности жертвы, реализуемое через систематическое и умышленное нарушение их частной жизни, достоинства и сексуальной неприкосновенности. Это может включать в себя, например:

(a) Постоянное аудиовизуальное наблюдение с помощью камер, микрофонов, односторонних зеркал, содержания в клетке и других соответствующих средств, в том числе во время социальных, юридических и медицинских визитов, а также во время сна и личной гигиены, включая мочеиспускание и дефекацию;

(b) Систематическое унижение или жестокое обращение, насмешки, оскорбления, словесные поношения, личные, этнические, расовые, сексуальные, религиозные или культурные унижения;

(c) Публичное очернение, диффамация, клевета, распространение или разглашение интимных подробностей личной и семейной жизни жертвы;

(d) Принудительная нагота или мастурбация, часто на глазах у чиновников противоположного пола;

(e) Сексуальное издевательство посредством инсинуаций, шуток, оскорблений, утверждений, угроз или обнажения гениталий;

(f) Нарушение культурных или сексуальных табу, включая вовлечение родственников, друзей или животных;

(g) Распространение фотографий или аудио-/видеозаписей, показывающих, как жертва подвергается пыткам или сексуальному насилию, дает признательные показания или участвует в иных компрометирующих ситуациях.

52. Следует подчеркнуть, что унижающий и унижительный характер злоупотреблений не обязательно низводит их в область «других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения», которые иногда неправильно рассматриваются как «менее разрушающие» по сравнению с пытками. Известно, что систематические и продолжительные нарушения неприкосновенности частной жизни, достоинства и половой неприкосновенности причиняют серьезные душевные страдания, включая эмоции глубокой уязвимости, унижения, стыда и вины, которые часто усугубляются беспокойством по поводу социальной изоляции, ненавистью к себе и тяге к самоубийству. Поэтому, как и в случае с другими методами, именно преднамеренность и целенаправленность унижающего достоинства обращения и беспомощность жертвы имеют решающее значение для ее отнесения либо к категории пыток, либо к другим видам жестокого обращения.⁴⁰

4. Средовая ориентация (сенсорная манипуляция)

53. Сенсорные стимулы и контроль среды являются одной из основных потребностей человека. Преднамеренная сенсорная манипуляция и дезориентация посредством сенсорной депривации или гиперстимуляции затрагивает как органы чувств, так и когнитивную обработку сенсорного восприятия. Сенсорная гиперстимуляция, в частности, находится, таким образом, на самой границе между физической и психологической пыткой.

54. В то время как кратковременная сенсорная депривация сама по себе может привести к крайним психическим (mental) мукам, длительная сенсорная депривация, как правило, вызы-

⁴⁰ См. также, *Cakal*, "Debility, dependency and dread", pp. 23–24.

вает апатию, за которой следуют постепенно усиливающиеся дезориентация, спутанность сознания и, в конечном счете, бредовые, галлюцинаторные и психотические симптомы. Соответственно, *Свод принципов для обеспечения защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме*, прямо запрещает содержание задержанного «в условиях, которые лишают его, временно или постоянно, возможности пользоваться какими бы то ни было его естественными чувствами, такими как зрение или слух, или его осведомленность о месте и времени».⁴¹ На практике, такое лишение подразумевает частичное или полное устранение сенсорной стимуляции путем сочетания таких мер, как:

- Подавление устного общения с жертвой
- Постоянный монотонный свет
- Визуально стерильная среда
- Звукоизоляция камеры или другого помещения, где содержится жертва
- Использование капюшона
- Использование шор
- Использование перчаток
- Использование масок
- Использование звукозащитных наушников

55. Сенсорная гиперстимуляция ниже порога физической боли, например, через постоянный яркий свет, громкую музыку, неприятные запахи, некомфортную температуру или навязчивый «белый» шум, вызывает постепенно тяжелый психический (mental) стресс и тревогу, неспособность мыслить ясно, с последующим повышением раздражительности, вспышки гнева и, в конечном счете, полное истощение и отчаяние. Экстремальная сенсорная гиперстимуляция, которая немедленно или с течением времени вызывает фактическую физическую боль или телесные повреждения, должна рассматриваться как физическая пытка. Это может включать в себя, например, ослепление жертв чрезвычайно ярким светом или воздействие на них чрезвычайно громкого шума или музыки или экстремальных температур, вызывающих ожоги или переохлаждение.

⁴¹ General Assembly resolution 43/173, annex.

5. Социальный и эмоциональный контакт (изоляция, отчуждение, предательство)

56. Обычный метод психологической пытки заключается в атаке на потребность жертвы в социальном и эмоциональном контакте посредством ее изоляции, исключения из социума, травли и предательства. Лица, лишённые значимых социальных контактов и подвергающиеся эмоциональным манипуляциям, могут быстро стать глубоко дестабилизированными и изнурёнными индивидуумами.

57. Преобладающим методом изоляции и социальной изоляции является одиночное заключение, которое определяется как «содержание заключенных в течение 22 часов или более в день без значимых человеческих контактов».⁴² В соответствии с международным правом одиночное заключение может применяться только в исключительных обстоятельствах, а «продолжительное» одиночное заключение, превышающее 15 дней подряд, считается одной из форм пыток или жестокого обращения.⁴³ То же самое относится к часто возобновляемым мерам, которые в совокупности равносильны длительному одиночному заключению.⁴⁴ Еще более экстремальным, чем одиночное заключение, является «содержание под стражей без связи с внешним миром», которое лишает заключенного любых контактов с внешним миром, в частности с врачами, адвокатами и родственниками, и которое уже неоднократно признавалось одной из форм пытки.⁴⁵

58. Другие методы, направленные на производство ущерба потребностям жертвы в социальном контакте, включают преднамеренную медицинскую, языковую, религиозную или культурную изоляцию внутри группы заключенных, а также подстрекательство, поощрение или терпимое отношение к случаям домогательств, издевательств или травли в отношении отдельных лиц или групп лиц, являющихся объектом таких действий. Например,

⁴²The Nelson Mandela Rules, rule 44.

⁴³Ibid., rule 43 (1) (b); и A/66/268, п. 26.

⁴⁴A/68/295, п. 61.

⁴⁵A/HRC/13/42, пп. 28 и 32; Inter-American Court of Human Rights, Velásquez Rodríguez v. Honduras, Judgement, 29 July 1988, п. 187; CCPR/C/51/D/458/1991, annex, п. 9.4; и CCPR/C/61/D/577/1994, п. 8.4.

дискриминационное или карательное содержание отдельных гомосексуальных мужчин в общих камерах с агрессивными, гомофобными заключенными, по всей видимости, создаст ситуацию коллективной травли, сопровождающуюся социальной изоляцией, угрозами, унижениями и сексуальными домогательствами, и вызовет сильный уровень постоянного стресса и тревоги, который может быть приравнен к пыткам, независимо от фактического наличия в нем физического насилия.

59. Тяжелые психологические и физические последствия содержания под стражей без связи с внешним миром, одиночного заключения и социальной изоляции, включая травлю, хорошо документированы и, в зависимости от обстоятельств, могут варьироваться от все более тяжелых форм тревоги, стресса и депрессии до когнитивных нарушений и появления у жертвы тяги к самоубийству. Особенно, если длительная или бессрочная, или сочетающаяся с синдромом камеры смертников, изоляция и социальное отчуждение могут также причинить серьезный и непоправимый психический и физический ущерб.

60. Помимо этого, и в целом, в сочетании с изоляцией и исключением жертвы из социума, лица, практикующие пытки, часто ставят своей целью негативно затронуть потребности жертв в эмоциональном общении посредством преднамеренного эмоционального манипулирования. Это может включать в себя такие методы, как:

- Создание, а затем предательство эмоциональных отношений и личного доверия
- Провоцирование «неправомерного поведения» путем неизбежного выбора «виновен/виновен», а затем формирование чувства вины или стыда за предательство доверия мучителя
- Разрушение эмоциональных связей путем принуждения жертв к предательству или участию в жестоком обращении с другими заключенными, родственниками и друзьями или наоборот
- Обманчивая, дезориентирующая или иным образом запутанная информация или ролевая игра.

6. Коллективное доверие (институциональный произвол и преследование)

61. Каждому человеку присуща потребность в коллективном доверии. Столкнувшись с подавляющей властью государ-

ства, люди должны иметь возможность компенсировать свое собственное бессилие, полагаясь на способность и готовность коллектива проявлять сдержанность, в первую очередь путем соблюдения верховенства права и принципов надлежащей правовой процедуры. До тех пор, пока административная или судебная ошибка, небрежность или произвол могут быть, пусть и не всегда эффективно, устранены и исправлены с помощью регулярной системы институциональных жалоб и средств правовой защиты, возникающие, в результате этого, неудобства несправедливости и разочарование, возможно, придется терпеть в качестве неизбежного побочного эффекта конституционных процессов, которые управляют демократическими обществами.

62. Как подробно обсуждалось в докладе Специального докладчика о взаимосвязи между коррупцией и пытками (A/HRC/40/59, пп. 16 и 48-60) эти конституционные процессы не-исправимо коррумпированы в тех случаях, когда административная или судебная власть намеренно используется в произвольных целях и когда соответствующие институциональные механизмы надзора являются соглашательскими или соучастующими, недоступными или парализованными до такой степени, что фактически лишают всяких перспектив соблюдение надлежащей правовой процедуры и обеспечение верховенства закона.

63. Будучи типичным для контекстов, характеризующихся системными сбоями в управлении или преследованием отдельных лиц или групп лиц, устойчивый институциональный произвол в корне предает человеческую потребность в коллективном доверии и, в зависимости от обстоятельств, может привести к тяжелым психическим (mental) страданиям, глубокой эмоциональной дестабилизации и продолжительным индивидуальным и коллективным травмам. По мнению Специального докладчика, когда институциональный произвол или преследование преднамеренно и целенаправленно причиняет сильную психическую (mental) боль или страдания бессильным жертвам, оно может либо представлять собой психологическую пытку, либо способствовать ее применению. На практике, этот вопрос имеет особое, но не исключительное, значение в связи с преднамеренным применением произвольного задержания и связанного с этим судебного или административного произвола.

64. Помимо содержания под стражей без связи с внешним миром и в одиночной камере, о чем уже говорилось выше, некоторые из наиболее заметных форм произвольного задержания включают в себя следующее:

- **Насильственное исчезновение.** Речь идет об аресте, задержании, похищении или любой другой форме лишения свободы, производимой государственными должностными лицами или с их разрешения, при их поддержке или молчаливом согласии, при последующем отказе признать факт такого задержания или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувших лиц, что ставит их вне защиты закона.⁴⁶ Насильственное исчезновение может быть приравнено к форме пытки как в отношении исчезнувшего лица, так и в отношении его родственников (A/56/156, пп. 9–16).⁴⁷

- **Принудительное задержание.** Речь идет об умышленном создании все более тяжелых страданий, причиняемых длительным произвольным задержанием, в целях принуждения, запугивания, сдерживания или иного «слома» как самого задержанного, так и третьих лиц.

- **Жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание.** Речь идет о чрезмерно длительных или суровых сроках тюремного заключения, назначаемых в целях сдерживания, запугивания и наказания, но совершенно несоизмеримых тяжести совершенного преступления и несовместимых с основополагающими принципами справедливости и гуманности. Она может также включать в себя тяжелые психические (mental) и эмоциональные страдания, причиняемые «синдромом камеры смертников».⁴⁸

65. Квалификация конкретной ситуации пребывания под стражей как «задержания» зависит не только от того, имеют ли соответствующие лица *де-юре* право на выезд, но и от того, способны ли они *де-факто* осуществлять это право, не подвергая

⁴⁶International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance, art. 2.

⁴⁷ CAT/C/54/D/456/2011, п. 6.4.

⁴⁸ A/67/279, п. 42. European Court of Human Rights, Soering v. the United Kingdom, Application No. 14038/88, Judgment, 7 July 1989, п. 111.

себя серьезным нарушениям прав человека (принцип недопустимости принудительного возвращения).

66. Приравнивается ли произвольное задержание и связанный с ним судебный или административный произвол к психологической пытке, должно определяться в каждом конкретном случае. Как правило, чем дольше будет длиться ситуация произвольного задержания и чем меньше задержанные смогут повлиять на свое собственное положение, тем более тяжелыми будут их страдания и отчаяние. Жертвы длительного произвольного заключения, как правило, всегда имеют посттравматические симптомы и другие тяжелые и постоянные последствия для психического (mental) и физического здоровья. В частности, постоянное воздействие неопределенности и судебного произвола, а также отсутствие сдержанного или недостаточного общения с адвокатами, врачами, родственниками и друзьями вызывает растущее чувство беспомощности и безнадежности, что со временем может привести к хронической тревоге и депрессии.

67. Поэтому, как неоднократно подчеркивал Специальный докладчик как в контексте нелегальной миграции (A/HRC/37/50, пп. 25-27), так и в индивидуальных сообщениях,⁴⁹ в тех случаях, когда произвольное задержание и судебный произвол преднамеренно налагаются или применяются в таких целях, как принуждение, запугивание, сдерживание или наказание, или по причинам, связанным с дискриминацией любого рода, они могут быть приравнены к психологической пытке.

7. Мучительные (пыточные) обстоятельства (накопление стрессовых факторов)

68. Приведенный выше перечень конкретных методов не должен затушевывать тот факт, что на практике жертвы пыток почти всегда подвергаются сочетанию методов, приемов и обстоятельств, преднамеренно предназначенных для причинения как психической (mental), так и физической боли или страданий. В случае применения в изоляции или в течение короткого

⁴⁹ См., в первую очередь, individual communications sent by the Special Rapporteur in the cases of Chelsea Manning, communication No. AL USA 22/2019, 1 November 2019; и Julian Assange, communications Nos. UA/GBR/3/2019, 27 May 2019; и UA GBR 6/2019, 29 October 2019.

периода времени некоторые из этих методов и обстоятельств не обязательно могут быть приравнены к пыткам. Однако, в сочетании с увеличением своей продолжительности, они способны оказывать воистину разрушительное воздействие.⁵⁰ Таким образом, обнаружение пытки может зависеть не только от конкретных характеристик конкретных методов или условий, но и от их совокупного и/или длительного воздействия, иногда в сочетании с внешними факторами стресса или индивидуальной уязвимостью, которые никак не контролируются лицом, применяющим пытку, и могут даже сознательно им не использоваться. Как справедливо отметил Международный трибунал по бывшей Югославии, пытки «могут быть совершены в одном единственном деянии или являться результатом сочетания или накопления нескольких деяний, которые, будучи взяты по отдельности и вне контекста, могут показаться вполне безобидными...». Таким образом, длительность, повторяемость и различные формы незаконного обращения, а также их тяжесть должны оцениваться как единое целое».⁵¹

69. В частности, при отсутствии физической боли и страданий необходимо всегда уделять должное внимание контексту, в котором используются те или иные методы. Например, хотя при обычных обстоятельствах публично выражаемые оскорбления и клевета могут быть приравнены к уголовному преступлению, но не к пыткам, такая оценка может существенно измениться, когда одно и то же поведение становится вопросом систематического, финансируемого государством очернения и преследования, сопряженного с дополнительными мерами, такими как произвольное задержание, постоянное наблюдение, систематический отказ в правосудии и серьезные угрозы или запугивание.⁵² Кроме того, каждый человек может по-разному

⁵⁰ Physicians for Human Rights и Human Rights First, *Leave No Marks: Enhanced Interrogation Techniques and the Risk of Criminality* (2007), p. 6.

⁵¹ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Trial Chamber II, *Prosecutor v. Milorad Krnojelac*, Case No. IT-97-25, Judgment, 15 March 2002, p. 182; См. также, European Court of Human Rights, *Ireland v. the United Kingdom*, Application No. 5310/71, p. 168.

⁵² Large-scale historical examples of such abuse were the so-called “struggle sessions” used during the Chinese Cultural Revolution (1966–1976) to publicly humiliate, abuse and torture political dissidents. См. *Tom Phillips*, “The cultural

реагировать на тот или иной метод пытки. Поэтому на практике эти методы всегда должны оцениваться с учетом индивидуальной уязвимости жертвы (A/73/152), будь то из-за инвалидности (A/63/175), миграционного статуса (A/HRC/37/50) или по любой другой причине.

70. В таких ситуациях вместо того, чтобы рассматривать каждый фактор в отдельности и спрашивать, какие из них выходят за порог «тяжести», более уместно говорить о «пыточной среде», т.е. о сочетании обстоятельств и/или практик, разработанных или имеющих характер, в целом, для умышленного причинения боли или страданий такой тяжести, чтобы мучитель смог в итоге достичь желаемой цели.⁵³ Это отражает реальность, в которой жертвы, как правило, сталкиваются с пытками и реагируют на них целостно, а не как на ряд изолированных методов и обстоятельств, каждый из которых может быть приравнен или не приравнен к пытке.⁵⁴

Е. Киберпытка

71. Особую озабоченность, которая, как представляется, не получила пока достаточного внимания, вызывает возможное использование различных форм информационно-коммуникационных технологий («кибертехнология») для целей пытки. Хотя вопросы поощрения, защиты и осуществления прав человека в Интернете неоднократно рассматривались Советом по правам человека (см. A/HRC/32/L.20; и A/HRC/38/L.10/Ред.1) пытки понимаются главным образом как инструмент, используемый для воспрепятствования осуществлению права на свободу выражения мнений в Интернете, а не как нарушение прав человека, которое может быть совершено с использованием кибертехнологий.

72. Это кажется удивительным, учитывая, что некоторые характеристики киберпространства делают его средой, в высшей степени благоприятной для злоупотреблений и эксплуатации, в

revolution: all you need to know about China's political convulsion", *The Guardian*, 10 May 2016. For a recent individual case, См. OHCHR, "UN expert says 'collective persecution' of Julian Assange must end now", 31 May 2019.

⁵³ Pérez-Sales, *Psychological Torture*, p. 284.

⁵⁴ Luban и Newell, "Personality disruption as mental torture", pp. 363 и 374.

частности, огромную асимметрию власти, практически гарантированную анонимность и почти полную безнаказанность. Государства, корпоративные субъекты и организованные преступники не только имеют возможность проводить кибероперации, причиняя тяжкие страдания бесчисленному множеству людей, но и вполне могут принять решение сделать это для любой из целей применения пыток. Поэтому необходимо вкратце рассмотреть в предварительном порядке содержание и основные контуры того, что можно было бы назвать «киберпыткой».

73. На практике кибертехнология уже играет роль «средства», способствующего совершению как физических, так и психологических пыток, прежде всего посредством сбора и передачи информации и инструкций о наблюдении лицам, проводящим допрос, посредством распространения аудио- или видеозаписей пыток или убийств в целях запугивания или даже прямой трансляции в режиме реального времени материалов о сексуальных надругательствах над детьми «по требованию» клиентов-вуайеристов (A/HRC/28/56, п. 71), а также все чаще с помощью дистанционного управления или манипуляций с электрошоковыми ремнями (A/72/178, п. 51), медицинскими имплантатами и, возможно, нанотехнологическими или нейротехнологическими устройствами.⁵⁵ Кибертехнология может также использоваться для причинения или усугубления тяжелых душевных страданий, без использования при этом телесного воздействия, в первую очередь, путем запугивания, преследования, слежки, публичного позора и диффамации, а также присвоения, удаления или манипулирования личной информацией.

74. Передача серьезных угроз посредством анонимных телефонных звонков уже давно является широко распространенным методом дистанционного внушения страха. С появлением Интернета, в частности, сообщалось о том, что государственные службы безопасности используют кибертехнологии как на своей территории, так и за рубежом для систематического наблюдения за широким кругом лиц и/или непосредственного вмеша-

⁵⁵ *Al Elmondi*, "Next-generation nonsurgical neurotechnology", Defense Advanced Research Projects Agency, available at www.darpa.mil/program/next-generation-nonsurgical-neurotechnology.

тельства в их беспрепятственный доступ к кибертехнологиям.⁵⁶ Электронные коммуникационные службы, социальные медиа-платформы и поисковые системы обеспечивают идеальные условия как для анонимного распространения адресных угроз, сексуальных издевательств и вымогательства, так и для массового распространения вселяющих страх, клеветнических, унижающих достоинство, вводящих в заблуждение или дискриминационных материалов.

75. Отдельные лица или группы лиц, систематически подвергающиеся кибернаблюдению и киберпреследованию, как правило, остаются без каких-либо эффективных средств защиты, избегания или самозащиты и, по крайней мере в этом отношении, часто оказываются в ситуации «бессилия», сопоставимой с физическим содержанием под стражей. В зависимости от обстоятельств, физическое отсутствие и анонимность лица, совершившего преступление, могут даже усилить у жертвы ощущение беспомощности, потери контроля и уязвимости, что не отличается от стрессового эффекта, вызванного завязыванием глаз жертвы или надеванием на нее капюшона во время физической пытки. Аналогичным образом обобщенное чувство стыда, наносимое публичным разоблачением, диффамацией и деградацией, может быть столь же травматичным, как и прямое унижение со стороны преступников в закрытой (тюремной) среде.⁵⁷ Как показали различные исследования по кибербуллингу, одно только преследование в сравнительно ограниченной среде может подвергать целевых лиц чрезвычайно высокому и продолжительному уровню тревоги, стресса, социальной изоляции и депрессии и значительно увеличивает риск самоубийств.⁵⁸ Возможно поэтому, гораздо более системати-

⁵⁶ См. Human Rights Council resolutions 32/13 и 38/7. См., особенно, the 2013 disclosures by Edward Snowden of the global surveillance activities conducted by the United States National Security Agency and its international partners, См. *Ewan Macaskill и Gabriel Dance*, "NSA files: decoded – what the revelations mean for you", The Guardian, 1 November 2013.

⁵⁷ *Pau Pérez-Sales*, "Internet and torture" (forthcoming).

⁵⁸ *Ann John* и др., "Self-harm, suicidal behaviours, и cyberbullying in children and young people: systematic review", *Journal of Medical Internet Research*, vol. 20, No. 4 (2018); *Rosario Ortega* и др., "The emotional impact of bullying and cyberbullying on victims: a European cross-national study", *Aggressive Behavior*, vol. 38, No. 5 (September/October 2012).

ческие, спонсируемые правительством угрозы и преследования, осуществляемые с помощью кибертехнологий, не только влекут за собой ситуацию фактического бессилия, но и вполне могут вызывать чувство тревоги, стресса, стыда и вины, равносильное «тяжелым психическим (mental) страданиям», что как раз и требуется для обнаружения и квалификации случаев пытки.⁵⁹

76. В более общем плане, для обеспечения надлежащего осуществления запрещения пыток и соответствующих правовых обязательств в нынешних и будущих обстоятельствах, его толкование должно эволюционировать в соответствии с новыми вызовами и возможностями, возникающими в связи с новыми технологиями не только в киберпространстве, но и в таких областях, как искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии и нейротехнологии, а также фармацевтические и биомедицинские науки, включая так называемое «усовершенствование человека».

IV. Выводы и рекомендации

77. На основе вышеизложенных замечаний и соображений по существу концепции «психологической пытки» и с учетом результатов широких консультаций с заинтересованными сторонами, Специальный докладчик, опираясь на свои знания и суждения, предлагает нижеизложенные выводы и рекомендации.

78. Распространение. Психологические пытки применяются в самых различных контекстах, включая обычные уголовные расследования, задержания в полиции, операции по задержанию и обыску, сбор разведывательных данных, медицинскую, психиатрическую и социальную помощь, иммиграцию, административное задержание и задержание с целью принуждения, а также в таких социальных контекстах, как насилие в семье, травля, киберзапугивание и преследование по политическим мотивам или дискриминационное преследование.

79. Общие рекомендации. Психологические пытки представляют собой подкатегорию к общему понятию пытки, Специальный докладчик настоящим вновь подтверждает общие рекомендации своего мандата (E/CN.4/2003/68, п. 26) и подчеркивает

⁵⁹ *Samantha Newbery и Ali Dehghantanha, "A torture-free cyber space: a human right", 2017.*

их полную применимость, с учетом известных поправок (*mutatis mutandis*), к методам, приемам и обстоятельствам, приравняваемым к «психологической пытке».

80. Расследование без давления. С учетом практической важности продолжения работы по уточнению линий разграничения (*fault lines*) между допустимыми непринудительными методами ведения следствия и запрещенным принудительным допросом, Специальный докладчик подтверждает выводы и рекомендации, содержащиеся в тематическом отчете, представленном его предшественником (A/71/298), и предлагает государствам активно поддерживать текущий процесс разработки международных руководящих принципов проведения допросов в рамках следствия и связанных с ними гарантий.

81. Стамбульский протокол. Персонал, которому поручено проведение медицинских осмотров, определение миграционного статуса или судебное рассмотрение возможных случаев пыток, должен пройти специальную подготовку по выявлению и документированию признаков пыток и жестокого обращения в соответствии с обновленным Протоколом.

82. Конкретные рекомендации. Говоря более конкретно о понятии «психологическая пытка», Специальный докладчик рекомендует государствам принять, включить в свои национальные нормативные, институциональные и политические рамки, включая, в частности, подготовку и обучение медицинского, судебного, административного, военного и правоохранительного персонала, следующие определения, толкования и понимания и обеспечить их выполнение.

83. Рабочие определения. Для целей законодательства в области прав человека «психологическая пытка» должна толковаться как включающая в себя все методы, приемы и обстоятельства, которые имеют целью или предназначены для преднамеренного причинения сильной психической (*mental*) боли или страданий без использования телесного воздействия для сильной физической боли или страданий. И наоборот, «физические пытки» следует толковать как включающие в себя все методы, приемы и обстановку, которые предназначены или рассчитаны на преднамеренное причинение сильной физической боли или страданий, независимо от параллельного причинения психической (*mental*) боли или страданий.

84. Составляющие элементы: В контексте психологической пытки,

(a) «Психические страдания» (mental suffering) относятся прежде всего к субъективно переживаемым психическим (mental) страданиям, но в их отсутствие могут также относиться и исключительно к объективно причиненному психическому (mental) вреду;

(b) «Тяжесть» (severity) психической (mental) боли или страданий зависит от широкого круга факторов, которые являются эндогенными и экзогенными для отдельного человека, все из которых должны оцениваться на целостной основе в каждом конкретном случае и с учетом конкретной цели, преследуемой соответствующим отношением или наказанием;

(c) Под «беспомощностью» (powerlessness) понимается неспособность жертвы избежать или противостоять причинению психической боли или страданий, которая может быть достигнута не только посредством физического содержания жертвы под стражей, но и, например, путем использования выводящих жертву из строя медицинских препаратов, лишения жертвы дееспособности, а также серьезных и непосредственных угроз и социальных контекстов, характеризующихся принудительным контролем, травлей, киберзапугиванием и преследованием;

(d) «Преднамеренность» (intentionality) присутствует в тех случаях, когда нарушитель (мучитель) знал или должен был знать, что в ходе обычных событий его действия или бездействие приведут к причинению сильной психической (mental) боли или страданий, как в одиночку, так и в сочетании с другими факторами и обстоятельствами;

(e) «Целенаправленность» (purposefulness) присутствует, когда психическая боль или страдание причиняются для таких целей, как допрос, наказание, запугивание и принуждение жертвы или третьего лица, или с дискриминационной связью, независимо от якобы добрых целей, таких как «медицинская необходимость», «перевоспитание», «духовное исцеление» или «переходная терапия»;

(f) «Законные санкции» не могут включать любые санкции или меры, запрещенные соответствующими международными документами или национальным законодательством, такие как длительное или бессрочное одиночное заключение, сенсорные

манипуляции, коллективное наказание, запрет на контакты с семьей или содержание под стражей в целях принуждения, запугивания или по причинам, связанным с дискриминацией любого рода.

85. Преобладающие методы. В отличие от физической пытки, при которой тело и его физиологические потребности используются в качестве проводника (conduit) для воздействия на разум и эмоции жертвы, психологическая пытка делает это путем непосредственного воздействия на одну или несколько базовых психологических потребностей, таких, как:

(a) Безопасность (формирование у жертвы страхов, фобий и чувства тревоги);

(b) Самоопределение (доминирование и подчинение);

(c) Достоинство и целостность личности (через унижение, нарушение неприкосновенности частной жизни и сексуальной неприкосновенности);

(d) Внутрисредовая ориентация (сенсорная манипуляция);

(e) Социальный и эмоциональный контакт (изоляция, отчуждение и эмоциональная манипуляция);

(f) Коллективное доверие (институциональный произвол и преследование).

86. Пыточные условия (torturous environments). На практике, жертвы пыток почти всегда подвергаются сочетанию методов и условий, причиняющих как психическую, так и физическую боль или страдания, тяжесть которых зависит от таких факторов, как продолжительность, степень накопления и личная уязвимость. Жертвы, как правило, переживают пытки и реагируют на них целостно, а не как на ряд изолированных методов и обстоятельств, каждый из которых может быть приравнен или не приравнен к пытке. Соответственно, психологическая пытка может быть совершена в одном единственном действии или бездействии или может быть результатом сочетания или накопления нескольких факторов, которые, будучи взяты по отдельности и вне контекста, могут показаться безобидными. Умышленность, целенаправленность и тяжесть причиняемой боли или страданий всегда должны оцениваться как единое целое и в свете обстоятельств, преобладающих в данной среде.

87. Вызовы новых технологий. Для обеспечения надлежащего осуществления запрета на применение пыток и соответ-

ствующих международно-правовых обязательств в нынешних и будущих условиях, его толкование должно эволюционировать в соответствии с новыми вызовами и возможностями, возникающими в связи с новыми технологиями не только в киберпространстве, но и в таких областях, как искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии и нейротехнологии, а также фармацевтические и биомедицинские науки, включая так называемое «усовершенствование человека».

ПРИНЦИПЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РОЛИ РАБОТНИКОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, В ОСОБЕННОСТИ ВРАЧЕЙ, В ЗАЩИТЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЛИ ЗАДЕРЖАННЫХ ЛИЦ ОТ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Приняты резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи
от 18 декабря 1982 года

Принцип 1

Работники здравоохранения, в особенности врачи, обеспечивающие медицинское обслуживание заключенных или задержанных лиц, обязаны охранять их физическое и психическое здоровье и обеспечивать лечение заболеваний такого же качества и уровня, какое обеспечивается лицам, не являющимся заключенными или задержанными.

Принцип 2

Работники здравоохранения, в особенности врачи, совершают грубое нарушение медицинской этики, а также преступление, в соответствии с действующими международными документами, если они занимаются активно или пассивно действиями, которые представляют собой участие или соучастие в пытках или других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видах обращения и наказания, или подстрекательство к их совершению, или попытки совершить их.¹

¹ См. Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [резолюция 3452 (XXX), приложение], статья 1 которой гласит:

Принцип 3

Работники здравоохранения, в особенности врачи, совершают нарушение медицинской этики, если они вовлечены в любые другие профессиональные отношения с заключенными или задержанными лицами, целью которых не является исключительно обследование, охрана или улучшение их физического или психического здоровья.

Принцип 4

Работники здравоохранения, в особенности врачи, совершают нарушение медицинской этики, если они:

а) применяют свои знания и опыт для содействия проведению допроса заключенных и задержанных лиц таким образом, что это может отрицательно повлиять на физическое или психическое здоровье или состояние таких заключенных или задержанных лиц и не согласуется с соответствующими международными документами;²

«1. Для целей настоящей Декларации пытка означает любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняются сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству с целью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых он подозревается, или запугивания его или других лиц. В это толкование не включаются боль или страдание, возникающие только из-за законного лишения свободы, ввиду состояния, присущего этому или вследствие этого, в той степени, насколько это совместимо с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными.

2. Пытка представляет собой усугубленный и преднамеренный вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания». Статья 7 Декларации гласит:

«Каждое государство должно обеспечить такое положение, при котором все действия совершения пыток, как это определено в статье 1, рассматривались бы в соответствии с его уголовным правом как преступления. То же должно относиться к действиям, которые представляют собой участие в пытках, соучастие в них, подстрекательство или намерение подвергнуть пытке».

² Особенно со Всеобщей декларацией прав человека [Резолюция 217 А (III)], Международными пактами о правах человека [резолюция 2200 А (XXI), приложение], Декларацией о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [резолюция 3452 (XXX), приложение], а также Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными [First United Nations Congress on the

b) удостоверяют или участвуют в удостоверении того, что состояние здоровья заключенных или задержанных лиц позволяет подвергать их любой форме обращения или наказания, которое может оказать отрицательное воздействие на их физическое или психическое здоровье и которое не согласуется с соответствующими международными документами, или в любой другой форме участвуют в применении любого такого обращения или наказания, которое не согласуется с соответствующими международными документами.

Принцип 5

Участие работников здравоохранения, в особенности врачей, в любой процедуре смирительного характера в отношении заключенного или задержанного лица является нарушением медицинской этики, если только оно не продиктовано сугубо медицинскими критериями как необходимое для охраны физического или психического здоровья или безопасности самого заключенного или задержанного лица, других заключенных или задержанных лиц или персонала охраны и не создает угрозы его физическому или психическому здоровью.

Принцип 6

Не может быть никаких отклонений от вышеизложенных принципов ни на каких основаниях, включая чрезвычайное положение.

Prevention of Crime and the Treatment of Offenders: report by the Secretariat (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под N 1956.IV.4), приложение I.A]. Источник: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 51, стр. 305–307

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ОБЩЕСТВА ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (сокращенная версия)

Введение

Общество психоаналитической психотерапии (ОПП) разработало данный Этический кодекс, чтобы определить этические стандарты работы психоаналитического психотерапевта в сферах психотерапевтической практики, обучения психотерапии и исследовательской деятельности. Данный кодекс имеет своей целью информировать психотерапевтов и обучающихся психотерапии студентов (далее студентов) о необходимости следования профессиональной этике и предупредить членов ОПП об опасности отклонений от стандартов профессионального поведения.

Психоаналитическая психотерапия представляет собой метод лечения взрослых людей, детей и подростков, страдающих от эмоциональных нарушений и психических расстройств, с целью ослабления психического страдания и содействия их развитию и благополучию. Разработанные принципы и стандарты профессиональной этики являются общей системой правил, определяющей обязательства психотерапевта перед пациентами, их родителями или опекунами (когда пациентом является ребенок или подросток), студентами, коллегами и общественностью в целом. Этические нормы, которые содержит данный кодекс, предполагают обязательство со стороны психотерапевта действовать в соответствии с этикой психотерапии на протяжении всей своей профессиональной деятельности и способствовать этичному поведению своих коллег и студентов.

Данный кодекс создает общую основу для решения этических проблем. Ни одно из правил этики не может быть общим и отвечающим на все этические вопросы, возникающие в психотерапевтической практике, образовательной и исследовательской

деятельности. Знание членами ОПП Этического кодекса должно позволять им самостоятельно определять, какие части кодекса применимы к той или иной конкретной ситуации и учитывать любые возможные противоречия между различными аспектами профессиональной деятельности.

Ответственность, взвешенность суждений и честность психотерапевта – необходимые условия реализации профессиональной этики в сфере психоаналитической психотерапии. Постоянная самопроверка и рефлексия психотерапевта, а также обращение за супервизией и консультациями к коллегам при возникновении трудностей и этических дилемм обеспечивают надежные условия как для пациента, так и для самого психотерапевта.

На данный момент Этический кодекс ОПП принят Секцией психоаналитической психотерапии взрослых, следовательно, все члены Секции психоаналитической психотерапии взрослых берут на себя обязательство действовать в соответствии с принципами и стандартами данного кодекса. Предполагается, что со временем Этический кодекс будет доработан с учетом особенностей клинической практики других секций ОПП и принят всеми секциями ОПП.

Принципы профессиональной этики

I. Профессиональная компетентность. Психотерапевт должен оказывать только профессионально компетентную помощь и осознавать пределы собственной компетентности. Психотерапевту следует прилагать усилия, чтобы обогащать свои знания и совершенствовать практические навыки. Жизненные стрессы и болезни психотерапевта, ослабляющие его профессиональную компетентность, должны быть им своевременно осознаны; в связи с ними должны быть предприняты соответствующие меры. Следует воздерживаться от оказания профессиональных услуг, когда актуальное состояние психотерапевта может оказать негативное влияние на терапевтический процесс.

II. Уважение личности и отсутствие дискриминации. Психотерапевт должен осознавать собственные ценности и убеждения, и не навязывать их пациентам. Психотерапевту следует оказывать психотерапевтическую помощь пациентам, а также

способствовать профессиональному развитию студентов и коллег, с уважением и заботой. Дискриминация на основании возраста, нетрудоспособности, национальной или религиозной принадлежности, пола, сексуальной ориентации или социально-экономического положения, а также на других основаниях – противоречит этике психотерапии.

III. Информированное согласие. Терапевтические отношения между пациентом и психотерапевтом основываются на доверии и информированном согласии. В ходе первичных интервью пациентов следует проинформировать об особенностях психоаналитической психотерапии и других видах помощи. Психотерапевт должен в тактичной форме достичь согласия с пациентом по поводу времени встреч, оплаты и других правил и обязательств. Если пациентом является ребенок, то, принимая во внимание его возраст, необходимо достигнуть дополнительных соглашений с родителями или опекунами.

IV. Конфиденциальность. Конфиденциальность информации, раскрытой пациентом в общении с психотерапевтом, является основным правом пациента и неотъемлемой частью эффективной психотерапии и исследовательской деятельности. Психотерапевт должен предпринять все необходимые меры, чтобы не нарушить права пациента (в том числе бывшего) на конфиденциальность. Психотерапевт не имеет права обсуждать полученную от пациента информацию вне рамок терапевтического, консультативного, супервизорского и образовательного контекста. Если психотерапевт использует материал случая в обсуждениях с коллегами с консультативными, образовательными или научными целями, данные о личности и жизни пациента должны быть существенно изменены для того, чтобы пациент не мог быть узнан. При презентации случая в письменной форме следует получить разрешение пациента посредством открытого обсуждения целей такой презентации, ее пользы для пациента и вероятности быть узнанным; при этом пациента следует проинформировать о праве на отказ.

V. Честность. Честность лежит в основе терапевтических отношений в психоаналитической психотерапии. Осознавая сложности человеческого общения и терапевтических отношений, психотерапевт должен взаимодействовать с пациентами и их се-

мьями (в случае, когда пациентом является ребенок или подросток), студентами и коллегами честно и достаточно открыто.

VI. Запрет на эксплуатацию пациента. В связи с тем, что пациент достаточно уязвим в неравных отношениях с психотерапевтом, психотерапевт не должен каким-либо образом эксплуатировать пациента и членов его семьи. Психотерапевт должен избегать двойных отношений с пациентами. Сексуальные отношения между психотерапевтом и пациентом или членами семьи последнего являются грубым нарушением профессиональной этики.

VII. Научные обязательства. Психотерапевту следует способствовать развитию научных и клинических знаний и повышению образовательного уровня студентов и коллег. Исследования следует проводить в соответствии с принципами клинического и научного исследования. При проведении исследований особую осторожность следует соблюдать при использовании клинического материала. Данные предосторожности касаются соблюдения прав пациента на конфиденциальность и сведения к минимуму возможности вреда пациенту.

VIII. Охрана профессионального сообщества и общества в целом от некомпетентности. Психотерапевту следует постоянно оценивать свою способность к осуществлению профессиональной деятельности, прибегать к консультациям коллег в ситуации серьезных сомнений и затруднений и давать обратную связь относительно состояния и способностей к профессиональной деятельности своих коллег. Информация о неэтичном поведении члена ОПП должна быть подана в Комитет по этике.

IX. Социальная ответственность. Психотерапевту следует осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с законами, которые действуют в интересах пациента и общественного блага в целом.

СТАНДАРТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Общество психоаналитической психотерапии признает всю сложность отношений психотерапевта и пациента, а также противоречивые ожидания относительно психотерапевтической помощи в современном обществе. Кроме того, эта сложность возрастает, когда пациентом является ребенок и его родители или опекуны оказываются в некоторой степени вовлеченными в терапевтический процесс. Для реализации вышеприведенных принципов были созданы нижеприведенные стандарты, которые могут служить в качестве руководства к действию. Стандарты демонстрируют формы профессионального взаимодействия и практики, которые приняты большинством психотерапевтов как проверенные временем и морально соответствующие их профессиональной деятельности.

1. Профессиональная компетентность

1. Психотерапевт должен заниматься практикой, которая не выходит за пределы его компетентности, то есть практикой, основанной на полученном образовании, специальной подготовке и профессиональном опыте. Психотерапевту следует стремиться приобретать новые знания и навыки, необходимые в работе с различными категориями пациентов. Постоянная самопроверка и рефлексия психотерапевта, а также обращение за супервизией и консультациями к коллегам при возникновении трудностей является важной частью профессионального развития.

2. Следует придерживаться обоснованных теоретических принципов и техник, а также использовать возможность обмена знаниями и консультациями с другими специалистами – с психоаналитиками, психотерапевтами и специалистами смежных направлений.

3. Психотерапевт должен постоянно отслеживать уровень собственной профессиональной компетентности и, когда это необходимо, предпринимать шаги по ее повышению. Психоте-

рапевт должен стремиться получать обратную связь от своих коллег, которая бы позволяла регулярно оценивать уровень собственной профессиональной компетентности.

4. Психотерапевт должен воздерживаться от оказания профессиональных услуг в тех случаях, когда в силу каких-либо причин (например, жизненных обстоятельств или проблем со здоровьем) существует вероятность нанесения вреда пациентам. В данных обстоятельствах психотерапевту следует обратиться за консультацией к коллегам или врачам для определения способности к осуществлению работы и предпринять адекватные меры для исправления нарушений в своей способности к психотерапевтической деятельности.

5. Неотъемлемой частью профессионализма в области психотерапии является следование профессиональной этике. Знание членами ОПП Этического кодекса должно позволять им самостоятельно определять, какие части кодекса применимы к той или иной конкретной ситуации и учитывать любые возможные противоречия между различными аспектами профессиональной деятельности.

В случае сомнения в том, является ли какая-либо потенциальная или действительная ситуация нарушением профессиональной этики, следует проконсультироваться с компетентным психотерапевтом, разбирающимся в вопросах профессиональной этики или обратиться за консультацией в Комитет по этике.

II. Уважение личности и отсутствие дискриминации

1. Психотерапевт должен стремиться осознавать собственные ценности, установки и стереотипы и с уважением относиться к личным ценностям, а также культуральным особенностям пациентов.

2. Психотерапевт не должен допускать дискриминацию пациентов по полу, возрасту, состоянию здоровья, национальной и религиозной принадлежности, сексуальной ориентации и социально-экономическому статусу.

3. Психотерапевту рекомендуется отказаться от участия в социальных и политических движениях, дискриминирующих людей по полу, национальной и религиозной принадлежности, состоянию здоровья, сексуальной ориентации и социально-экономическому положению.

ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ ПРОТОКОЛ К КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ (в сокращенном варианте)

Принят резолюцией 57/199 Генеральной Ассамблеи
от 18 декабря 2002 года

Преамбула

*Государства-участники настоящего Протокола,
вновь подтверждая, что пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания запрещены и представляют собой серьезные нарушения прав человека,*

будучи убеждены в необходимости дальнейших мер по достижению целей Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее именуемой Конвенцией) и усилению защиты лишенных свободы лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, напоминая, что статьи 2 и 16 Конвенции обязывают каждое государство-участник принимать эффективные меры для предупреждения актов пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания на любой территории под своей юрисдикцией,

признавая, что на государствах лежит главная ответственность за выполнение этих статей, что усиление защиты лишенных свободы лиц и неукоснительное соблюдение их прав человека

являются общей обязанностью всех и что международные органы по осуществлению дополняют и укрепляют национальные меры, *напоминая*, что действенное предупреждение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания требует принятия мер в области просвещения и сочетания различных законодательных, административных, судебных и иных мер,

напоминая также о том, что Всемирная конференция по правам человека, состоявшаяся в Вене в июне 1993 года, решительно заявила о том, что усилия по искоренению пыток должны быть прежде всего направлены на предупреждение, и призвала к принятию факультативного протокола к Конвенции, который имеет целью создание превентивной системы регулярного посещения мест содержания под стражей,

будучи убеждены в том, что защита лишенных свободы лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания может быть усилена на основе несудебных мер превентивного характера, основанных на регулярном посещении мест содержания под стражей,

договорились о нижеследующем:

Часть I.

Общие принципы

Статья 1

Цель настоящего Протокола заключается в создании системы регулярных посещений, осуществляемых независимыми международными и национальными органами, мест, где находятся лишенные свободы лица, с целью предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Статья 2

1. Создается Подкомитет по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Комитета против пыток (далее именуемый Подкомитетом по предупреждению), который осуществляет функции, изложенные в настоящем Протоколе.

2. Подкомитет по предупреждению выполняет свою работу в рамках Устава Организации Объединенных Наций и руководствуется его целями и принципами, а также нормами Организации Объединенных Наций, касающимися обращения с лицами, лишенными свободы.

3. Подкомитет по предупреждению также руководствуется принципами конфиденциальности, беспристрастности, неизбирательности, универсальности и объективности.

4. Подкомитет по предупреждению и государства-участники сотрудничают в деле осуществления настоящего Протокола.

Статья 3

Каждое государство-участник создает, назначает или поддерживает на национальном уровне один или несколько органов для посещений в целях предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее именуемых национальными превентивными механизмами).

Статья 4

1. Каждое государство-участник разрешает посещения в соответствии с настоящим Протоколом, механизмами, о которых говорится в статьях 2 и 3, любого места, находящегося под его юрисдикцией и контролем, где содержатся или могут содержаться лица, лишенные свободы, по распоряжению государственного органа или по его указанию, либо с его ведома или молчаливого согласия (далее именуемые местами содержания под стражей). Эти посещения осуществляются с целью усиления, при необходимости, защиты таких лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

2. Для целей настоящего Протокола лишение свободы означает любую форму содержания под стражей или тюремного заключения или помещения лица в государственное или частное место содержания под стражей, которое это лицо не имеет права покинуть по собственной воле, по приказу любого судебного, административного или иного органа.

...

Часть III.

Мандат Подкомитета по предупреждению

Статья 11

Подкомитет по предупреждению:

a) посещает места, упомянутые в статье 4, и представляет рекомендации государствам-участникам относительно защиты лишенных свободы лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

b) в отношении национальных превентивных механизмов:

i) при необходимости, консультирует государства-участники и оказывает им содействие в создании таких механизмов;

ii) поддерживает прямые, при необходимости конфиденциальные, контакты с национальными превентивными механизмами и предлагает им услуги в области профессиональной подготовки и технической помощи в целях укрепления их потенциала;

iii) консультирует их и оказывает им помощь в деле оценки потребностей и мер, необходимых для усиления защиты лишенных свободы лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

iv) представляет рекомендации и замечания государствам-участникам в целях укрепления возможностей и мандата национальных превентивных механизмов для предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

c) Сотрудничает в целях предупреждения пыток в целом с соответствующими органами и механизмами Организации Объединенных Наций, а также с международными, региональными и национальными учреждениями или организациями, действующими в интересах усиления защиты всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Статья 12

Для того чтобы Подкомитет по предупреждению мог выполнять свой мандат, изложенный в статье 11, государства-участники обязуются:

а) принимать Подкомитет по предупреждению на своей территории и предоставлять ему доступ к местам содержания под стражей, определенным в статье 4 настоящего Протокола;

б) предоставлять всю соответствующую информацию, которую Подкомитет по предупреждению может запросить в целях оценки потребностей и мер, которые должны быть приняты для усиления защиты лишенных свободы лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

с) поощрять и облегчать контакты между Подкомитетом по предупреждению и национальными превентивными механизмами;

д) изучать рекомендации Подкомитета по предупреждению и вступать в диалог с ним относительно возможных мер по осуществлению.

Статья 13

1. Подкомитет по предупреждению, вначале с помощью жеребьевки, устанавливает программу регулярных посещений государств-участников в целях выполнения своего мандата, установленного в статье 11.

2. После проведения консультаций Подкомитет по предупреждению уведомляет государства-участники о своей программе, с тем чтобы они без промедления могли бы принять необходимые практические меры для осуществления посещений.

3. Посещения проводятся по крайней мере двумя членами Подкомитета по предупреждению. При необходимости, эти члены могут сопровождаться экспертами, имеющими подтвержденный опыт работы и знания в областях, охватываемых настоящим Протоколом, которые избираются из списка экспертов, подготовленного на основе предложений, высказанных государствами-участниками, Управлением Верховного комиссара по правам человека Организации Объединенных Наций и Центром Организации Объединенных Наций по предупреждению международной преступности. При подготовке этого списка соответствующие государства-участники предлагают не более пяти национальных экспертов. Соответствующее государство-участник может отклонить кандидатуру предложенного для посещения эксперта, после чего Подкомитет предлагает другого эксперта.

4. Если Подкомитет по предупреждению сочтет это необходимым, он может предложить организовать краткое последующее посещение после проведения регулярного посещения.

Статья 14

1. С тем чтобы Подкомитет по предупреждению мог выполнять свой мандат, государства-участники настоящего Протокола обязуются предоставлять ему:

а) неограниченный доступ к любой информации о числе лишенных свободы лиц в местах содержания под стражей, определенных в статье 4, а также о количестве таких мест и их местонахождении;

б) неограниченный доступ к любой информации, касающейся обращения с этими лицами, а также условий их содержания под стражей;

с) в соответствии с пунктом 2 ниже – неограниченный доступ ко всем местам содержания под стражей, их сооружениям и объектам;

д) возможность проводить частные беседы с лишенными свободы лицами без свидетелей, лично или, при необходимости, через переводчика, а также с любым другим лицом, которое, по мнению Подкомитета по предупреждению, может представить соответствующую информацию;

е) право беспрепятственно выбирать места, которые он желает посетить, и лиц, с которыми он желает побеседовать.

2. Возражения в отношении посещения конкретного места содержания под стражей могут основываться лишь на возникших в срочном порядке и убедительных соображениях, касающихся национальной обороны, государственной безопасности, стихийных бедствий или серьезных беспорядков в месте предполагаемого посещения, которые временно препятствуют проведению такого посещения. Наличие объявленного чрезвычайного положения как такового не может приводиться государством-участником в качестве причины для возражения против проведения посещения.

Статья 15

Ни один орган или должное лицо не может назначать, применять, разрешать или допускать любую санкцию в отношении любого лица или организации за сообщение Подкомитету по

предупреждению или его членам любой информации, будь-то правдивой или ложной, и ни одно такое лицо или организация не могут быть каким-либо иным образом ущемлены.

Статья 16

1. Подкомитет по предупреждению направляет свои рекомендации и замечания в конфиденциальном порядке государству-участнику и, при необходимости, национальному превентивному механизму.

2. Подкомитет по предупреждению публикует свой доклад вместе с любыми замечаниями соответствующего государства-участника в случае поступления соответствующей просьбы от государства-участника. Если государство-участник передает гласности часть доклада, Подкомитет может опубликовать доклад полностью или частично. Вместе с тем данные личного характера не могут публиковаться без прямо выраженного согласия соответствующего лица.

3. Подкомитет по предупреждению представляет открытый ежегодный доклад о своей деятельности Комитету против пыток.

4. Если государство-участник отказывается сотрудничать с Подкомитетом по предупреждению в соответствии со статьями 12 и 14 или отказывается принимать меры для улучшения положения в свете рекомендаций Подкомитета по предупреждению, Комитет против пыток может по просьбе Подкомитета, после того, как государство-участник получит возможность изложить свои соображения, принять большинством голосов своих членов решение выступить с публичным заявлением по данному вопросу или опубликовать доклад Подкомитета.

Часть IV.

Национальные превентивные механизмы

Статья 17

Не позднее чем через один год после вступления в силу настоящего Протокола или его ратификации или присоединения к нему каждое государство-участник поддерживает, назначает или создает один или несколько независимых национальных превентивных механизмов для предупреждения пыток на националь-

ном уровне. Механизмы, учрежденные децентрализованными органами, могут, для целей настоящего Протокола, назначаться в качестве национальных превентивных механизмов, если они отвечают требованиям его положений.

Статья 18

1. Государства-участники гарантируют функциональную независимость национальных превентивных механизмов, а также независимость их персонала.

2. Государства-участники принимают необходимые меры по обеспечению того, чтобы эксперты национального превентивного механизма обладали необходимым потенциалом и профессиональными знаниями. Они обеспечивают гендерный баланс и адекватную представленность существующих в стране этнических групп и групп меньшинств.

3. Государства-участники обязуются предоставлять необходимые ресурсы для функционирования национальных превентивных механизмов.

4. При создании национальных превентивных механизмов государства-участники учитывают Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений по защите и поощрению прав человека.

Статья 19

Национальным превентивным механизмам предоставляются, как минимум, следующие полномочия:

а) регулярно рассматривать вопрос об обращении с лишенными свободы лицами в местах содержания под стражей, определенных в статье 4, с целью усиления, при необходимости, их защиты от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

б) представлять рекомендации соответствующим органам в целях улучшения обращения с лишенными свободы лицами и условий их содержания и предупреждать пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания с учетом соответствующих норм Организации Объединенных Наций;

в) представлять предложения и замечания, касающиеся действующего законодательства или законопроектов.

Статья 20

С тем чтобы национальные превентивные механизмы могли выполнять свой мандат, государства – участники настоящего Протокола обязуются предоставлять им:

а) доступ к любой информации о числе лишенных свободы лиц в местах содержания под стражей, определенных в статье 4, а также о количестве таких мест и их местонахождении;

б) доступ к любой информации, касающейся обращения с этими лицами, а также условий их содержания под стражей;

с) доступ к любым местам содержания под стражей, их сооружениям и объектам;

д) возможность проводить частные беседы с лишенными свободы лицами без свидетелей, лично, или, при необходимости, через переводчика, а также с любым другим лицом, которое, по мнению национального превентивного механизма, может предоставить соответствующую информацию;

е) право беспрепятственно выбирать места, которые они желают посетить, и лиц, с которыми они желают побеседовать;

ф) право устанавливать контакты с Подкомитетом по предупреждению, направлять ему информацию и встречаться с ним.

Статья 21

1. Ни один орган или должностное лицо не может назначать, применять, разрешать или допускать любую санкцию в отношении любого лица или организации за сообщение национальному превентивному механизму любой информации, будь то правдивой или ложной, и ни одно такое лицо или организация не могут быть каким-либо иным образом ущемлены.

2. Конфиденциальная информация, собранная национальным превентивным механизмом, не подлежит разглашению. Данные личного характера публикуются только с прямо выраженного согласия соответствующего лица.

Статья 22

Компетентные органы соответствующего государства-участника изучают рекомендации национального превентивного механизма и вступают с ним в диалог в отношении возможных мер по осуществлению.

Статья 23

Государства-участники настоящего Протокола обязуются публиковать и распространять ежегодные доклады национальных превентивных механизмов.

София Нагорная, Шамиль Хазиев

**Долг адвоката и этика психолога:
Психическая (психологическая) пытка
в правовой системе России**

Верстка *Иванов С.*

Художественное оформление *Миронова М.*

Корректор *Поварова С.*

Самой ужасающей жестокостью является наше безразличие. Сегодня, в День прав человека, мы должны помнить, что человеческое достоинство неприкосновенно и запрещение пыток абсолютно. При этом мы знаем, что пытки, жестокость и унижения все ещё практикуются во всём мире... Как можем мы пировать за столами наших уютных домов, когда наших собратьев ломают, коверкают и унижают прямо перед нашими подъездами?

Всеобщая Декларация о правах человека бескомпромиссно провозгласила человечество, основанное на мире, справедливости и человеческом достоинстве. Сегодня, 70 лет спустя, мы не сдержали это обещание и должны как в зеркале увидеть правду, что без изменения нашего отношения и решительных шагов к принятию полной ответственности, оно никогда не сбудется.

*Нилс Мелцер
Специальный докладчик ООН
по пыткам (автор доклада ООН 2020
о психологической пытке)*